

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2022 № 9

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2022 № 9

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Уянаев С.В.** Диалоговый формат «Россия-Индия-Китай»: китайский фактор, текущие перспективы, задачи России **5**

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Дейч Т.Л., Усов В.А.** Сотрудничество Китая и Индии со странами Африки в вопросах мира и безопасности **12**

- Щедров И.Ю.** Энергетический переход в Индии: проблемы и перспективы **20**

- Денисова Т.С., Костелянец С.В.** Судан после Омара аль-Башира: территория нестабильности **29**

- Алексеева Н.Н., Фортигина Е.А.** Климатический вектор эколого-экономической модернизации Китая **37**

COVID-19 в Азии

- Губина М.А., Терентьева Д.В.** (Санкт-Петербург). Китайская система здравоохранения: генезис, реформирование и ответ на пандемию *COVID-19* **46**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Васильев А.М.** Саудовская Аравия. Новые вызовы королевству **53**

Трибуна соискателя

- Toklo S.** (Ghana). Factors influencing the perception of corruption (a multilevel analysis in Africa) **70**

РЕЦЕНЗИИ

- Гавристова Т.М.** (Ярославль). О танзанийской нации, её «отце» и «танзафилии» **77**
-

© Российская академия наук, 2022
© Редакция журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2022

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495-697-95-66, 691-02-70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

CONTENTS

TOP PROBLEM

- Sergey V. Uyanaev.** “Russia-India-China” dialogue format: The Chinese factor, current prospects, tasks for Russia **5**

POLITICS, ECONOMICS

- Tatiana L. Deych, Vyacheslav A. Usov.** China and India cooperation with Africa in matters of peace and security **12**
- Ivan Yu. Shchedrov.** Energy transition in India: Challenges and prospects **20**
- Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets.** Sudan after Omar al-Bashir: A territory of instability **29**
- Nina N. Alekseeva, Ekaterina A. Fortygina.** The climatic vector of ecological and economic modernization of China **37**

COVID-19 in Asia

- Maryana A. Gubina, Darya V. Terentyeva** (St. Petersburg). Chinese healthcare system: Genesis, reforms and response to the COVID-19 pandemic **46**

PAGES OF HISTORY

- Alexey M. Vasiliev.** Saudi Arabia. New challenges to the kingdom **53**

POST-GRADUATE COLUMN

- Sewordor Toklo** (Ghana). Factors influencing the perception of corruption (a multilevel analysis in Africa) **70**

BOOK REVIEW

- Tatyana M. Gavristova** (Yaroslavl). About the Tanzanian nation, its “Father” and “Tanzaphilia” **77**
-

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2022

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66, 691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Диалоговый формат «Россия-Индия-Китай»: китайский фактор, текущие перспективы, задачи России

© Уянаев С.В.^a, 2022

^a Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5471-8224; svuyav@yahoo.com

Резюме. Нынешнее обострение международной обстановки повышает актуальность анализа потенциала и перспектив взаимодействия России, Индии и Китая (РИК).

Диалоговый формат РИК, нацеленный на продвижение к полицентричному миропорядку и сотрудничество трех стран в экономике и других сферах, имеет сегодня как возможности, так и ограничители. Последние связаны со сложностями китайско-индийских отношений, с непростой ролью «китайского фактора», в том числе в отношениях Москвы и Нью-Дели, с текущими мировыми трансформациями.

Россия, заинтересованная в укреплении РИК, стоит сегодня перед задачей поиска ответов на ряд вызовов. Существует неопределенности относительно вектора диалога между Пекином и Нью-Дели, в связи с чем насущным является деликатное содействие разрешению китайско-индийских споров.

Есть немало вопросов, связанных с развитием текущих глобальных и региональных тенденций, в т.ч. с нагнетаемой коллективным Западом политикой тотальной изоляции России под предлогом украинских событий. От способности реагировать и купировать подобные риски прямо зависят перспективы трехстороннего формата и связанные с ним интересы РФ.

Ключевые слова: Россия, Индия Китай, РИК, взаимодействие, диалоговый формат, вызовы

Для цитирования: Уянаев С.В. Диалоговый формат «Россия-Индия-Китай»: китайский фактор, текущие перспективы, задачи России. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 5-11. DOI: 10.31857/S032150750021782-2

“Russia-India-China” dialogue format: The Chinese factor, current prospects, tasks for Russia

© Sergey V. Uyanaev^a, 2022

^a Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5471-8224; svuyav@yahoo.com

Abstract. The article attempts to analyze the potential and prospects of cooperation for trilateral cooperation among Russia, India and China (RIC) in the context of the current aggravation of the international situation.

The author proceeds from the fact that the dialogue format of the RIC initially aimed to promote a polycentric world order, as well as to push forward the practical cooperation among and between (bilateral level) the three countries in economic, social, cultural, humanitarian, scientific, technical and other similar spheres, nowadays has both considerable opportunities and noticeable limitations. The latter are connected, in particular, with the complexities of Sino-Indian relations, with the ambiguous, therefore, role of the “Chinese factor” regarding especially the relations between Moscow and New Delhi.

There are some issues (usually of a routine nature) awaiting resolution in Moscow’s bilateral relations both with Beijing and New Delhi. The risks experienced by the RIC format in the context of current international transformations also play their role.

Russia, which is interested in strengthening the RIC, is now facing the task of finding answers to a number of challenges. Among them is the need to build equally strong and stable relations both with India and China, and to pursue a policy that would not allow somebody reproaching Russia with any “preferences” in one direction or another.

It is also important to carefully encourage India to participate in such structures as BRICS and SCO, to contribute - delicately and unobtrusively - to promotion of Sino-Indian relations, including the solving of border problem.

Keywords: Russia, India, China, RIC, interaction, dialogue format, challenges

For citation: Sergey V. Uyanaev. “Russia-India-China” dialogue format: The Chinese factor, current prospects, tasks for Russia. *Asia and Africa today*. 2022. № 9. Pp. 5-11. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021782-2

ВВЕДЕНИЕ

Отношения в треугольнике РФ - Индия - Китай (РИК), как и сам существующий уже два десятилетия диалоговый формата РИК, традиционно являются предметом повышенного внимания политиков и экс-

пертов. Это внимание потенциально способно вырасти на фоне текущих трансформаций международной архитектуры, связанных с растущей конфронтацией России и коллективного Запада, усложнением китайско-американских отношений, в т.ч. в связи с ситуацией в Восточной Азии, в частности, вокруг Тайваня. Понятно, что в стороне от этих процессов не может оставаться и такая крупная держава, как Индия.

ДВУЕДИНАЯ СУЩНОСТЬ

Россия, Индия и Китай («тройка», часто называемая «гиганты Евразии») - это 40% населения планеты, пятая часть её суши и, по последним данным, 22,4% номинального мирового ВВП (по ППС еще выше - почти 29%) [1].

Россия и Китай являются официальными членами «ядерного клуба», постоянными членами Совета Безопасности ООН. Индия располагает ядерным статусом де-факто, числится среди главных претендентов на постоянное членство в СБ в ходе обсуждаемой реформы ООН. Поэтому реальные и потенциальные трехсторонние интеграционные связи в данном формате способны заметно влиять на региональную и международную обстановку, в т.ч. с точки зрения перспектив формирования инклюзивной, равноправной и представительной многополярной международной системы.

Но не только. Для каждой из названных стран важны и отношения «внутри» РИК - непосредственно между Москвой и Нью-Дели, Нью-Дели и Пекином, Пекином и Москвой. Очевидно, что состояние и особенности каждой из данных линий имеют прямое отношение к потенциалу, прочности и возможностям трехсторонней системы в целом.

В этом смысле возможную трехстороннюю международную координацию и практическую интеграцию, с одной стороны, и отношения между РФ, Индией и КНР на двустороннем уровне (в т.ч. с прицелом на трехсторонние экономические и другие практические проекты), с другой, можно рассматривать в качестве двуединой сущности и свойственных «тройке» двух одинаково самоценных категорий.

Если говорить о двусторонних отношениях, то трудно не заметить, что взаимодействие между собой любой пары углов треугольника РИК, испытывает, так или иначе, влияние со стороны «третьего угла». Это абсолютно справедливо, например, для российско-индийского диалога, в котором, с учетом исторически противоречивых отношений между Индией и Китаем, так или иначе, присутствует влияние «китайского фактора».

Конечно, и Москва, и Дели, отношения между которыми традиционно носят высокий характер и имеют статус привилегированного стратегического партнерства, смотрят на «китайский фактор» со своими особенностями.

ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Россия числит и Китай, и Индию среди своих главных внешнеполитических приоритетов. Стремится к прочным отношениям стратегического партнерства с каждой из двух стран. Поэтому отношения с Дели, являющиеся по-своему уникальными (в них практически никогда не существовало серьезных политических проблем), Москва стремится выстраивать без ущерба для своих связей с Пекином. Точно так же Россия избегает продвигать российско-китайское взаимодействие за счет ущемления отношений с Индией.

Курс Москвы - это стремление поддерживать максимально сбалансированный и одинаково дружественный, партнерский характер связей и с Китаем, и с Индией. Не случайно, например, что встречи с партнерами на высшем уровне руководство РФ по возможности стремится совмещать по времени проведения. Так было еще в 2002 г., когда В.В.Путин 1-3 декабря находился в Пекине, а в следующие два дня - в столице Индии; аналогичный подход часто соблюдался в последующие годы; по существу - те же совмещенные саммиты имели место и в последнее время, когда президент РФ, совершив 6 декабря 2021 г. визит в Дели, спустя чуть более недели провел переговоры с председателем КНР (в формате видеоконференции, второй в 2021 г.).

Понятно, что такому сбалансированному подходу отвечало бы, в свою очередь, прочное сотрудничество и добрососедство между КНР и Индией. В том числе поэтому Москва инициировала в 2001-2002 гг. диалоговый формат РИК (а позднее и БРИК/БРИКС), где такое видение могло бы получить существенную подпитку - обеспечивалась бы дополнительная почва для прочного созидательного диалога сразу по всем двусторонним линиям отношений в российско-китайско-индийском треугольнике, включая отношения между КНР и Индией. Не случайно ещё в первом официальном коммюнике по итогам встреч министров иностранных дел трех стран, подписанном в 2005 г., говорилось о важности «динамичного развития двусторонних отношений между Россией и Индией, Россией и Китаем, Индией и Китаем», что одновременно «открывает возможности для выхода трехстороннего сотрудничества на качественно новый уровень» [2].

В рамках РИК (и БРИКС) - структур, которые, с точки зрения комплексных задач, нацелены, повторим, не только на вклад в «формирование многополярного, стабильного и гармоничного мира, демократизацию международных отношений и становление более справедливого и рационального международного порядка»¹, но и на многопрофильное практическое сотрудничество между странами-участницами, действительно были созданы дополнительные площадки для конструктивных двусторонних контактов. Свидетельством этому были, в частности, неоднократные переговоры министров иностранных дел КНР и Индии на полях регулярных трехсторонних встреч РИК (например, в декабре 2017 г. в Дели², а также в феврале 2019 г. в китайском г. Учжэнь [3]).

Но жизнь часто оказывается сложнее. В силу застарелых проблем отношений между Пекином и Дели (пограничная, тибетская, торгово-экономическая и другие), а также в связи с периодическим обострением сравнительно новых зон противоречий, включая конкуренцию за региональное лидерство, отношения между Пекином и Дели всё ещё трудно назвать прочными и стабильными. А это объективно затрудняет и функционирование трехстороннего формата.

«КИТАЙСКИЕ ОПАСЕНИЯ» ИНДИИ

Поэтому, если мы говорим об Индии, то её видение китайского фактора в РИК колеблется в диапазоне от внимательного мониторинга - порой с определенной озабоченностью - взаимодействия между Москвой и Пекином, до выражения очевидного беспокойства и опасений (по крайней мере, среди экспертов), если речь идет о китайской внешней политике в целом.

Это не случайно, поскольку «китайский фактор» (наряду с «фактором Пакистана») буквально пронизывает индийский внешнеполитический курс, прежде всего - на региональном уровне.

Итоговый уход Индии (после нескольких лет участия в обсуждениях) от участия во Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), членом которого является Китай; достаточно активное подключение к фактически возглавляемой США группировке QUAD³ и диалоговому формату «США-Япония-Индия»; продолжение курса подчеркнутого отстранения от сотрудничества по китайской трансконтинентальной инициативе «Пояса и пути» - эти и им подобные свои действия официальный Нью-Дели последовательно и настойчиво объясняет обтекаемой формулировкой о необходимости «обеспечения региональной стабильности». Но даже в этой дипломатичной формуле явно подразумевается контекст вызовов со стороны «китайского фактора». Более того, на фоне пограничных обострений не только общественность и эксперты, но даже действующие высокопоставленные индийские военные, порой, не удерживаются от прямого упоминания Китая в качестве «самой большой угрозы безопасности Индии» [4].

При этом, однако, в Индии подчеркивают (на эту тему на недавнем семинаре в ИМЭМО РАН в Москве выступил, в частности, известный индийский политолог Атул Анеджа), что Нью-Дели не стремится «сдерживать Китай», целью является достижение «стабильного баланса сил».

Очевидно, что и в рамках российско-индийско-китайской «тройки» Индия, в известном смысле, хотела бы в рамках достижимого «сбалансировать» Китай.

В свою очередь, китайская сторона не раз, в частности, на экспертных площадках, задавала косвенные вопросы о якобы «предпочтениях РФ» в сторону Индии, в частности, в сфере военно-технического сотрудничества. В свое время в качестве примера такого рода в КНР приводился факт передачи Россией в аренду индийскому ВМФ (конец 2011 г.) атомной подводной лодки [5]. В этом же ряду - и сравнительно недавние события, когда из КНР прозвучали завуалированные, но тем не менее вполне доступные для прочтения в Москве сигналы недовольства приобретением Индией российских систем ПВО С-400 [6]. И это - несмотря на то, что ранее такие же системы уже были поставлены Китаю.

Такая ситуация ставит порой Россию в деликатное положение (его иногда называют «шпагатом»). Выйти из этой затруднительной ситуации, сохранить высокий уровень отношений как с Нью-Дели, так и с Пекином помогает, повторим, формат РИК. Но нельзя не видеть, что заметное осложнение в послед-

¹ Именно таким образом одна из основных целей РИК была сформулирована, например, в одном из первых документов этого формата - Совместном коммюнике по итогам встречи трех министров иностранных дел (15 мая 2008 г.). https://mid.ru/foreign_policy/briks/1708245/

² Встреча министра иностранных дел Индии С.Сварадж со своим китайским коллегой Ван И на полях министерской встречи РИК прошла через несколько месяцев после 72-дневного пограничного противостояния в районе плато Доклам, поэтому существо непростых переговоров потребовало специальных разъяснений для СМИ, с которыми выступил официальный представитель МИД Индии. https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/29177/Official_Spokespersons_response_to_articles_appearing_in_some_sections_of_media_regarding_EAMs_Meeting_with_Chinese_FM

³ QUAD - стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе (*прим. ред.*).

ние два-три года китайско-индийских отношений поставило перед трехсторонней структурой очевидные вызовы.

Кровопролитные события в долине реки Галван на пограничном участке в Ладакхе в июне 2020 г. хоть и не заморозили деятельность РИК, но очевидно внесли в неё сдерживающие элементы.

Понятно, что на принципиальную возможность мероприятий в РИК начиная с 2020 г. универсальные ограничители наложил пандемия *COVID-19*. Однако трудно не обратить внимания, что состоявшиеся «после Галвана» в рамках российского председательствования (2020 г.) мероприятия трех министров иностранных дел (видеоконференция 23 июня и очная встреча 11 сентября в Москве) завершились не традиционными коммюнике, а лишь весьма лаконичными Совместными сообщениями для СМИ. При этом личная встреча в сентябре в российской столице впервые с 2005 г. была организована не отдельно, а лишь «на полях» другого форума - проходившего в Москве мероприятия ШОС [7].

НЬЮ-ДЕЛИ - ПЕКИН: СЛОЖНЫЙ ЭТАП ДИАЛОГА

Уровень китайско-индийской напряженности и жесткость пограничных столкновений в мае-июне 2020 г., а главное - вызванные ими последствия в известной степени стали неожиданностью даже для наблюдателей, следящих за ситуацией. Ведь конфликту предшествовали минимум полтора десятилетия вполне стабильного и в целом позитивного развития двустороннего диалога, в т.ч. на уровне встреч высших руководителей.

Достаточно вспомнить, что не далее как в 2018 и 2019 гг. были проведены специальные неформальные саммиты вначале в Ухане, а потом в Ченнаи, на которых, согласно оценкам специалистов, председатель Си Цзиньпин и премьер-министр Н.Моди укрепили «стратегический консенсус», продвинули доверительность китайско-индийского диалога, атмосфера которого получила даже специальное определение - «Дух Уханя». На границе без малого полвека не звучало ни единого выстрела.

Огнестрельное оружие (по специальному обоюдному соглашению пограничные подразделения им не оснащаются) не применялось сторонами и в ходе июньских схваток в долине Галван. Тем не менее, в результате применения камней, тяжелых дубинок, падений с высоты имели место первые с 1975 г. людские жертвы: индийская сторона сообщила о 20 погибших, власти КНР после восьмимесячной паузы официально сообщили о четырех таких случаях.

Общим же результатом стали существенно обострившиеся отношения по многим линиям, ослабление экономических, гуманитарных и иных контактов. В общественном пространстве и СМИ каждой из стран не стало недостатка в критике и обвинениях в адрес противоположной стороны, видные эксперты, в частности, бывший советник по национальной безопасности при премьер-министре Индии Шившанкар Менон, оценили общее положение как на редкость серьезное и требующее «коренной перезагрузки» [8].

За истекшее с момента пограничных столкновений время Индии и Китаю путем сложных переговоров, причем в опоре на созданные в последние 10-15 лет специальные механизмы пограничного диалога (и это, заметим, в любом случае - несомненное достижение общего комплекса отношений), удалось добиться заметного снижения уровня противостояния.

Однако урегулирование, в частности, по мнению Индии, носит неполный характер, поскольку не на всех участках реализовано её требование отвести китайские подразделения на линию разграничения в Ладакхе по состоянию на начало конфликта. Если у озера Пангун-цо (здесь столкновения имели место начиная с мая 2020 г.) сторонам в части разведения войск удалось достичь взаимоприемлемых решений, то в долине Галван дела продвигаются заметно медленнее, требуемый Индией возврат на позиции, существовавшие до начала острой фазы, китайские военные пока не принимают.

Тем не менее позитивные сигналы имеются. Так или иначе, но в 2021 г. торговля товарами между Китаем и Индией в годичном измерении увеличилась более чем на 43% и (по китайской статистике) достигла рекордного в истории уровня - \$125,7 млрд [9]. Глава МИД КНР в марте 2022 г. на пресс-конференции на полях очередной сессии китайского парламента вновь говорил о задаче достижения «устойчивого мира и согласия с Индией» [10], а спустя две недели (25 марта) совершил первый с момента обострения визит в её столицу. В ходе переговоров в Пекине министр иностранных дел КНР Ван И и его индийский коллега С.Джайшанкар отметили взаимную «заинтересованность в стабильных и предсказуемых отношениях».

Надо заметить, что индийское экспертное сообщество не склонно переоценивать итоги встречи. Обозреватель «*Economic Times*» Дипанджан Чаудхури, выступая через два месяца на Круглом столе в Российском совете по международным делам, в ответ на вопрос о результатах визита главы китайской дипломатии особо подчеркнул тот «не слишком оптимистичный» факт, что Ван И, в отличие от побывавшего в Дели чуть ранее С.Лаврова, не был принят премьером Нарендрой Модии.

В любом случае движение к известной нормализации, пусть и неспешной, похоже, явно наметилось. Принимая в конце июля 2022 г. нового индийского посла в Пекине (им стал П.К.Рават) Ван И подчеркнул, что обе стороны должны идти навстречу друг другу, продвигать китайско-индийские отношения, чтобы сохранить импульс восстановления, вернуться на путь стабильного и здорового развития в ближайшее время, совместно решать различные глобальные проблемы и защищать общие интересы Китая и Индии. В ответ индийский дипломат отметил, что его страна в рамках своей независимой политики «готова работать с Китаем, чтобы придерживаться стратегического консенсуса, достигнутого лидерами двух стран, продвигать двустороннее сотрудничество для лучшего развития» [11].

ПЕРСПЕКТИВЫ РИК

С точки зрения перспектив формата РИК это означает, что текущие сложности китайско-индийских отношений не являются для него критическим ограничителем.

При всех оговорках, собираются встречи глав МИД - их 18-я встреча в ноябре 2021 г. хоть и прошла в онлайн формате, но вновь завершилась принятием полновесного коммюнике из 35 пунктов [12].

Стороны, в частности, вновь подчеркнули обоюдную заинтересованность в укреплении многополярной международной системы, основанной на уважении международного права и принципов Устава ООН, и на центральной координирующей роли ООН в международных делах. Была подтверждена общность подходов к таким проблемам, как терроризм, разоружение, диалоговый способ урегулирования споров, борьба с наркотиками, положение в горячих точках, в частности, в Афганистане и Сирии. Министры заявили также о недопустимости политики односторонних санкций сверх тех, которые приняты Советом Безопасности ООН, важности сотрудничества в таких форматах, как «Группа двадцати», БРИКС, ШОС, отметили идею создания Большого евразийского партнерства с участием стран ШОС, ЕАЭС, АСЕАН и других заинтересованных государств и многосторонних ассоциаций.

Министр иностранных дел РФ С.В.Лавров, выступая на встрече, отметил, что «Формат РИК остается одним из ключевых факторов мировой и региональной политики, востребованным в вопросах обеспечения безопасности, совершенствования архитектуры межгосударственных отношений в АТР» [13].

Значимость РИК была подчеркнута в китайских и российско-индийских документах по итогам недавних визитов В.В.Путина в Дели (декабрь 2021 г.) и Пекин (февраль 2022 г.).

Нет признаков, что РИК как-либо заметно помешали бы и украинские события, проведение Россией специальной военной операции, поскольку Индия и КНР воздержались от антироссийской позиции.

Иными словами, РИК определенно продолжают считать важным в РФ; сходной позиции придерживаются и в КНР, где, в частности, эксперты подчеркивают, что нынешнее «изменение баланса сил на евразийском континенте создает как проблемы, так и возможности для дальнейшего трехстороннего сотрудничества» [14]. Но, несмотря на происходящие международные трансформации, не проявляет намерений к выходу из него (по крайней мере, пока) и Нью-Дели, который, уже давно вполне рутинно совмещает его со своим участием в аналогичных форматах западной ориентации.

Применительно к «китайскому фактору», но уже в более широком, не связанном только с Россией прочтении, стоит еще раз вспомнить о «курсе стратегической автономии», которого твердо продолжают придерживаться в Нью-Дели. Как отмечал в свое время, говоря об особенностях этого курса, руководитель одного из крупнейших индийских экспертных центров - Института обороны и стратегического анализа (IDSA) Н.С.Сисодия, неизменный принцип политики - «не строить отношения с какой-либо из великих держав ценой связей с друзьями и партнерами» [15].

В рамках балансирования между Западом с одной стороны, и в любом случае «партнерским Китаем» (напомним, что официальный статус отношений Индии с КНР - «стратегическое партнерство») и дружественной Россией - с другой, Индия продолжает подчеркнута воздерживаться от пересечения антикитайских «красных линий». Например, уходит от участия в военных элементах различных создаваемых Западом региональных структурах типа *QUAD*. Еще менее вероятной видится перспектива, когда в жертву сближению с США были бы принесены долговременные отношения с Россией.

ЗАДАЧИ РОССИИ

На этом фоне в РИК сегодня актуализируется задача де-факто «борьбы за Индию», причем в тесной связи с необходимостью не допустить критического обострения китайско-индийских отношений.

Причины достаточно очевидны.

Во-первых, трудно не учитывать динамику перемен в международном контексте, особенно усилившуюся в 2022 г. Поляризация, в отличие от первого десятилетия существования РИК, отношений России (и в

известной степени КНР) с Западом объективно обостряют для Индии проблему выбора «стороны баррикад». Однозначное скатывание Нью-Дели в стан «западных партнеров» было бы для РИК (а во многом и для БРИКС) очевидным приговором.

Во-вторых, самостоятельным риском для РИК продолжают оставаться китайско-индийские противоречия, прежде всего по территориальной проблеме.

Ответы на эти вызовы важны и для перспектив трехстороннего формата, и для российских интересов. Поиску таких ответов со стороны РФ могло бы отвечать следующее:

- Активное поощрение заинтересованности КНР и, особенно, Индии в сотрудничестве в многосторонних форматах с участием России (РИК, БРИКС, ШОС). О том, что совместные интересы (многополярный мир, ведущая роль ООН, недопустимость гегемонии) сохраняются, говорит факт проведения в 2020-2021 гг. встреч (видеоконференции, личный формат) министров иностранных дел РИК. Трехсторонние контакты осложнены (в т.ч. по причине сдержанной позиции Индии), но их не смогли «отменить» даже кровопролитные события в Ладакхе. Об этом же свидетельствуют и различные контакты в рамках БРИКС и ШОС, а также заявления многих официальных лиц.

Так, о намерении Нью-Дели продолжать работу в РИК и других форматах уже буквально через месяц после событий в Ладакхе в ходе беседы с приглашенными российскими экспертами-политологами говорил в то время посол Индии в Москве Д.Б.Венкатеш Варма. Можно сослаться и на приведенное в комментариях по случаю очередной встречи глав МИД РИК (онлайн, ноябрь 2021 г.) мнение сотрудницы авторитетного индийского центра - *Observer Research Foundation* - Ниведиты Капур, которая отметила, что «независимо от состояния двусторонних отношений, существуют вопросы регионального и глобального значения, по которым эти страны должны работать вместе»⁴.

- Внимание к сохранению (возможному обновлению) сформированных еще на рубеже 2000-2010 гг. дорожек взаимодействия в РИК (трехсторонние встречи «первых лиц», «дорожки» по линии МИД, академических и деловых сообществ, структур по вопросам национальной безопасности, сельского хозяйства, чрезвычайных ситуаций и т.п.). Ряд этих направлений, прежде всего в практических сферах, стартовав в свое время, затем перешли в замороженное состояние.

Реализация (несмотря на текущие международные трансформации) достигнутых ещё в ходе видеоконференции 23 июня 2020 г. договоренностей о проведении первой встречи министров обороны РФ, Индии и КНР (это стало бы качественным импульсом всей системе взаимодействия); развитие контактов по линии санитарно-эпидемиологических служб, задействованных в продолжающейся борьбе с пандемией коронавируса. Кроме того, можно вспомнить, что еще в 2009 г. на встрече министров иностранных дел РИК говорилось о хороших перспективах трехстороннего сотрудничества по теме углеводородов.

- При сохранении официальной позиции нейтралитета всемерное опосредованное содействие (декларации, заявления и т.п.) китайско-индийскому пограничному урегулированию. Продвижение (на уровне неофициальных, экспертных контактов с партнерами, в т.ч. с индийской стороной) опыта РФ/СССР и КНР по полноформатному решению территориального вопроса на основе «неизбежного компромисса». На фоне периодически серьезно обостряющегося спора ожидать быстрого сближения позиций КНР и Индии вряд ли придется. Но это тем более требует активизации деликатных косвенных усилий по «убеждению сторон».

- Повышенное внимание к «равноизмеримому» подходу при формировании текущей повестки российско-китайского и российско-индийского взаимодействия, уход от потенциальных упреков в «предпочтениях», что, однако, не должно касаться выполнения контрактов и обязательств (в т.ч. по линии ВТС), ранее заключенных Россией с Китаем и Индией.

- Продолжение усилий по развитию российско-индийского экономического сотрудничества, заметно отстающего от соответствующих российско-китайских показателей, в том числе стимулирование между РФ и Индией различных энергетических и других проектов, включая, например, не только уже активизированное сотрудничество по поставкам российской нефти, но ставшее особенно актуальным в условиях пандемии *COVID-19* сотрудничество в фармацевтике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Свое значение в отношениях РФ с Индией сохраняет, безусловно, и учет «фактора Пакистана»: развитие Москвой необходимых контактов с Исламабадом не должно излишне влиять на позитивную российско-индийскую повестку. Такие меры могли бы содействовать дальнейшему развитию отношений РФ с обоими

⁴ Марина Коваленко. У России два союзника, и те не союзники. *Коммерсантъ*. 26.11.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/5098345> (accessed 28.11.2021)

приоритетными азиатскими партнерами, преодолению текущих сложностей в РИК, сохранению его консолидирующей роли в БРИКС и ШОС, продвижению, таким образом, системных международных интересов РФ. Все эти обстоятельства особенно важны сегодня, в условиях нарастающего антироссийского прессинга коллективного Запада.

Трехсторонний диалог вряд ли следует рассматривать с точки зрения завышенных ожиданий, но он играет свою роль в стабилизации международных отношений - роль, которую следует использовать, тем более в непростое время западной политики тотальной изоляции России.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. IMF World Economic Outlook Database, April 2022. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April/select-date-range?c=924,534,922,&s=NGDPD,PPPSH> (accessed 12.07. 2022)
2. Уянаев С.В. 2019. Россия-Индия-Китай: в контурах нового миропорядка. М., 2019. С. 111, 242.
Uyanaev S.V. 2019. Russia-India-China: In the contours of a new world order. Moscow. Pp. 111, 242 (In Russ.).
3. 中国同印度的关系. 中华人民共和国外交部. China-India Relations. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (In Chin.). https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/sbgx_677224/ (accessed 02.07. 2022)
4. Sudhi Ranjan Sen. India Defense Chief Says China is the 'Biggest Security Threat'. 12.11.2021. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-12/india-defense-chief-says-china-is-the-biggest-security-threat> (accessed 10.12.2021)
5. Ankit Panda. Will India Lease Another Russian Nuclear Submarine? *The Diplomat*. March 30, 2015. <https://thediplomat.com/2015/03/will-india-lease-another-russian-nuclear-submarine/> (accessed 29.06. 2022)
6. Сергей Строкань. Российское оружие спешит в Индию. *Коммерсантъ*. 26.06.2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4391564> (accessed 15.03.2021)
Sergey Strokan. Russian weapons rush to India. *Kommersant*. 26.06.2020. (In Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/4391564> (accessed 15.03.2021)
7. Об итогах встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая. Совместное сообщение для СМИ. МИД РФ. 10.09.2020. https://mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1441768/ (accessed 11.09.2020)
On the results of the meeting of the Foreign Ministers of Russia, India and China. A joint message to the media. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 10.09.2020 (In Russ.). https://mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1441768/ (accessed 11.09.2020)
8. Suhasini Haidar. India-China ties will be reset after LAC stand-off, says former NSA Shivshankar Menon. *The Hindu*. July 11, 2020. <https://www.thehindu.com/news/national/india-china-ties-will-be-reset-after-lac-stand-off-says-former-nsa-shivshankar-menon/article32049764.ece/> (accessed 12.09.2020)
9. China's Total Export & Import Values by Country/Region (in USD). The General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC). December 2021. <http://english.customs.gov.cn/Statics/46bdb268-260d-46a1-adde-e3cebcaf6817.html/> (accessed 22.07.2022)
10. State Councilor and Foreign Minister Wang Yi Meets the Press. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 07.03.2022. https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202203/t20220308_10649559.html (accessed 15.03.2022)
11. 王毅会见印度新任驻华大使罗国栋. 中华人民共和国外交部. Wang Yi met with India's new ambassador to China P.K. Rawat. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 22.06.2022 (In Chin.). https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbz_673089/xghd_673097/202206/t20220622_10708143.shtml (accessed 15.07.2022)
12. Joint Communique of the 18th Meeting of the Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China. November 26, 2021. <https://thesaker.is/china-russia-and-india-foreign-ministers-joint-communique/> (accessed 12.12.2021)
13. Лавров С.В. Выступление на заседании министров иностранных дел России, Индии и Китая (РИК) в формате видеоконференции. Москва, 26 ноября 2021 г. https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1787342/
Lavrov S.V. Speech at the meeting of the Foreign Ministers of Russia, India and China (RIC) in the format of a videoconference. Moscow, November 26, 2021 (In Russ.). https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1787342/
14. Chen Dongxiao and Feng Shuai. The Russia-India-China Trio in the Changing International System. *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 2, № 4, 2016. p. 431.
15. Sisodia N.S. Foreword. India-Russia, Strategic Partnership, Common Perspectives. Ed. by P.Stopdan. IDSA, New-Delhi, 2010, p. viii.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, вед.н.с., заместитель директора Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Uyanaev, PhD (History), Leading Researcher, Deputy Director, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 26.07.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 04.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.08.2022

Сотрудничество Китая и Индии со странами Африки в вопросах мира и безопасности

Дейч Т.Л.^{a,c}, Усов В.А.^{b,d}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

^c ORCID ID: 0000-0001-6745-9586; tdeich@yandex.ru

^d ORCID ID: 0000-0002-6698-3586; usovva@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается сотрудничество Китая и Индии со странами Африки в вопросах обороны и безопасности. Пекин и Нью-Дели оказывают помощь африканским государствам в укреплении их вооруженных и полицейских сил, а также в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Они обучают африканских военных на своих базах в Китае и Индии, а также в Африке.

На протяжении нескольких десятилетий в центре китайских и индийских усилий в Африке остается миротворческая деятельность, которая с течением времени всё больше сдвигается в пользу содействия этих стран «африканскому решению африканских проблем». Обе страны - в числе ведущих участников операций по поддержанию мира (ОПМ) ООН на континенте.

Вместе с тем, нарастающая конкуренция «азиатских гигантов» в зоне Индийского океана отражается в приоритетном развитии морской стратегии Китая и Индии, стремящихся к укреплению своего влияния, прежде всего, в прибрежных и островных африканских государствах данного региона. Заинтересованность африканских стран в сотрудничестве с Китаем и Индией в военной сфере диктуется целым рядом факторов. В их числе - отсутствие политической обусловленности военной помощи и невмешательство во внутренние дела стран континента.

Ключевые слова: Африка, Китай, Индия, безопасность, миротворчество, военная помощь, морская стратегия

Для цитирования: Дейч Т.Л., Усов В.А. Сотрудничество Китая и Индии со странами Африки в вопросах мира и безопасности. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 12-19. DOI: 10.31857/S032150750021783-3

China and India cooperation with Africa in matters of peace and security

© Tatiana L. Deych^{a,c}, Vyacheslav A. Usov^{b,d}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Russian Institute for Strategic Studies, Moscow, Russia

^c ORCID ID: 0000-0001-6745-9586 tdeich@yandex.ru

^d ORCID ID: 0000-0002-6698-3586 usovva@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the cooperation of China and India with African countries in defense and security issues. In an effort to consolidate their positions on the continent, Beijing and New Delhi are ready to assist African States in strengthening their armed and police forces, as well as in the fight against extremism and terrorism. They instruct African military specialists on Chinese and Indian bases and also in Africa.

For several decades, peacekeeping has been at the center of Chinese and Indian efforts in Africa, which is increasingly shifting over time in favor of the assistance of these countries to the “African solution of African problems”. Both countries are among the leading participants in UN peacekeeping operations in Africa. At the same time, the growing competition of the “Asian giants” in the Indian Ocean zone is reflected in the priority development of the maritime strategy of China and India, seeking to strengthen their influence primarily in the coastal and island African States of this region.

A number of factors dictate the interest of African countries in cooperation with China and India in the military sphere. Among them are the lack of political conditionality of military assistance and non-interference in the internal affairs of the countries of the continent.

Keywords: Africa, China, India, security, peacekeeping, military aid, sea strategy

For citation: Tatiana L. Deych, Vyacheslav A. Usov. China and India cooperation with Africa in matters of peace and security. *Asia and Africa today*. 2022. № 9. Pp. 12-19. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021783-3

ВВЕДЕНИЕ

Основной принцип внешней политики Китая и его стратегии в Африке - невмешательство во внутренние дела других стран. Пекин избегает не только конфронтации, но и конкуренции с африканскими партнерами, придерживаясь пяти принципов мирного сосуществования. В программной речи на церемонии от-

крытия саммита Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) в 2018 г. в Пекине председатель КНР Си Цзиньпин подтвердил, что более 1,3 млрд китайцев разделяют участь более 1,2 млрд африканцев и следуют правилу «пяти нет»:

- 1) не мешать стремлению африканских стран следовать по пути развития, соответствующему их национальным реалиям;
- 2) не вмешиваться во внутренние дела африканских стран;
- 3) не навязывать волю Китая африканским странам;
- 4) не выдвигать политических условий при предоставлении помощи Африке;
- 5) не проявлять эгоизм и не стремиться извлечь политическую выгоду из инвестирования и финансового сотрудничества с Африкой¹.

28 июня 2018 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что эти принципы позволяют строить международные отношения с помощью взаимовыгодного (*win-win*) сотрудничества, взаимного доверия, взаимного уважения [1, р. 5].

Принятая Африканским Союзом (АС) в 2015 г. «Повестка 2063» назвала одной из главных целей Африки предотвращение и разрешение конфликтов. «Все ружья должны замолчать. Африка будет свободна от вооруженных конфликтов, организованной преступности, торговли оружием и пиратства, всех форм терроризма и религиозного экстремизма. К 2063 г. она сможет обеспечить мир и защитить своих граждан» [2, р. 8].

Китай активно поддерживает Африканскую архитектуру мира и безопасности. Как отмечают ученые из Института мировой экономики и политики и Департамента Западной Азии и Африки Китайской Академии общественных наук (CASS), в XXI в. китайско-африканское сотрудничество в вопросах мира и безопасности расширилось. Оно включает военную помощь, обучение персонала, продажу оружия, военные обмены [3]. В Китае проводятся форумы обороны и безопасности с приглашением руководящих армейских кадров африканских стран.

Сотрудничество Индии со странами Африки в вопросах безопасности ранее уступало по объемам торгово-экономическому сотрудничеству. Попыткой придать этим связям более системный характер можно считать Индийско-африканский диалог по вопросам безопасности. Первый диалог в форме Конклава министров обороны состоялся в феврале 2020 г. с участием представителей 14 африканских стран в г. Лакхнау (Индия) и на полях оборонной выставки *DefExpo*. Конклав стал частью подготовки к 4-му саммиту Индия-Африка, планировавшемуся на сентябрь 2020 г. Однако в связи с пандемией *COVID-19* саммит не состоялся [4].

На Конклаве была достигнута договоренность о регулярных встречах по вопросам безопасности и обороны на полях данной выставки, проводимой каждые два года. Обсуждались вопросы обучения военных специалистов, кибербезопасность, безопасность на море, борьба с терроризмом.

Второй диалог должен был состояться 11-13 марта 2022 г., но и выставка *DefExpo*, и диалог были отложены из-за «логистических проблем участников»². При этом в марте 2021 г. на уровне советников глав государств по вопросам национальной безопасности в Нью-Дели состоялся Стратегический и контртеррористический диалог Индии и Нигерии, на котором обсуждались вопросы борьбы с контрабандой оружия, наркотрафиком, международной преступностью [5].

КИТАЙ И ИНДИЯ В МИРОТВОРЧЕСТВЕ ООН И АС

Китай - активный участник Операций ООН по поддержанию мира (ОПМ) из числа постоянных членов Совета Безопасности ООН. В 2019 г. он второй вкладчик в миротворческий бюджет ООН (15,22%), на первом месте США (28,5%), далее Япония, Германия, Франция Британия³. При этом США сокращают финансовую помощь миротворчеству [6].

Генсек ООН А.Гутерриш в ноябре 2018 г. высоко оценил инициативу Пекина, учредившего Миротворческие силы чрезвычайного реагирования, готовые срочно отправиться в «горячую точку» в случае необходимости. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) зарегистрировала 8 тыс. бойцов в ООН⁴. 800 из них должны присоединиться к новой бригаде «быстрого реагирования на кризисы». Пекин также выразил готовность предоставить полицейский персонал и вертолетные экипажи, а также обучить 2 тыс. миротворцев.

В начале 2019 г. Китай участвовал в 8 миротворческих операциях ООН, в мае того же года - в девяти. Самые крупные миротворческие операции проводились в ДРК, Южном Судане (в Дарфуре), в Мали. На июнь 2019 г. общее число китайских миротворцев в Африке составляло 2519 человек. Самым крупным был ки-

¹ Си Цзиньпин: Китай и Африка встали на особый путь. *Russian news*. 03.09.2018. http://russian.news.cn/2018-09/03/c_137441941.htm

² *DefExpo*. 2022. Government of India. Ministry of Defence. <https://defexpo.gov.in> (accessed 11.04.2022)

³ <https://isdp.en/content/uploads/2018/03/c> (accessed 20.03.2022)

⁴ China to play bigger role in United Nations peacekeeping missions, begins drills. 2017. <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article2120754i> (accessed 12.06.2022)

тайский контингент в Южном Судане - 1056 человек [8]. В 2022 г. Китай - на 10-м месте по числу миротворцев, составившему 2241 человек⁵.

Наблюдается усиление силового фактора в африканской стратегии КНР. В 2013 г. она впервые направила боевые части НОАК - 400 солдат в Мали, а в 2014 г. - батальон пехоты из 700 человек в Южный Судан⁶. В Судане и Южном Судане действует китайская нефтяная компания *China National Petroleum Corporation (CNPC)*, работают китайские инженеры и рабочие [7]. Вооруженные столкновения в Южном Судане не раз создавали угрозу интересам Китая, который был вынужден эвакуировать из страны 300 своих граждан. В Отчете Международной кризисной группы за 2017 г. сказано, что гражданская война в Южном Судане вынудила Китай отойти от доктрины невмешательства и сыграть более активную роль в реализации мандата ООН по защите граждан при поддержке АС и соседних стран⁷.

Индия занимает в 2022 г. 3-е место (после Бангладеш и Непала) по количеству миротворцев в миссиях ООН (5591 - по данным на конец февраля 2022 г.)⁸. Миротворчество рассматривается Нью-Дели не только как вклад в поддержание мира, но и как инструмент получения Индией места постоянного члена СБ ООН.

За весь период участия в миротворческих миссиях Индия предоставила в распоряжение ООН более 200 тыс. военнослужащих, военных наблюдателей и сотрудников полицейских сил. Это стоило ей людских потерь - более 160 военнослужащих и гражданских лиц [9], в основном в Африке. Однако Индия извлекла уроки из этого опыта. В 2021 г. она вложила \$1,64 млн в разработку совместно с Департаментом ООН по миротворческим операциям мобильной платформы «*UNITE Aware*», помогающей ориентации миротворцев на местности и предупреждающей их об изменении ситуации⁹.

Хотя имидж индийских миротворцев в Африке был подпорчен скандалами - от конфликта с нигерийцами в Сьерра-Леоне до участия в торговле оружием и контрабандными алмазами в ДРК - большинство задач индийских миссий были выполнены успешно.

В начале 2022 г. 570 индийцев вошли в состав миротворческой миссии ООН *UNISFA* в районе Абьей - спорной территории между Суданом и Южным Суданом, дополнившей миссию *UNMISS* в Южном Судане, в состав которой в конце 2021 г. входили 2300 индийских миротворцев. Крупный индийский контингент (почти 2000 миротворцев и гражданский персонал) - и в миротворческой миссии *MONUSCO* в ДРК¹⁰. Число индийских миротворцев, по данным на март 2022 г., составило более 5200 человек¹¹, размещенных в основном в Африке.

После кризиса системы миротворчества, который показали геноцид в Руанде в 1994 г. и массовые убийства в Сребренице в 1995 г., произошедшие несмотря на присутствие миротворческих сил, Индия пытается влиять на характер и цели миротворческих миссий. Толчок к переосмыслению роли миротворчества дала идея «гуманитарных интервенций», сторонники которой ратовали за переход миротворцев с позиции наблюдателей к навязыванию мира с помощью силы под предлогом защиты гражданского населения.

Индия поочередно придерживалась каждой из двух позиций. В ходе операции в ДРК в 1999 г. её солдаты прибегали к силовым методам. Но при дебатах в ООН относительно миссии в Кот-д'Ивуаре в 2011 г. представитель Индии Х.С.Пури возражал против использования миротворцев для смены режима. Нью-Дели укрепился в этой позиции после интервенции в Ливии в 2011 г., когда доктрина «гуманитарной интервенции» использовалась США и НАТО для свержения М.Каддафи и изменения общественного устройства страны с помощью военной силы.

ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ

Китай и Индия участвуют в обучении военных специалистов в Африке. Первый учебный центр для подготовки полицейского персонала для миротворческих операций был открыт в Китае в августе 2008 г. В со-

⁵ Contribution of Uniformed Personnel to UN by country and Personnel Type Experts on Mission Formed Police Units, Individual Police, Staff Officers and Troops. 2022. <https://peacekeeping.un.org> (accessed 25.07.2022)

⁶ China's Role in UN Peacekeeping. Background. 2018. Institute for Security and Development Policy. <https://isdpr.org/en/content/uploads/2018/03/c> (accessed 12.06.2022)

⁷ Kovrig M. 2020. China's Expanding Military Footprint in Africa. *Mail&Guardian*. <https://mg.co.za/article/2018-10-24> (accessed 15.05.2020)

⁸ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Country and Personnel Type Experts on Mission Formed Police Units, Individual Police, Staff Officers and Troops. 2022. <https://peacekeeping.un.org> (accessed 28.02.2022)

⁹ India to launch mobile tech platform for UN peacekeepers in August. 2021. *The Economic Times*. <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/india-to-launch-mobile-tech-platform-for-un-peacekeepers-in-august/articleshow> (accessed 31.03.2022)

¹⁰ <https://peacekeeping.un.org/en> (accessed 31.03.2022)

¹¹ Szmigiera M. 2022. Top contributors of troops to UN peacekeeping. *Statista*. <https://www.statista.com/statistics/871432/largest-contributors-of-troops-to-united-nations-peacekeeping> (accessed 31.03.2022)

ответствии с Планом действий ФОКАК на 2019-2021 гг. Центр обучения миротворцев в *Huairou* был расширен с целью подготовки к 2020 г. 2000 иностранных, в т.ч. африканских, миротворцев.

Подготовка военных специалистов проводится и в Африке. В 2014 г. Китай обучал военных и полицейских в миротворческой миссии в Либерии. А подписанное с Либерией в 2019 г. соглашение предусматривает углубление сотрудничества с местной полицией. В 2016 г. Китай передал Нигерии дроны для борьбы с террористами «Боко Харам», а Гане - патрульные катера для борьбы с пиратами [10]. В ноябре 2018 г. представители НОАК и военной полиции КНР провели обучение африканцев на китайской военной базе в Джибути; впервые столь масштабные военные учения Китая прошли на иностранной почве. Тогда же состоялись военные учения на побережье Джибути по эвакуации раненых вертолетами НОАК.

В 2018 г. были организованы строевые учения в Камеруне, Габоне, Гане и Нигерии. Медицинские отряды работали в Сьерра-Леоне, Судане, Замбии: местных специалистов обучали оказанию медицинской помощи в полевых условиях. После того как в мае 2018 г. Буркина Фасо установила дипломатические отношения с КНР, разорвав их с Тайванем, в стране представители НОАК занялись подготовкой африканских военнослужащих. В Мали была направлена группа китайских специалистов для участия в миротворческой операции *MINUSMA*. Цель - укрепить безопасность подвергающейся террористической угрозе и важной для Китая страны - участницы инициативы «Один пояс - один путь» (ОПОП) [10].

Готовность Китая продолжить сотрудничество с Африкой в сфере безопасности подтверждает принятый на Дакарской конференции ФОКАК в ноябре 2021 г. План действий (2023-2025), включающий подготовку военных специалистов, обмен разведанными, борьбу с терроризмом [11].

В последние годы для защиты инициативы ОПОП Китай обращается к контрактникам, которые охраняют нефтегазовые установки, железные дороги, добычу сырья, строительные объекты, китайские посольства. В 2018 г. в проектах ОПОП в Африке были заняты 200 тыс. китайских рабочих. В 2020 г. Китай реализовал в Африке больше проектов, чем Франция, Италия и США, вместе взятые. Однако рост числа проектов означает и рост рисков. Китайская академия общественных наук сообщила, что в 2020 г. 84% китайских инвестиций в ОПОП пришлось на страны среднего и высокого риска.

Одна из наиболее известных групп контрактников - *DEWE Security Service Group* - была создана в 2011 г. бывшими китайскими офицерами для защиты газового проекта в Эфиопии и работала также в Камеруне, Чаде, ДРК, Конго, Джибути, Габоне и Нигерии. В Кении она обучала местных охранников железной дороги, которую строила Китайская корпорация дорог и мостов. Китайское министерство общественной безопасности координировало обучение китайских вооруженных сил, осуществляющих охрану дороги в Южном Судане и работу китайской нефтяной компании *CNPC* [12].

Подготовка африканских военнослужащих Индией началась еще в рамках действующей с 1964 г. индийской Программы технического и экономического сотрудничества (ИТЕК). Как правило, африканцы проходили обучение в индийских высших военных учебных заведениях. Так, президент Нигерии М.Бухари окончил в 1964 г. Веллингтонский индийский колледж персонала оборонных служб (*Wellington's Indian Defense Services Staff College*) - старейшее и одно из самых престижных военных учебных заведений Индии. Индийские военные эксперты направлялись и в страны Африки (Ботсвану, Замбию, Лесото, Намибию, Уганду, Маврикий и Сейшелы), где обучали африканцев и даже помогали им в создании военных академий (Эфиопии, Нигерии и Танзании) [13].

Важную роль в поддержке усилий Афросоюза играет действующий с 2000 г. в Нью-Дели Центр подготовки миротворцев ООН. По данным индийских источников, ежегодно обучение в Центре по 6 международным программам проходят около 650 военнослужащих¹². С 2016 г. началось взаимодействие Индии с США в подготовке африканских миротворцев. За первые три года работы индийский Центр ООН подготовил 109 миротворцев из стран Африки [14]. В 2022 г. запланированы совместные курсы для командующих миротворческими контингентами ООН *UN Peacekeeping Contingent Commanders Course*. Эти курсы еще называют «тренировкой для инструкторов» (*train for trainers*) [14]. Помимо методов проведения военных операций на них обучают логистике и защите гражданского населения [15].

Между правительством Индии и Академией командования, управления, связи, компьютеров, разведки и наблюдения ООН в Энтеббе (Уганда) подписано соглашение о сотрудничестве и участии индийских инструкторов в обучении африканских военнослужащих.

В 2019 г. в г. Пуна (Индия) состоялись первые совместные индийско-африканские учения «*Afindex-19*» с участием военнослужащих из 17 африканских стран [16]. На учениях уделялось внимание таким задачам, как утилизация мин и защита миротворческих конвоев, которые часто становятся мишенями для экстремистов и террористов.

¹² <https://indianarmy.nic.in/Site/FormTemplate/frmTempSimple.aspx?MnId=XC3frrh6baWLZ8mmOrDiNQ==&ParentID=89My/cit03> (accessed: 31.03.2022).

МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ И ИНДИИ В ЗОНЕ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

На рубеже XX-XXI вв. изменился баланс сил в Мировом океане: на смену флотам западных держав с началом подъема судостроения в Азии приходили азиатские флотилии, а к 2016 г. на первом месте по числу судов оказался Китай [17, с. 65].

С декабря 2018 г., когда Китай послал свой первый флот в Аденский залив, и до марта 2019 г., по данным Министерства обороны КНР, Пекин обеспечил сопровождение 6600 судам и оказал помощь 70, подвергшимся нападениям пиратов в регионе [8].

В 2017 г. начала действовать китайская военная база в Джибути. Целями её создания названы поддержка антипиратских операций в Аденском заливе, миротворческих операций в Южном Судане, гуманитарных и других операций на Африканском Роге, проведение военных учений. Военная база в Джибути позволит Китаю защищать своих граждан и свои интересы в странах Африки вдоль «Морского шелкового пути» и в зоне Индийского океана. По словам министра иностранных дел КНР Ван И, база «отражает стремление Китая играть конструктивную роль в политическом решении международных и региональных проблем, создать более безопасные и стабильные условия для деятельности за рубежом». Он заявляет, что база имеет и гуманитарные цели: помимо обслуживания судов и борьбы с пиратством, она будет способствовать социально-экономическому развитию Джибути [18].

Сообщалось, что Пекин планирует создать базы и в ряде других стран континента; они необходимы при эвакуации китайских граждан из «горячих точек» (что было сделано в 2011 г. в Ливии [19, с. 6]). О планах Китая заявил глава Африканского командования США (AFRICOM) генерал С.Таунсенд. По его словам, Китай намерен разместить вторую военную базу в Африке у побережья Атлантики. В интервью радиостанции «Голос Америки» он сказал, что Пекин ведет переговоры с Экваториальной Гвинеей на предмет размещения базы [20]. 5 декабря 2021 г. о намерении Китая создать военно-морскую базу в этой стране сообщил и «*Wall Street Journal*»; «*Economist*» в статье «Америка обеспокоена милитаристскими амбициями Китая в Африке», высказал, однако, мнение, что, возможно, причины стремления Пекина получить доступ к морским портам Атлантики те же, что и при создании базы в Джибути: морские торговые пути, борьба с пиратством, защита своих интересов за рубежом¹³.

В 2022 г. министр иностранных дел КНР Ван И традиционно начал ежегодные зарубежные визиты с Африки, посетив в январе страны Восточной Африки и Индийского океана. Одной из главных тем стало соперничество в регионе с США. При этом он выразил надежду на международную поддержку Китая странами континента и, если нападки США на Пекин продолжатся, на защиту этими странами «общих интересов Китая и Африки»¹⁴.

Профессор Лина Бенабдаллах, специалист по китайско-африканским отношениям из Северной Каролины рассматривает визит Ван И в свете стремления Пекина сфокусироваться на морской дипломатии, учитывая стратегическую важность доступа к Красному морю для реализации его инициативы ОПОП [21]. Визит призван укрепить присутствие Китая в Красном море, расширить морские пути и базу в Джибути [22]. Так, Эритрея, которую посетил Ван И, в ноябре 2021 г. присоединилась к ОПОП, и Пекин стремится укрепить свои позиции в этой стране. Выбор Эритреи может рассматриваться и в связи с её конфликтом с Эфиопией, в решении которого Пекин готов выступить посредником. Тим Зайонц из Стелленбошского Университета в ЮАР считает, что визит Ван И в Эритрею означает, что мир и стабильность на Африканском Роге - предмет заботы китайских лидеров [21]. Это подтверждает и тот факт, что, возвращаясь из Сенегала после конференции ФОКАК в ноябре 2021 г., Ван И остановился в Аддис-Абебе (Эфиопия), где призвал к мирному разрешению конфликта в провинции Тыграй и напомнил, что Китай придерживается принципа невмешательства, но заинтересован в прекращении враждебности.

Наиболее показательны, с точки зрения эволюции подходов Индии к развитию отношений стратегического партнерства с Африкой, вопросы их морского, в т.ч. военно-морского, сотрудничества. До 90% индийских поставок таких жизненно важных для страны ресурсов, как энергоносители, идут через Индийский океан, что вызывает беспокойство в индийских политических и военных кругах. Помимо разгула пиратства в акватории Индийского океана, серьезно угрожающего стабильности поставок, причина беспокойства Нью-Дели - рост военного присутствия Китая в индоокеанской зоне.

Особое значение для Нью-Дели в зоне Индийского океана имеет его западная (или юго-западная) часть. Здесь проходят важные морские торговые маршруты и пути доставки энергоресурсов, а также расположены островные африканские государства - Коморские острова, Маврикий, Мадагаскар и Сейшельские остро-

¹³ <https://www.economist.com> (accessed 11.12.2021)

¹⁴ Olander E. 2022. Taking Stock of Wan Yi's Tour of East Africa and Indian Ocean States. The China in Africa Podcast. *China Africa Project*. <https://chinaafricaproject.com> (accessed 11.01.2022)

ва, которые в совокупности наряду с французскими островами - Майотта и Реюньон - называют «Ванильными островами» (*Vanilla Islands*) [23].

Индия еще в 2000-е гг. заключила ряд соглашений в военной сфере с рядом островных государств: Маврикием, Мадагаскаром, Сейшелами и с прибрежными восточноафриканскими странами - Кенией, Мозамбиком и Танзанией. Уже в 2007 г. на Мадагаскаре была открыта первая за пределами Индии станция наблюдения за акваторией Индийского океана [24, pp. 101-110]. С каждым из островных государств Индия подписала соглашение о сотрудничестве в оборонной сфере, а на Мадагаскаре, Маврикии и Сейшелах установлены системы радарного наблюдения за побережьем [23]. Индия периодически предоставляет этим государствам патрульные морские и воздушные суда, обучает их персонал.

Кроме того, Нью-Дели предлагает использовать силы своего ВМФ для патрулирования этих территорий. Цель его усилий - укрепление позиций в регионе путем формирования системы безопасности с Индией перед лицом «китайской угрозы», которая, по мнению Нью-Дели, стала более актуальной после открытия китайской военной базы в Джибути в 2017 г., воспринятого им как вызов индийским интересам в регионе.

Попытка же самой Индии получить в распоряжение для создания военной базы остров Успения (*Assumption Island*), входящий в состав Сейшел, оказалась неудачной. В 2015 г. против баз выступила сейшельская оппозиция, лидер которой У.Рамкавалан в 2020 г. стал президентом. Отказ от размещения здесь иностранных военных баз отложил реализацию этой индийской идеи на неопределенный срок [25].

Индия активно развивает военные связи с прибрежными странами Восточной Африки - Кенией, Танзанией и Мозамбиком, а также Южной Африкой. Наиболее тесное сотрудничество сложилось у неё с Мозамбиком. Индийский ВМФ в 2003 и 2004 гг. обеспечивал безопасность международных мероприятий в Мапуту - саммита АС и Мирового экономического форума. Согласно соглашению о военном сотрудничестве 2006 г. индийский флот охраняет побережье страны и патрулирует Мозамбикский пролив [26]. В 2011 г. подтверждено соглашение о военном и военно-морском сотрудничестве. В 2019 и 2021 гг. Индия передала Мозамбику четыре быстроходных патрульных катера и провела обучение мозамбикских моряков¹⁵.

ЮАР - один из главных торговых и политических партнеров Индии в Африке и место жительства наибольшего количества выходцев из Индии на континенте. Между странами осуществляется военное сотрудничество, действует совместный комитет по обороне (*India - South Africa Joint Defence Committee*). Индийские военные корабли регулярно посещают порты ЮАР, в рамках ИБСА (Индия - Бразилия - Южная Африка) проводятся совместные военно-морские учения [26].

Повышение роли военно-морской составляющей стратегии в зоне Индийского океана побудило Индию принять в 2015 г. доктрину «Безопасность и рост для всех в регионе» (*SAGAR - Security and Growth for All in the Region*). Составной частью *SAGAR* стало придание индийскому флоту функций «спасателя» и вовлечение его в гуманитарные операции, учитывая возросшую роль индийского ВМФ в помощи африканским прибрежным и островным государствам Индийского океана после частых циклонов и штормов, как в 2019 г., или засухи, как в 2021 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2019 г. Китай представил первую за четыре года «Белую книгу» по безопасности - «Китайская национальная оборона в новую эру» [27]. Пекин выдвигает концепцию «активной обороны», призывая к 2049 г. создать вооружение мирового класса.

Задачи «Белой книги»: 1) дать понять Тайваню, что позиция «одного Китая» неизменна; 2) подвергнуть критике США, рассматривающие мировой порядок с «позиции силы», проводящие политику двойных стандартов, осуществляющие провокации, пример - продажа оружия Тайваню; 3) сигнализировать миру, включая Африку, что Китай и его вооруженные силы - ответственные члены мирового сообщества и придерживаются исключительно оборонительной тактики [8].

С президентством Джо Байдена связывали снижение напряженности в отношениях США с Китаем в Африке. Как писал руководитель проекта «Китай-Африка» Эрик Оландер, администрация Байдена не будет рассматривать континент как еще один театр конфронтации с Китаем [28]. Однако противостояние США с Китаем продолжает усиливаться в геополитике в целом и африканской политике.

Хотя Китай активно участвует в миротворчестве на континенте и поставяет африканским странам оружие для борьбы с экстремистами, его основным внешнеполитическим принципом остается невмешательство. Он ратует за мирное урегулирование конфликтных и кризисных ситуаций на континенте и не-

¹⁵ Martin G. 2022. Indian Navy hands over interceptor craft to Mozambique. *DefenceWeb*. <https://www.defencenews.co.za/featured/indian-navy-hands-over-interceptor-craft-to-mozambique> (accessed 06.04.2022)

редко выступает в роли посредника в переговорах. Генсек ООН А.Гутерриш назвал Китай «честнейшим посредником» и «строителем мостов» в налаживании отношений между конфликтующими сторонами [6]. Пекин способствовал заключению в 2016 г. соглашения о прекращении огня между правительством Южного Судана и оппозицией и попытался помочь мирному процессу в Южном Судане в рамках ИГАД [27].

Как представляется, Индия в ближайшие годы будет стремиться отойти от имиджа «вооруженной руки» ООН и сосредоточится на усилении управленческого, финансового и технического участия в миротворческой деятельности на континенте. Нью-Дели считает важной задачей поддержку усилий африканских стран и АС по урегулированию конфликтов на континенте. Индийские эксперты ожидают, что эта сфера станет ядром дальнейшего развития стратегического партнерства между Индией и Африканским Союзом.

Внимание Нью-Дели к задачам противодействия Пекину в зоне Индийского океана и в Африке противоречит заявлениям лидеров страны о приоритетности интересов Африки и индийско-африканских отношений. Явное противоречие содержится и в крене Индии в сторону расширения взаимодействия, в т.ч. военно-политического, с западными государствами, прежде всего США и Францией, намерения которых сохранить свое влияние в Африке и зоне Индийского океана часто воспринимаются ею как «неоколониалистские» устремления.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Yang B. The Belt and Road Initiative and China-Africa Production Capacity Cooperation. National Think Tank. (3). Beijing, China Social Science Press.
2. Agenda 2063. The Africa We Want. Final Edition. African Union Commission. April 2015. P. 8. ISBN 978-92-95104-23-5
3. Zhang Ch., Zhang M. China-Africa Cooperation in the Peace and Security Issue. China-Africa Cooperation in the New Era. Think Tank Reports. Beijing. 2018 (4).
4. India-Africa Defence Dialogue to be held alongside every DefExpo. 2021. <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1754522> (accessed 14.03.2022)
5. India-Nigeria Strategic and Counter-Terrorism Dialogue. 2021. https://www.mea.gov.in/press-releases.htm/dtl/33593/India_Nigeria_Strategicand_CounterTerrorism_Dialogue (accessed 29.07.2022)
6. Pauley L. 2018. China Takes the Lead in UN Peacekeeping. *The Diplomat*. 17 April. <https://thediplomat.com/2018/04/china-takes-the-lead-in-peacekeeping> (accessed 15.07.2022)
7. Dyrenforth Th. 2021. Beijing's Blue Helmets: What to Make of China's Role in UN Peacekeeping in Africa. Modern War Institute. 19 August. (accessed 12.07.2022)
8. Legarda H. 2019. China Global Security. *Research Papers Tracker*. № 5. International Institute for Strategic Studies. L.Wash. August.
9. Mukerji Asoke Kumar. 2019. UN Peacekeeping: India's Contributions. https://mea.gov.in/articles-in-indian-media.htm?dtl/32014/UN_Peacekeeping_Indias_Contributions (accessed 31.03.2022)
10. Nantulya P. 2019. Chinese Hard Power Supports its Growing Strategic Interests in Africa. Africa Center for Strategic Studies. 17 January. <https://africacenter.org/spotlight/chinese-hard-power-supports-its-growing-strategic-interests-in-africa/> (accessed 21.12.2021)
11. Herbert N. 2021. China's Belt and Road Initiative invests in African infrastructure and African military and police forces. *Viernes. Revista de Prensa*. 30 April. <https://www.almendron.com> (accessed 12.07.2022)
12. Nantulya P. 2020. Chinese Security Contractors in Africa. *Carnegie Endowment for International Peace*. 8 Oct. <https://carnegieendowment.org> (accessed 21.12.2021)
13. Address by External Affairs, 2021. Minister at the UNSC Open Debate on 'Peace and Security in Africa: addressing root causes of conflict while promoting post-pandemic recovery in Africa'. <https://www.mea.gov.in/Speeches-tatements.htm?dtl/33869/Address+by+External+Affairs+Minister+at+the+UNSC+Open+D> (accessed 05.04.2022)
14. Rej Abhijnan. 2019. India, Africa and peacekeeping: Beyond the responsibility to protect - Part I, II. <https://www.africportal.org/features/india-africa-and-peacekeeping-beyond-responsibility-protect-part-i> (accessed 31.03.2022)
15. Dolan P. 2022. Partnerships Make Peacekeeping Possible: The United States Works Worldwide to Build Global Peacekeeping Capacity. <https://www.state.gov/partnerships-make-peacekeeping-possible-the-united-states-works-worldwide-to-build-global-peacekeeping/> (accessed 14.03.2022)
16. Panda A. 2019. India Underscores Indian Ocean First Responder Role after Mozambique Tropical Cyclone. *The Diplomat*. <https://thediplomat.com/2019/03/india-underscores-indian-ocean-first-responder-role-after-mozambique-tropical-cyclone> (accessed 14.03.2022)
17. Лебедева И.Б. 2018. Индийский океан: вызовы XXI века и Индия (Очерки международных отношений). Отв. ред. Т.Л. Шаумян. М., ИВ РАН.
Lebedeva I.B. 2018. Indian Ocean: challenges of the XXI century and India (Essays of international relations). Ed. T.L.Shaumyan. Moscow. (In Russ.)
18. Pant Harsh V., Haidar Ava M. 2017. China's Expanding Military Footprint in Africa. *Observer Research Foundation*. Issue № 195. September 2017 (accessed 29.07.2022)
19. Абрамова И., Фитуни Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. 62 (12). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14

- Abramova I., Fituni L. 2018. African Segment of Multipolar World. Dynamics of geostrategic significance. *World Economy and International Relations*. 62 (12) (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14
20. Olander E. 2022. Head of U.S. Forces in Africa Repeats Unsubstantiated Claim that China is Planning an Atlantic Military Base. *China Africa Project*. 24 June.
21. Nyabiage J. 2022. Chinese Foreign Minister set for 3-nation tour of East Africa as Beijing sees to deepen Ties. *South China Morning Post*. 3 January.
22. Staden Cobus van. 2022. Africa: What does Chinese foreign minister Wang Yi's tour signify. *Africa Report*. 12 Jan. <https://www.theafricareport.com> (accessed 05.03. 2022)
23. Kathayat Sarthak. 2020. India in the Indian Ocean Region: Strategic Analysis of India's Foreign Policy towards Vanilla Islands. https://www.academia.edu/4268759/India_in_the_Indian_Ocean_Region_Strategic_Analysis_of_India's_Foreign_Policy_towards_Vi (accessed 30.03.2022)
24. Усов В.А. Индийско-африканские отношения и проблемы совместного противостояния терроризму. *Вестник Института Африки РАН*. № 2. 2017 (In Russ.).
Usov V.A. 2017. India-Africa relations and problems of joint counter-terrorism. *Journal of the Institute for African studies*. № 2, Moscow (In Russ.).
25. Revi V. 2021. India's approach towards Seychelles in the Indian Ocean Region. *Observer Research Foundation*. <https://orfonline.org/expert-speak/indias-approach-towards-seychelles-in-the-indian-ocean-region> (accessed 05.04.2022)
26. Chakrabarty Malancha. 2017. Contemporary Aspects of India's Relations with East and South Africa. *Observer Research Foundation*. <https://www.orfonline.org> (accessed 05.04.2022)
27. China's National Defense in the New Era. Full Text of 2019. Defence White Paper (English and Chinese Versions). The State Council Information Office of the People's Republic of China. Foreign Languages Press Co, LTD. Beijing, China. ISBN 978-7-119-11925-0
28. Olander E. 2021. China-Africa: Top 10 issues going into 2021. *The Africa Report*. 4 January. <https://www.theafricareport.com> (accessed 07.05.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дейч Татьяна Лазаревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatiana L. Deych, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Centre for the Study of the Russian-African Relations and the Foreign Policy of African States, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Усов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия.

Vyacheslav A. Usov, PhD (History), Russian Institute for Strategic Studies (RISS), Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 23.08.2022

Энергетический переход в Индии: проблемы и перспективы

© Щедров И.Ю.^а, 2022

^а Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3477-6320; ivanschedro@gmail.com

Резюме. Уверенные темпы роста экономики, а также факторы социально-экономического развития обуславливают рост потребностей Индии в электроэнергии. Высокая зависимость от импорта энергоресурсов и хронический дефицит ставят на повестку дня вопросы обеспечения энергетической безопасности. Эти вопросы приобретают ключевое значение для поддержания роста экономики и имеют внутреннее и внешнее измерение.

Внешнее измерение направлено на решение задач по диверсификации поставщиков, в частности, за счет снижения зависимости от импорта из стран Персидского залива. Внутреннее - служит задачам повышения самообеспеченности страны и снижения влияния флуктуаций цен на экономические процессы. Это направление подразумевает повышение эффективности работы электростанций, развитие инфраструктурных проектов и увеличение внутреннего производства, в том числе за счет трансформации энергетической корзины в пользу возобновляемых источников. Развитие этой сферы, а также создание децентрализованной сети распределения, в перспективе будет способствовать решению территориальных диспропорций в потреблении энергии.

В статье рассматриваются основные аспекты политики Индии в области энергетического перехода. Проведен анализ структуры сектора и факторов роста спроса на электроэнергию, рассмотрены основные достижения и проблемы в сфере увеличения доли ВИЭ в контексте обеспечения энергетической безопасности. Именно факторы социально-экономического развития будут определяющими для увеличения спроса как на традиционные, так и на возобновляемые источники.

Ключевые слова: Индия, энергетика, ВИЭ, энергетическая безопасность, экономика, зеленая энергия

Для цитирования: Щедров И.Ю. Энергетический переход в Индии: проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 20-28. DOI: 10.31857/S032150750020528-2

Energy transition in India: Challenges and prospects

© Ivan Yu. Shchedrov^а, 2022

^а IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3477-6320; ivanschedro@gmail.com

Abstract. The article provides an overview of India's policy on energy transition. India is highly dependent on energy production from conventional energy sources, especially coal. The country is also dependent on imports of oil and gas. Thus, the government of India is highly concerned about ecological problems and issues of energy transition towards renewable sources. India expresses an explicit position on renewable sources on the world arena but the structure of energy sector, socio-economic and spatial factors do not fully reflect the desire to reduce the energy production from traditional sources.

The key element of India's policy is energy security which implies providing cheap energy to every citizen. The high dependence on imports and the comparatively low level of local manufacturing in the sphere of renewables prejudged the greater role of explicit factors affecting energy prices. Moreover, due to geographical imbalance many people of India are not connected to energy distribution network and the states are experiencing chronic shortage of energy. That is why the main dilemma is the transformation of the energy basket with special account on energy security issues, environmental protection, as well as ensuring economic growth. That is why the country is trying to develop both the system of traditional sources and promote utilization of renewables.

The analysis showed that since 2018 India has made significant progress in reducing energy deficit and increasing the share of renewables. However, due to certain factors the constantly increasing share of renewable energy production will not affect the production and import of conventional sources in the mid-term perspective.

Keywords: India, energy, renewables, energy security, economy

For citation: Shchedrov I.Yu. Energy transition in India: Challenges and prospects. *Asia and Africa today*. 2022. № 9. Pp. 20-28. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020528-2

ВВЕДЕНИЕ

Индия показывает уверенные темпы роста экономики, которые, согласно прогнозам, сохранятся и в среднесрочной перспективе. Основой этого роста являются внутренние источники, а трансформация энергетического сектора - это ключевая задача для его поддержания. Сейчас треть ВВП страны составляет промышленность, более половины - сфера услуг. Эти секторы являются крупнейшими потребителями энер-

гии: на них приходится 36% и 59%, соответственно. На сельское хозяйство, обеспечивающее примерно 40% занятости, приходится лишь 5% потребления.

Помимо экономических, к основным драйверам увеличения энергопотребления следует отнести и социальные факторы. В частности, прогнозируется, что к 2050 г. население Индии увеличится на 273 млн человек (составив 1,65 млрд), а процессы урбанизации поспособствуют удвоению численности жителей городов. Еще с 2000 г. на Индию приходилось 10% мирового роста спроса на электроэнергию, а в пересчете на душу населения потребность в электроэнергии увеличилась на 60% [1]. К 2040 г. на страну будет приходиться 11% мирового спроса.

Ключевыми ограничениями для энергетического сектора являются скромные запасы энергоресурсов и инфраструктурные проблемы. Сейчас основу потребления составляют традиционные источники (с подавляющей долей угля), а высокая зависимость от импорта нефти и газа, в первую очередь - из стран Персидского залива, переводит вопрос обеспечения энергетической безопасности в предметное поле внешней политики. В то же время в Индии очевидны территориальные диспропорции в потреблении энергии: значительная часть населения не подключена к центральной распределительной сети.

Нельзя обойти стороной и вопросы экологии. Несмотря на то, что объем выбросов CO₂ на душу населения значительно ниже среднемирового, страна занимает 4-е место после КНР, США и ЕС по объему выбросов в абсолютных величинах. К 2040 г. на Индию будет приходиться до 14% мировых выбросов, основные источники - угольный (71%) и нефтяной (26%) секторы. Уже сейчас индийские города признаются одними из самых загрязненных в мире, а экологические проблемы значительно увеличивают нагрузку на систему здравоохранения.

Таким образом, главной дилеммой, стоящей перед правительством Индии, является трансформация энергетической корзины в контексте решения вопросов энергетической безопасности, защиты окружающей среды, а также обеспечения показателей экономического роста. С учетом дуализма поставленных целей, гомеостаз системы будет определяться характером выхода из состояния «углеродной блокировки» (*carbon lock-in*).

СТРУКТУРА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА И ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА

Индия обладает скромными запасами энергоресурсов, что обуславливает высокую зависимость от импорта. Страна - 2-я в мире после КНР по объему потребления и импорта угля, 3-я - после США и КНР по потреблению нефти, и 5-я - после ЕС, Японии, КНР, Южной Кореи по объему импорта СПГ. При этом в пересчете на душу населения использование энергии сравнительно мало. Индия является «домом» для 18% населения Земли, но потребляет лишь 6% первичной энергии. В 2017 г. среднестатистический индиец потреблял в 10 раз меньше энергии, чем житель США. Схожий разрыв характерен и для промышленного сектора [2]. Примерно 50% выработки энергии приходятся на угольные ТЭС, доля газа составляет 6,3%, доля ВИЭ - 39%. На уголь, нефть и газ в общей структуре спроса на первичную энергию приходится 75%.

Индия обладает пятью в мире (после США, России, Австралии, КНР) разведанными запасами угля (10,3%), на нее приходится 9,7% мирового производства. Высокая зольность и нехватка ресурсов по добыче и переработке определяют необходимость импорта, до 50% поставок приходится на Индонезию. Почти 65% производимого угля идет на выработку электричества. Угольные электростанции находятся практически в каждом штате, наиболее высокая концентрация установленных мощностей характерна для восточных регионов - Джаркханд, Орисса, Чхаттисгарх, Западная Бенгалия. Они располагают примерно 80% запасов страны, за что получили название «угольный пояс».

Основным игроком на рынке является государственная корпорация *Coal India Limited (CIL)*, на её долю приходится до 82% добываемого в Индии угля. Учитывая высокую эффективность частных компаний, предполагается, что их доля на рынке будет увеличиваться [3]. Правительство проводит политику либерализации отрасли, создавая возможности для работы частного сектора. Эта тенденция будет иметь ряд ограничений, потому что деятельность госкомпаний является определяющей для регионального развития с точки зрения создания рабочих мест и инфраструктуры. В то же время работа угольных электростанций нередко вызывает протесты местного населения [4].

Использование угля в период с 2010 по 2015 гг. росло на 6,2% в годовом выражении, тогда как среднемировой показатель - 1,1%. Ожидается, что рост спроса на уголь в 2016-2030 гг. в среднегодовом значении составит 4,1%, а в промежутке 2030-2040 гг. снизится до 2,7%. Прогнозы правительства свидетельствуют о снижении его доли в энергобалансе примерно до 45-50% к 2030 г. Несмотря на это, очевидно увеличение добычи в абсолютных величинах: к 2027 г. потребность составит 877 млн т в год, внутренняя добыча будет покрывать более 90%.

Доля нефти составляет примерно 25% энергопотребления. В Индии находится менее 1% доказанных запасов, а собственная добыча ведется на шельфе и покрывает лишь малую часть спроса. Сейчас ключевые поставщики - страны Персидского залива, этот регион покрывает примерно 45% импорта Индии.

Крупнейшая индийская нефтегазовая компания - *ONGC* (71% производства и 15% всех мощностей по нефтепереработке). Для расширения внутренней добычи главными ограничениями являются низкий уровень геологической изученности (примерно 48%), отсутствие квалифицированных сотрудников и некоторых технологий по глубоководной добыче, а также низкая инновационная активность местных компаний.

Ключевые секторы, обеспечивающие спрос на нефтепродукты, - торговля, горнодобывающая промышленность, химическая промышленность. По оценкам, с 2017 по 2040 г. ежегодный рост спроса на нефть составит 3,1-4%. Прогнозы МЭА свидетельствуют о росте потребления нефти на 50% к 2030 г. - до 7,2 млн баррелей в день (мировой рост - 7%). Более того, в транспортном секторе спрос растет примерно на 4,4% ежегодно, а к 2040 г. подавляющую долю рынка всё ещё будут занимать автомобили на бензине и дизеле. Таким образом, рост внутреннего производства всё больше будет отставать от спроса, и к 2040 г. порядка 90% потребности будет удовлетворяться за счет импорта.

Правительство активизирует усилия по переходу к газовой экономике, в частности, озвучивается цель по увеличению доли газа до 15%. Это объясняется экологическими соображениями, ценовыми характеристиками и стремлением развивать отдельные отрасли промышленности. Ежегодный рост спроса на СПГ до 2040 г. составит 5,5%, а доля газа в энергетике может составить 10% уже к 2025 г. В то же время скорость увеличения доли газа в энергопотреблении будет зависеть от международной конъюнктуры, в частности, от рыночных цен на СПГ. Падение цен на СПГ до \$4,5 за МДж¹ способствует увеличению производства электричества на газовых электростанциях до 120 ТВт·ч/год² к 2030 г., что будет соответствовать уровню потребления в 14 млрд куб. м в год [5].

Правительство Индии поставило задачу увеличить долю генерируемой на АЭС электроэнергии до 25% к 2050 г.³ Однако доля ядерной энергетики в экономике страны остается незначительной в связи с дорогостоящей строительством АЭС, антиядерными настроениями, сильно возросшими после аварии в Японии на АЭС Фукусима-1.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ - КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИКИ ИНДИИ

Перед руководством Индии стоит задача обеспечить энергетическую безопасность страны, что подразумевает достижение бесперебойного доступа к энергетическим ресурсам по приемлемым ценам. На практике политика в этой сфере имеет внешнее и внутреннее измерения. К внешнему (международному) измерению относят диверсификацию поставщиков, обеспечение стабильности поставок, минимизацию влияния рыночных флуктуаций на экономику страны. Оно связано с пониманием энергетической политики через призму комплексов региональной безопасности, когда экономика Индии и состояние энергетического сектора сильно зависят от ситуации в регионах Ормузского и Малаккского проливов [6].

Внутреннее измерение определяется государственной политикой по ликвидации «энергетической бедности» - обеспечением доступа к дешевой электроэнергии низших слоев населения, а также жителей отдаленных районов страны. В настоящий момент не все домохозяйства страны подключены к распределительной сети, а многие жители сталкиваются с проблемой перебоев в подаче электроэнергии.

Сейчас Индия зависима на 77% от поставок нефти, на 45% - от поставок СПГ и на 35% - от поставок угля. Актуальность вопроса подтверждается международными прогнозами до 2040 г. - внутренний спрос будет определяющим для увеличения объемов импорта нефти на 175%, газа - на 291%, угля - на 79%.

Индийские энергетические компании изучают возможность совместной разработки нефтяных месторождений в других странах. Однако политика приобретения зарубежных активов не всегда служит интересам энергетической безопасности - в ряде случаев компаниям выгоднее реализовывать углеводороды на местных рынках [7]. Другим направлением политики является создание собственных стратегических запасов. На случай чрезвычайных ситуаций с 2004 г. в стране создаются резервы нефти, эквивалентные не менее 90 дням работы промышленности без импорта. Сейчас они составляют 39 млн барр., основные хранилища находятся в Вишакхапатнаме, Мангалуру, Падуре. В планах построить еще два - в Чандикхале и в Падуре.

Для повышения показателей местного производства в 2016 г. была введена Политика лицензирования разведки углеводородов (*Hydrocarbon Exploration Licensing Policy*), предполагающая более мягкие условия

¹ МДж (мегаджоуль) - единица измерения энергии и количества теплоты, равная 1 млн джоулей (*прим. авт.*).

² ТВт·ч (гераватт час) - единица измерения энергии, равная работе, совершаемой в течение 1 часа при мощности в 1 трлн ватт (*прим. авт.*).

³ India's Nuclear Energy Boom. IBEF. <https://www.ibef.org/blogs/india-s-nuclear-energy-boom> (accessed 20.06.2022)

для геологоразведочных компаний. Для увеличения географических масштабов разведки в 2018 г. была принята Политика лицензирования открытых площадей (*Open Acreage Licensing Policy*), которая ставила задачу привлечения компаний в сектор разведки и добычи. С недавнего времени ведется разработка трех глубоководных месторождений на восточном шельфе (около 20% газодобычи). Сейчас действуют 6 терминалов СПГ, а в течение 7 лет планируется построить ещё 11.

Несмотря на желание закрыть часть угольных электростанций мощностью 48,3 ГВт, правительство планирует построить новые общей мощностью 94,3 ГВт и увеличивать эффективность существующих. Это, например, подтверждается снижением коэффициента нагрузки угольных станций (*plant load factor*)⁴ с 77,5% в 2009/10 ф.г. до 53,4% в 2020/21 ф.г. В течение 5 лет руководство планирует инвестировать в нефтегазовую инфраструктуру \$102,49 млрд, а программа «Одна нация - одна газовая сеть» предусматривает строительство 15 тыс. км газопроводов в восточной и северо-восточной частях страны. Реализация этих проектов предоставит доступ к газу примерно 70% населения страны.

На данном этапе значительная часть индийцев не имеет доступа к дешевой электроэнергии. Решение этой проблемы приобретает ключевое значение для устранения территориальных диспропорций. Сейчас практически все штаты Индии испытывают нехватку в электроэнергии, причем изменение доли дефицита к общему потреблению происходит неравномерно (см. *граф. 1*).

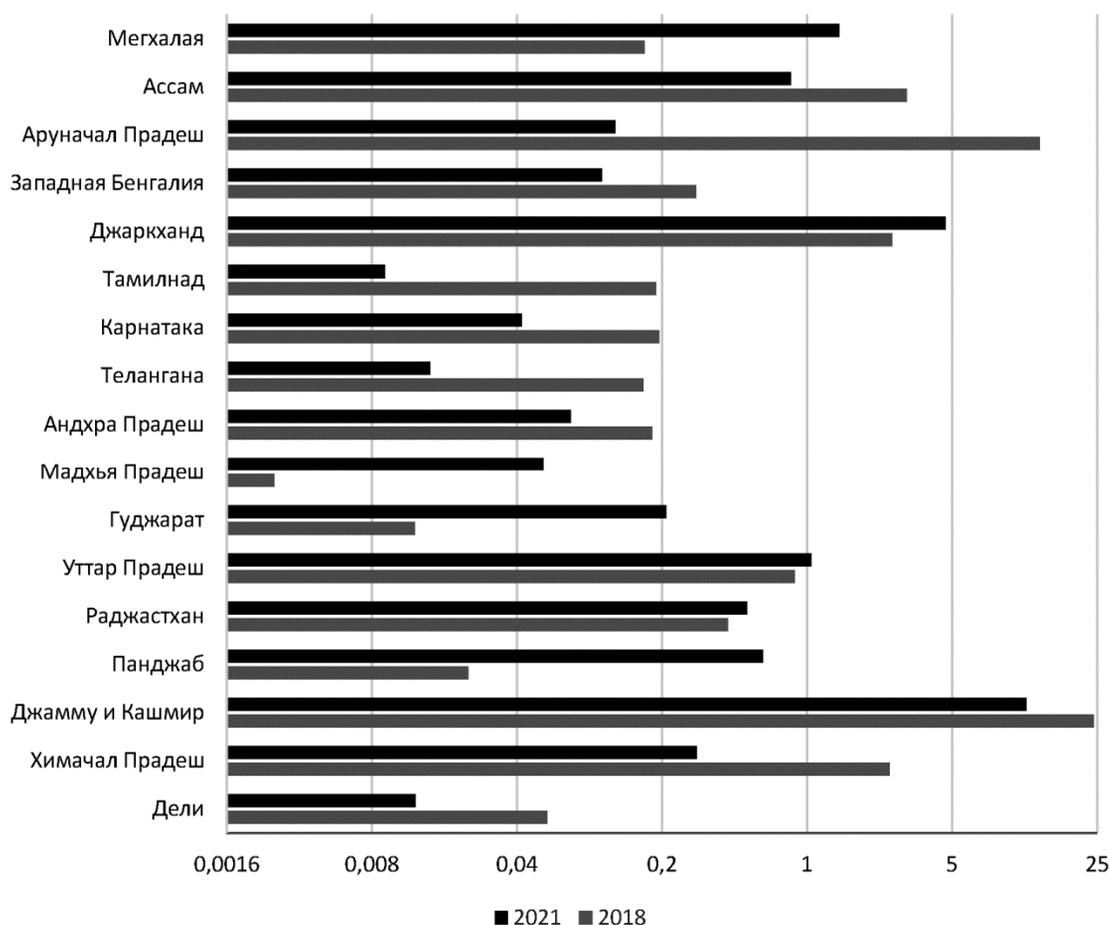

График 1. Доля дефицита от общего потребления энергии в штатах Индии, 2018/2021, %.

Chart 1. Share of deficit in total energy consumption in Indian states, 2018/2021, %.

Составлено автором на основе статистики Центрального электроэнергетического управления Индии.

Наибольшая нехватка наблюдается в Джамму и Кашмире, Уттар-Прадеше, Раджастхане, Джаркхане, Пенджабе и Ассаме. При этом в 2021 г. наблюдалось снижение дефицита в 14 регионах, причина которого -

⁴ Коэффициент нагрузки электростанции - отношение между фактической и максимально возможной выработкой энергии при номинальной мощности нагрузки в течение одного года (*прим. авт.*).

спад производства из-за пандемии. В некоторых штатах наблюдался рост дефицита, который был спровоцирован «угольным кризисом». Падение спроса на электроэнергию на фоне пандемии спровоцировало снижение уровня производства и добычи угля. Однако после резкого ослабления ограничительных мер показатели экономической активности населения резко возросли, что нельзя сказать об эффективности наращивания поставок угля на электростанции. Усугубляющим фактором стали погодные условия, международная конъюнктура на рынке угля (в частности, дефицит в КНР; повышение более чем в 3 раза цены на уголь в Индонезии - крупнейшем поставщике южноазиатского гиганта), спекуляции на внутреннем рынке. Так, в Пенджабе в годовом выражении дефицит вырос в 29 раз, в Гуджарате - в 17, в Мегхалае - в 10 раз.

ЗЕЛЕНАЯ ЭНЕРГЕТИКА: СОСТОЯНИЕ СЕКТОРА

Политика Индии в сфере зеленой энергии определяется как международными обязательствами, так и желанием увеличить внутреннее производство и обеспечить энергией отдаленные районы. Страна активно участвует в дискуссии по вопросам климата, при этом эксплицитно выражает позицию зоны Юга. По результатам Парижских соглашений Индия к 2030 г. обязалась сократить удельные выбросы углекислого газа на 33-35% по сравнению с показателями 2005 г., а также увеличить производство энергии из возобновляемых источников.

После прихода к власти Н.Моди в 2014 г. политика в области ВИЭ становится более заметной. Он активно занимался зеленой энергетикой ещё на посту главного министра Гуджарата. Этот штат стал одним из передовых с точки зрения выработки энергии из возобновляемых источников. На посту премьер-министра при нём были пересмотрены целевые показатели в области солнечной энергетики, а уже в июне 2021 г. Н.Моди заявил, что за 7 лет производство энергии из чистых источников в стране увеличилось на 250%⁵.

Сейчас установленная мощность солнечной электроэнергетики составляет 50,3 ГВт (12,7%), ветряной энергетики - 40,1 (10,2%), гидроэнергетики - 46,5 ГВт (11,8%). Индия занимает 4-е место в мире после КНР, США и Германии по установленным мощностям ветряных электростанций, среднегодовой темп роста сектора - 15%.

В Национальном плане действий по изменению климата (*National Action Plan on Climate Change*) указываются только целевые показатели по возобновляемым источникам, при этом не определяются цели по сокращению выработки из традиционных. Сейчас перед правительством стоит задача достичь показателя 450 ГВт производства из ВИЭ. Реализуется Национальная солнечная миссия (*National Solar Mission*), задача которой - достичь выработки 100 ГВт солнечной энергии. Акцент делается на создании децентрализованной системы распределения и достижении паритета с угольными электростанциями к 2030 г. [8]. Планируется построить, как минимум, 25 солнечных парков [9]. Именно такие инициативы обеспечивают рост в секторе, т.к. использование солнечных батарей на уровне домохозяйств развито слабо.

Одна из целей миссии - поддержка индийского производителя по всей цепочке создания стоимости. Подразумевается, что к концу 2022 г. в сфере производства солнечных батарей будет занято, как минимум, 100 тыс. специалистов. Страна сильно зависит от импорта компонентов, в т.ч. кремниевых пластин. Индия вводила защитные пошлины в отношении импорта из Китая и Малайзии, что значительно повысило цену комплектующих. Половинчатый характер мер стимулирования производства и технологическое отставание являются причиной низкой конкурентоспособности местных производителей. В частности, используются тарифы, основанные на проведении обратного аукциона. С компанией, предложившей наименьшую цену, заключается контракт на 10 и 25 лет без учета колебаний рынка. На бумаге эта политика подразумевала снижение цен, однако де-факто контрастировала с другими мерами и не устранила проблемы с подключением к линиям электропередач, закупкой систем хранения. Более того, требования правительства использовать местные компоненты для проектов, в которых основным потребителем выступает государство, вызвали противоречия на площадке ВТО [10].

Гидроэнергетика находится в промежуточном положении, поскольку только часть гидроэлектростанций относят к возобновляемым источникам. Раньше к сфере возобновляемой энергетики относили только малые станции, вырабатывающие до 25 МВт электроэнергии. Теперь некоторые крупные гидроэнергетические проекты (мощностью более 25 МВт) будут включаться в категорию проектов в области возобновляемых источников. Помимо поддержки сектора за счет выгодных кредитных предложений, эта политика направлена на достижение целевых показателей по производству зеленой энергии.

Сейчас лидерами по выработке являются штаты Химачал Прадеш, Уттаракханд и Карнатака. По некоторым прогнозам, в связи с изменением климата производство может сократиться на 30% до 2027 г. [11].

⁵ См.: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/india-s-capacity-for-renewable-energy-rose-by-over-250-in-6-7-years-pm-121060500419_1.html (accessed 24.06.2022)

При этом развитие гидроэнергетики будет иметь ключевое значение, т.к. страна использует лишь треть своего потенциала. Перспективными регионами являются Аруначал Прадеш, Уттаракханд, Химачал Прадеш и Карнатака. Строительство гидроэлектростанций будет особенно важно для Джамму и Кашмира, испытывающего наибольший дефицит.

Несмотря на то, что Индия обладает высокими показателями инсоляции (уровень облучения поверхности солнечным светом), регионы имеют разный потенциал использования ВИЭ. Правительство стремится устранить эти диспропорции и поддержать сферу зеленой энергетики.

Для крупных потребителей и распределительных компаний действует обязательство, по которому доля приобретаемой электроэнергии должна происходить из возобновляемых источников (*RPO*). Кроме того, введены сертификаты возобновляемой энергии (*REC*), которые представляет собой рыночный инструмент, помогающий соблюдать обязательства по приобретению электроэнергии из возобновляемых источников. Один такой сертификат соответствует 1 МВт·ч, а всего за календарный год было выкуплено чуть более 70 млн сертификатов.

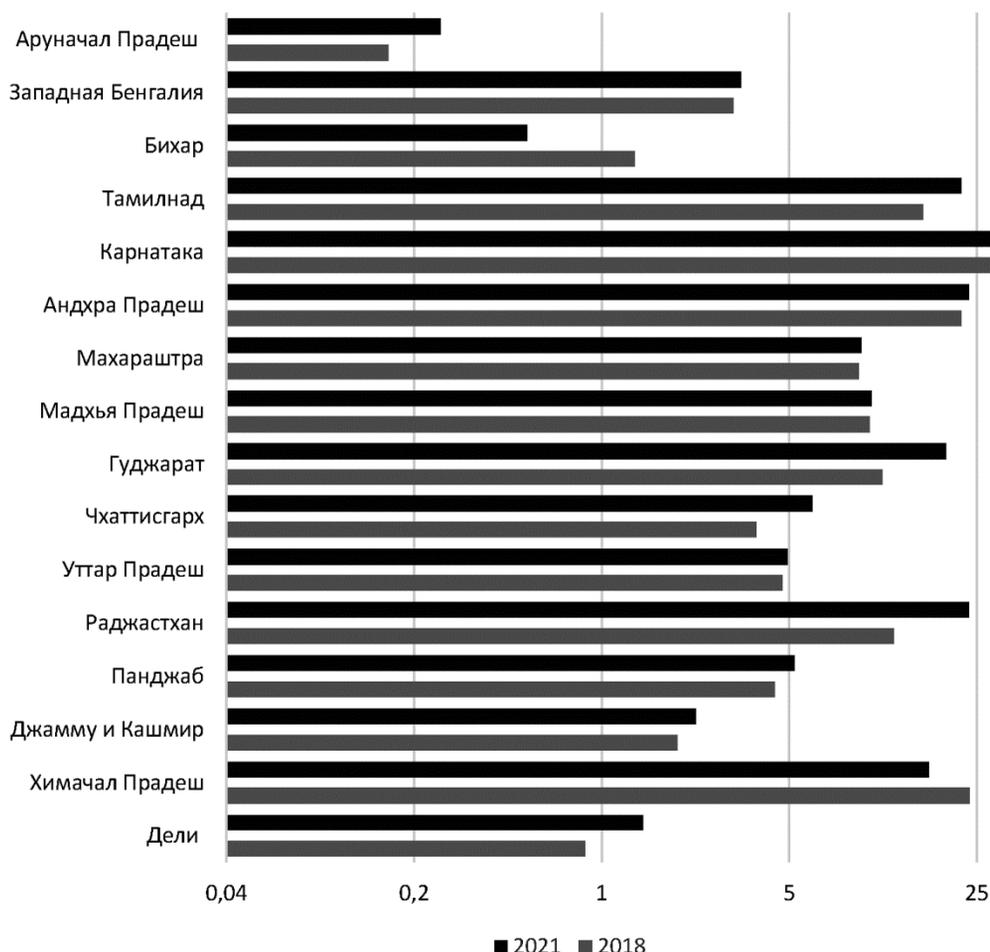

График 2. Доля выработки энергии из возобновляемых источников от общего потребления энергии в штатах Индии, 2018/21, %.

Chart 2. Share of renewable energy generation in total energy consumption in India's states, 2018/2021, %.

Составлено автором (см. *граф. 1*).

С 2018 по 2021 г. общее производство возобновляемой энергии выросло в 1,7 раза. Высокие показатели продемонстрировали малые штаты Индии. Среди крупных лидерами были Ассам (в 4,7 раза), Манипур (в 3,2), Раджастхан (в 2,2), Чхаттисгарх (в 1,9), Керала (в 1,9) и Гуджарат (в 1,8). В абсолютных величинах за 2 года рекордсменами по выработке были штаты Карнатака, Тамилнад, Гуджарат, Махараштра, Раджастхан. При этом доля выработки энергии из возобновляемых источников увеличивается в большинстве штатов (см. *граф. 2*).

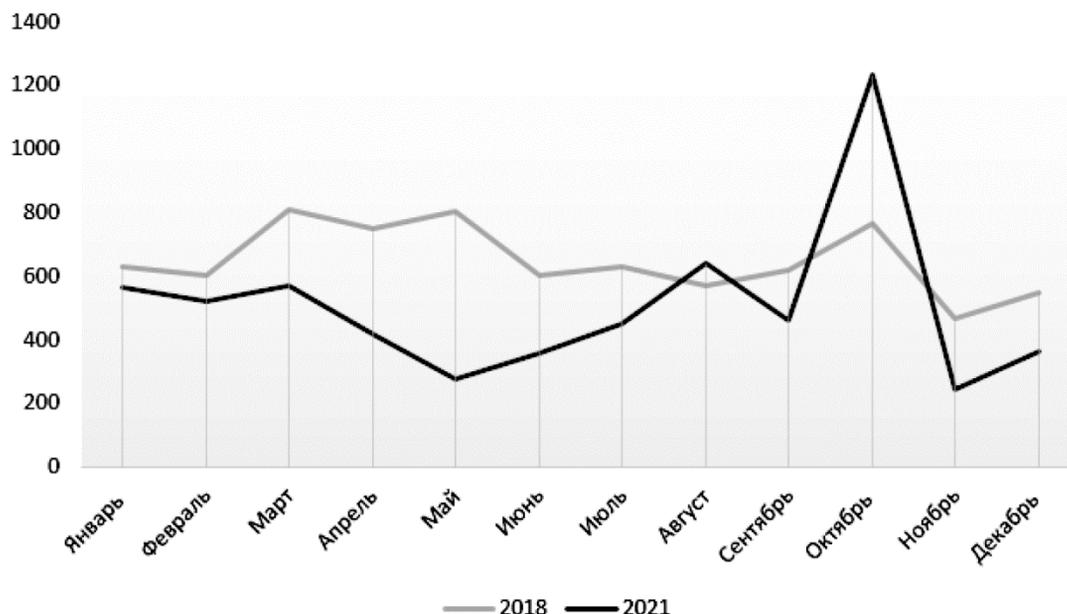

График 3. Сезонный дефицит энергии в Индии, 2018/2021, МДж (мегаджоули).

Chart 3. Seasonal energy deficit in India, 2018/2021, MJ (megajoules).

Составлено автором (см. *граф.* 1).

За 4 года дефицит электроэнергии уменьшился практически на 22% (см. *граф.* 3), а использование увеличилось на 7%. Сокращение дефицита связано с увеличением производства энергии из возобновляемых источников (на 38%), а также экономическим спадом, вызванным пандемией *COVID-19*.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Ключевым фактором развития возобновляемой энергетики станет вопрос ценообразования. В 2017 г. цены на электричество, полученное из солнечных батарей, были в 1,6 раз выше, чем из традиционных источников [4, р. 2]. В период с 2020 по 2030 г. средняя стоимость производства энергии из возобновляемых источников энергии должна снизиться на 8-10%. Однако пока неизвестно, сможет ли правительство обеспечить паритет цен с угольными электростанциями. Снижение цен будет определяться двумя факторами: технологическим развитием и эффектом масштаба. Первый будет зависеть от международных технологических разработок, второй - от способности правительства Индии решить проблемы на внутреннем рынке. Расширение использования ВИЭ подразумевает создание децентрализованной схемы распределения энергии, а также увеличение количества компаний, участвующих в производстве и распределении энергии.

Важным ограничением для развития электрификации на основе сочетания двух систем является низкий уровень инвестиций. До сих пор наблюдается высокая зависимость от импортных материалов, что приводит к ситуации, когда отечественные солнечные батареи стоят на 10-20% дороже зарубежных аналогов. Еще один аспект - сезонность выработки. Так, для солнечных электростанций сезон начинается в марте и заканчивается в июне, для ветряных - с июня по сентябрь, а для гидроэлектростанций - весь летний период. Такая выработка удовлетворяет пиковые потребности, но, учитывая неравномерное географическое распределение мощностей и уровень технологического развития, с октября по февраль энергопотребление будет опираться преимущественно на газ. Для развития систем хранения мощностью в 63 ГВт к 2030 г. потребуются дополнительные инвестиции в размере \$40 млрд.

Кроме того, установка солнечных парков требует значительных территорий. Для ВЭУ, помимо необходимости соответствовать определенным топографическим и геологическим критериям, серьезными проблемами являются: колебания напряжения (кривая мощности скорости ветра), потери при передаче электроэнергии, высокая стоимость установки, эксплуатации. Нельзя недооценивать и экологические факторы, связанные с использованием гидроэлектростанций. В частности, они влияют на биоразнообразие в регионе, а также являются источником выбросов углекислого газа и метана.

Ведущими международными агентствами прогнозируется увеличение доли возобновляемой энергетики. В зависимости от различных сценариев, доля солнечной и ветряной энергии во внутреннем производ-

стве к 2030 г. может составить от 35% до 42%. Прогнозы показывают, что до 2025 г. среднегодовой рост потребления энергии, полученной от ветряных электростанций, будет варьироваться от 4% до 9%. При сохранении текущей ситуации в данной сфере этот показатель может составить 7% [12].

Переход на ВИЭ может повлечь диспропорции в географическом распределении занятости. Так, замещение угольных мощностей солнечной энергетикой может стать причиной массовой потери рабочих мест в регионе «угольного пояса». В то же время более активное использование возобновляемой энергии создаст дополнительные рабочие места в штатах Андхра-Прадеш, Раджастхан, Карнатака, Гуджарат и Тамилнад [13]. Однако даже с учетом резкого снижения стоимости производства ВИЭ, спрос на традиционные источники не сократится, что позволит сохранить рабочие места в среднесрочной перспективе.

РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Изменения мирового экономического ландшафта обозначили для Индии важность обеспечения энергетической безопасности для поддержания роста экономики, в частности, за счет использования традиционных источников энергии.

Санкционная политика стала причиной переориентации российского экспорта в сторону индийского рынка. Индия придерживается прагматичной политики, стараясь получить финансовую выгоду за счет импорта энергоресурсов из России по сниженным ценам. Это всецело соответствует целям повышения энергетической безопасности страны. Увеличение поставок энергоносителей, прежде всего нефти и газа, в значительной степени увеличило долю России в структуре индийского импорта. Если по состоянию на 2021/22 ф.г. доля России составляла 1,6%, то в апреле и мае 2022 г. этот показатель достиг отметки 4%.

С февраля по май 2022 г. Индия импортировала нефть из России на сумму \$5,3 млрд, что в 5 раз выше показателей за аналогичный период 2021 г. Страна стала вторым после Ирака по величине поставщиком нефти в Индию, таким образом, обогнав Саудовскую Аравию. Кроме того, индийская энергетическая компания *ONGC Videsh Ltd.* планирует расширить свое участие в нефтегазовом проекте «Сахалин-1». Весьма вероятно, что объемы поставок в Индию будут постепенно снижаться по сравнению с пиковыми показателями, поэтому совместные стратегические проекты могут стать основой для энергетического сотрудничества в долгосрочной перспективе. Перебои с поставками угля в 2021 г. на фоне коронавирусных ограничений, которые в том числе были вызваны повышением цен на энергоносители, заставляют руководство Индии искать источники географической диверсификации поставщиков. Именно поэтому Индия наращивает закупку российского угля, т.к. собственное производство не покрывает потребности экономического развития.

При этом на повестке дня все ещё стоит задача повышения энергетической самообеспеченности. В кратко- и среднесрочной перспективе закупка дешевой нефти, газа и угля сможет предоставить определенные финансовые преимущества. Тем не менее, в конечном счете, Индии будет необходимо повышать показатели собственного производства, в т.ч. за счет увеличения доли ВИЭ. Такая политика не отменяет возможности получения выгоды за счет снижения мировых цен на энергоносители, но при этом позволяет снизить влияние внешнеэкономических рисков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Высокая зависимость от международной конъюнктуры ставит на повестку развития Индии вопрос обеспечения энергетической безопасности. Правительство страны проводит политику диверсификации поставщиков с помощью «энергетической дипломатии», участвует в разработке месторождений в других странах. В то же время перед руководством стоит задача увеличения внутреннего производства, расширения распределительной сети и развития возобновляемых источников как одного из инструментов повышения доступности электроэнергии.

Политика Индии в энергетическом секторе имеет два направления: реформирование отрасли традиционной энергетики и расширение доли возобновляемой. К первому блоку относится повышение эффективности угольных станций, расширение распределительной сети, увеличение доли газа, а также разработка новых месторождений. Несмотря на амбициозные цели в области зеленой энергетики, развитие сектора сталкивается с рядом проблем - низкий уровень технологического развития, отсутствие долгосрочной программы поддержки со стороны правительства, а также географические диспропорции в развитии. К этому списку следует добавить и высокий уровень конкуренции со стороны компаний из Китая и Малайзии.

Сейчас Индия демонстрирует уверенные темпы развития сферы возобновляемой энергии. Во многом этому способствуют социально экономические факторы: постепенное увеличение среднего класса, изме-

нения характера потребления, а также наличие большей части населения, которая до сих пор не подключена к распределительной сети. Несмотря на амбициозные цели правительства значительно увеличить долю зеленой энергетики в структуре энергетического баланса, абсолютные показатели производства энергии из традиционных источников не будут подвержены сильным колебаниям, что позволит сохранить рабочие места.

В подобной ситуации возрастет роль государственного регулирования. Во многом это касается инфраструктурных проектов (в т.ч. межрегиональной сети передачи энергии) и поддержки национального производителя. Успешная реализация политики в области энергетического перехода стала бы основой для экономического роста и обеспечила бы энергетическую безопасность страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. India Energy Outlook 2021. Special Report. *International Energy Agency*. 2021. P. 20.
2. Мастепанов А., Сумин А. Энергетическая политика Индии в период энергетического перехода. *Энергетическая политика*. 2020. № 9 (151). С. 82.
Mastepanov A., Sumin A. Energy policy of India in a period of energy transition. *Energy policy*. 2020. № 9 (151). P. 82. (In Russ.)
3. Meenakshi P, Madheswaran S. Does ownership matter? Empirical evidence from the performance of Indian state and private coal mining companies. *Resources Policy*. 2021. № 74. P. 7.
4. Brototi R., Schaffartzik A. Talk renewables, walk coal: The paradox of India's energy transition. *Ecological Economics*. 2021. № 180. P. 5.
5. Abhyankar N., Deorah S., Phadke A. Least-Cost Pathway for India's Power System Investments through 2030. *Lawrence Berkeley National Laboratory*. December 2021. P. 11.
6. Sanjay K. Bhardwaj. *The Chinese Shadow on India's Eastward Engagement*. The Energy Security Dimension. Critical Perspectives on India and China. Routledge, 2021. P. 23.
7. Рева А. Нефтяная индустрия Индии: анализ и риски. *Инновации и инвестиции*. 2018. № 3. С. 99.
Reva A. Indian Oil Industry: Analysis and Risks. *Innovations and investments*. 2018. № 3. P. 99. (In Russ.)
8. Towards Building Solar India. Jawaharlal Nehru National Solar Mission. *SECI India*. P. 1.
9. Solar Parks. Accelerating the Growth of Solar Power in India. Ministry of New and Renewable Energy. Government of India. August 2016. P. 15.
10. Shadikhodjaev S. India - Certain Measures Relating to Solar Cells and Solar Modules. *American Journal of International Law*. 111(1). 13 July 2017. P. 139-147.
11. Buckley T., Kashish S. IEEFA India: New National Electricity Plan Reinforces Intent Toward 275 Gigawatts of Renewables-Generated Electricity by 2027. *IEEFA*. <https://ieefa.org/ieefa-india-new-national-electricity-plan-reinforces-intent-toward-275-gigawatts-of-renewables-generated-electricity-by-2027/> (accessed 20.03.2022)
12. Sadorsky P. Wind energy for sustainable development: Driving factors and future outlook. *Journal of Cleaner Production*. 2021. № 289. P. 10.
13. Sharma A., Banerjee R. Framework to analyze the spatial distribution of the labour impacts of clean energy transitions. *Energy Policy*. 2021. № 150. P. 8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Щедров Иван Юрьевич, младший научный сотрудник группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра Азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Ivan Yu. Shchedrov, Junior Researcher, Group on South Asia and the Indian Ocean, Center for Asia-Pacific Studies, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.08.2022

Судан после Омара аль-Башира: территория нестабильности

© Денисова Т.С.^{a,b}, Костелянец С.В.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanets@gmail.com

Резюме. Судан имеет долгую историю гражданских войн и конфликтов, значительная часть которых пришлось на период 30-летнего (1989-2019) правления Омара аль-Башира. Кризис в арабском мире, получивший название «арабская весна» и проявившийся в начале 2010-х гг. в крупных политических потрясениях в странах Северной Африки, охватил и Судан, переживший в последнее десятилетие несколько волн народных протестов, что позволяет относить его к сахаро-сахельской «зоне турбулентности». Политическая ситуация в этой стране заметно обострилась в связи с утратой в результате разделения Судана на два государства - Республику Судан (РС) и Республику Южный Судан (РЮС) - части нефтяных месторождений, с резким сокращением доходов от производства и экспорта «черного золота» и, соответственно, с ухудшением материального положения населения. Хотя мятежи солдат и офицеров были обычным явлением для РС, именно массовые протесты в конце 2018 - начале 2019 гг., организованные гражданской оппозицией и получившие название «Декабрьская революция», спровоцировали военный переворот 2019 г., в результате которого президент-долгожитель был свергнут. Однако создание переходного военно-гражданского правительства не разрешило многочисленных противоречий в суданском обществе - между армией и гражданским обществом, между отдельными силовыми структурами, между правящей коалицией и лидерами повстанческих движений, с которыми было подписано мирное соглашение, и т.д. Политическая нестабильность усугублялась экономическими проблемами, связанными с пандемией *COVID-19* и падением цен на нефть, и 25 октября 2021 г. произошел очередной военный переворот, который, впрочем, не сопровождался трансформацией режима и значительными изменениями в составе правящей группы, но позволил военным продлить переходный период и отсрочить передачу, которую требовала оппозиция, всей полноты власти гражданским лидерам.

Ключевые слова: Республика Судан, политическая нестабильность, военные перевороты, Омар аль-Башир, Абдель Фаттах аль-Бурхан, Мохамед Хамдан Доголо «Хемети»

Благодарность: Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Судан после Омара аль-Башира: территория нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 29-36. DOI: 10.31857/S032150750021784-4

Sudan after Omar al-Bashir: A territory of instability

© Tatyana S. Denisova^{a,b}, Sergey V. Kostelyanets^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanets@gmail.com

Abstract. Sudan has a long history of civil wars and conflicts, much of which occurred during the 30-year (1989-2019) rule of Omar al-Bashir. The crisis in the Arab world, which came to be known as the “Arab Spring” and manifested itself in the early 2010s in major political upheavals in North Africa, did not spare Sudan, which has experienced several waves of popular protests over the past decade. The political situation in this country has noticeably worsened due to the loss of most of the oil fields as a result of the division of Sudan in 2011 into two states - the Republic of Sudan (RS) and the Republic of South Sudan (RSS). While mutinies by soldiers and officers were a common occurrence in the RS, it was the mass protests in late 2018 and early 2019, organized by the civil opposition and dubbed the “December Revolution” that provoked the military coup in 2019, which resulted in the overthrow of the long-lived president. However, the establishment of a transitional military-civilian government did not resolve the numerous contradictions in Sudanese society - between the army and civil society, individual security agencies, the ruling coalition and the leaders of the rebel movements, with whom a peace agreement was signed. Political instability was exacerbated by economic problems associated with the COVID-19 pandemic, and on October 25, 2021, another military coup took place, which, however, was not accompanied by regime transformation or significant changes in the composition of the ruling group, but allowed the military to extend the transition period and delay the transfer of supreme power in Sudan to civilians. Meanwhile, the intensity of military and political contacts between the Russian Federation and Sudan created a solid foundation for the expansion of bilateral relations, which continued to develop after the ouster of Omar al-Bashir.

Keywords: Republic of Sudan, political instability, military coups, Omar al-Bashir, Abdel Fattah al-Burhan, Mohamed Hamdan Dogolo “Hemeti”

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Sudan after Omar al-Bashir: A territory of instability. *Asia and Africa today*. 2022. № 9. Pp. 29-36. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021784-4

ВВЕДЕНИЕ

С момента обретения в 1956 г. независимости Судан остается одним из наименее стабильных в политическом отношении государств Африки. Страна пережила около 30 попыток и 6 состоявшихся военных переворотов на фоне двух (1955-1972, 1983-2005) гражданских войн между Севером и Югом тогда еще единого Судана, затяжного и кровопролитного конфликта в регионе Дарфур и многочисленных более мелких восстаний в провинциях Кордофан, Голубой Нил и др.

Политическая ситуация заметно обострилась в 2010-е гг. в результате экспансии на территорию страны «революционных» настроений «арабской весны» и экономического спада после раскола страны на две Республики - Судан и Южный Судан (см. подробнее: [1; 2]): тогда РС утратила 75% нефтяных месторождений, 61% валютной выручки от экспорта «черного золота» и более 60% общих доходов бюджета (см. подробнее: [3]). К концу 2018 г. уровень инфляции достиг 70%; произошла девальвация валюты, приобрести которую по официальному курсу стало практически невозможно, и частные импортеры были вынуждены покупать её на черном рынке, а поскольку Судан импортирует большую часть продуктов питания, прежде всего зерна, а также лекарств и топлива, создававшаяся ситуация привела к серьезным последствиям: к росту цен и дефицита, закрытию пекарен, выстраиванию длинных очередей на бензоколонках и т.д. Отсутствие топлива обусловило нехватку питьевой воды из-за остановки водяных насосов и проблемы со сбором и доставкой урожая, что, в свою очередь, предопределило быструю дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки. Однако на фоне растущего народного недовольства правительство продолжало усиливать меры жесткой экономии. 17 декабря было объявлено о повышении цен на лекарства на 60-150%. К концу 2018 г. власти оказались не в состоянии выполнять свои социальные обязательства.

Таким образом, непосредственным катализатором «Декабрьской революции» был острый социально-экономический кризис, усугублявшийся быстрым ростом населения (с 35 млн в 2011 г. до 42 млн в 2018 г. и 45,6 млн в 2022 г.¹).

«ДЕКАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 2019 г.

11 апреля 2019 г. в Судане произошел военный переворот, в ходе которого был свергнут президент Омар аль-Башир, 30 лет управлявший страной. Путчу предшествовали несколько месяцев массовых протестов: в одном лишь декабре 2018 г. прошло около 400 демонстраций, зачастую переходивших в ожесточенные столкновения манифестантов с военными и полицией. В ходе столкновений были убиты свыше 100 человек [4]. В некоторых городах мятежники сжигали офисы бывшей правящей Партии Национального конгресса (ПНК, распущена в ноябре 2019 г.), Национальной службы разведки и безопасности (НСРБ), местных администраций и др. В феврале 2019 г. аль-Башир ввел на всей территории страны сроком на 1 год режим чрезвычайного положения.

«Декабрьская революция» даже для Судана с его историей нестабильности стала беспрецедентным по своим масштабам движением, объединившим под зонтиком оппозиционной коалиции «Альянс за свободу и перемены» (АСП) более двух десятков партий и организаций, в т.ч. рабочие профсоюзы, ассоциации врачей, юристов, предпринимателей, преподавателей, студентов и повстанческие группировки.

Наряду с недовольством экономической ситуацией возникла напряженность и по поводу «политического долголетия» аль-Башира, который намеревался участвовать в выборах, намечавшихся к проведению в 2020 г., и которого большинство суданцев считало полностью ответственным за экономические неурядицы. 4 декабря 2018 г. пропрезидентское большинство в парламенте проголосовало за введение в Конституцию поправки, позволявшей президенту в пятый раз баллотироваться на этот пост. Под давлением оппозиции, недовольной этим решением, 22 февраля 2019 г. аль-Башир выступил по телевидению с обращением к нации, пообещав провести экономические реформы и начать национальный диалог. Однако одновременно он уволил ряд министров, запретил несанкционированные митинги и демонстрации, ужесточил цензуру СМИ и расширил полномочия силовых структур при проведении обысков и арестов.

В конце марта оппозиция, начавшая терять надежду на перемены, решила сменить тактику - разбить палаточный лагерь в центре Хартума перед зданием штаба вооруженных сил (ВС) и оставаться в нем, пока её требования - смещение аль-Башира, формирование переходного правительства и прекращение насилия

¹ Население Судана. *Countrymeters*. 2022. <https://countrymeters.info/ru/Sudan> (accessed 21.06.2022)

в отношении мирных демонстрантов - не будут выполнены. Стратегия АСП заключалась в том, чтобы использовать напряженность между армией, часть которой сочувствовала протестующим, и другими силовыми структурами, осуществлявшими репрессии против оппозиции. К апрелю число демонстрантов на улицах столицы превысило миллион, и уже в первый день сидячей забастовки солдаты поддержали гражданское население, раздавая воду и еду и скандируя революционные лозунги. 8 апреля вспыхнула перестрелка между военными, образовавшими защитный кордон вокруг демонстрантов, и сотрудниками служб безопасности, в т.ч. полиции и военизированного формирования Силы оперативной поддержки (СОП), вынужденными отступить [5].

Именно поддержка солдатами гражданской оппозиции побудила верхушку ВС не защищать режим, вызывавший столь масштабное недовольство, и 11 апреля министр обороны и вице-президент страны Ахмед Авад ибн Ауф объявил, что армия свергла президента аль-Башира и сформировала Переходный военный совет (ПВС). Таким образом, воспользовавшись массовым недовольством, группа военачальников успешно предотвратила народную революцию, направленную на радикальную трансформацию всей политической системы, и захватила власть, оказавшуюся в руках тех же офицеров, которые играли важную роль при жестко авторитарном правлении аль-Башира [6; 7; 8, pp. 254-255].

Сначала ПВС возглавил генерал ибн Ауф, прославившийся жестокостью при подавлении дарфурских повстанцев. Однако уже на следующий день после переворота под давлением группы военных, отвергших предложенные им «переходные меры», он подал в отставку, передав власть генералу Абделю Фаттаху аль-Бурхану - генеральному инспектору ВС, в 2003-2005 гг. в качестве полковника разведки координировавшему атаки армии и проправительственного ополчения джанджавид на фурские деревни². Но особое беспокойство суданцев вызвало назначение в ПВС бывшего лидера джанджавида Мохамеда Хамдана Дагало, известного как «Хемети», также виновного в убийствах многих дарфурцев во время конфликта, начавшегося в 2003 г. и продолжающегося до сих пор, и с 2013 г. командующего СОП.

Сразу после захвата власти хунта приняла ряд популистских мер, в частности, освободила несколько сотен политзаключенных и провозгласила свободу прессы. Однако проведенные ПВС и АСП переговоры об условиях передачи власти гражданскому правительству и параметрах переходного периода зашли в тупик; остались проигнорированными и требования гражданской оппозиции незамедлительно провести расследование военных и коррупционных преступлений режима аль-Башира, что могло угрожать интересам армейской верхушки, в т.ч. некоторым членам ПВС. Таким образом, период, в течение которого рядовые суданцы проявляли осторожный оптимизм, быстро закончился. Стало очевидным, что военные намерены сохранить власть любой ценой, чему в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что Судан практически не имеет опыта гражданского правления.

Так или иначе, но отношения между армией и гражданской оппозицией стремительно ухудшались: 3 июня 2019 г. военные ликвидировали палаточный лагерь АСП перед штабом ВС; в ходе этой акции, осуществленной СОП, были убиты около 120 человек и примерно 780 ранены³. 7 июня под давлением мирового сообщества ПВС и оппозиция провели переговоры при посредничестве премьер-министра Эфиопии Абий Ахмеда Али; к процессу подключились Африканский Союз и Межправительственная организация по развитию (ИГАД) - региональное объединение, членом которого является Судан⁴. В результате 17 июля было подписано Соглашение о принципах разделения власти между военными и гражданскими лицами; 17 августа - принята Конституционная декларация и в соответствии с ней создан высший военно-гражданский орган управления - Суверенный совет Судана (ССС) во главе с аль-Бурханом; 20 августа был упразднен ПВС. СССР, уполномоченный назначать руководителей государственных ведомств, 21 августа привел к присяге в качестве премьер-министра Абдаллу Хамдука (ранее занимавшего различные административные должности, в частности заместителя исполнительного секретаря Экономической комиссии ООН по Африке); 28 августа было сформировано переходное правительство⁵.

Июльское соглашение привело к снижению уровня насилия, но разногласия между сторонами сохранялись и продолжали влиять на развитие политической ситуации, осложнявшейся к тому же отсутствием

² Sudan's Military Leader Vows to Hand 'Power to People'. *Al Jazeera*. 21.04.2019. <https://www.aljazeera.com/news/2019/04/sudan-military-leader-vows-hand-power-people-190421164606187.html> (accessed 15.05.2022)

³ Sudan protests: Thirty dead and more than 100 injured as troops disperse demonstrators. *Telegraph*. 3.06.2019. <https://telegraph.co.uk/news/2019/06/03/sudan-protests-two-dead-dozens-injured-troops-try-disperse-demonstrators> (accessed 21.05.2022); Sudan. Escalation of violence. *ACAPS*, 17.06.2019. https://www.acaps.org/sites/acaps/files/products/files/20190617_acaps_briefing_note_escalation_of_violence_in_sudan.pdf (accessed 21.05.2022)

⁴ What does Sudan's constitutional declaration say? *Al Jazeera*. 04.08.2019. <https://www.aljazeera.com/news/2019/08/sudan-constitutional-declaration-190804182241137.html> (accessed 20.05.2022)

⁵ Draft Constitutional Charter for the 2019 Transitional Period. 04.08.2019. <https://constitutionnet.org/sites/default/files/2019-08/Sudan%20Constitutional%20Declaration%20%28English%29.pdf> (accessed 22.05.2022)

единства в рядах как военных, так и АСП, представлявшего собой пеструю коалицию более чем двух десятков оппозиционных партий и движений, не способных договориться по многим вопросам развития страны. В октябре 2021 г. 16 политических организаций вышли из АСП, сформировав Хартию национального консенсуса (ХНК). Фрагментация гражданской оппозиции была использована военными, которые 25 октября того же года осуществили государственный переворот, фактически разорвав соглашение 2019 г. о разделении власти.

Мнение мирового сообщества по поводу путча 2019 г. было сдержанным: с одной стороны, оно обязано было выразить недовольство тем, что смена власти произошла неконституционным путем; с другой - был смещен правитель, ордер на арест которого был выдан Международным уголовным судом (МУС) еще в 2008 г. Более того, некоторые страны приветствовали переворот: Саудовская Аравия и ОАЭ, недовольные внешнеполитическими предпочтениями аль-Башира (Катар, Турция), вскоре после прихода к власти аль-Бурхана и Хемети объявили о предоставлении новому режиму, открыто ориентирующемуся на «арабскую тройку» (Египет, КСА и ОАЭ), экономической помощи в размере \$3 млрд. [9, p. 20]. Многочисленные проекты Дохи и Анкары на красноморском побережье Судана - военная база и крупный морской порт - оказались под угрозой [10, с. 32-34].

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 25 ОКТЯБРЯ 2021 г.

Напряженность в отношениях между военными и гражданскими членами ССС и коалиционного правительства с самого момента их создания не ослабевала, но сдерживалась необходимостью демонстрировать единство ради решения трех первоочередных задач: исключения Судана из американского списка стран-спонсоров терроризма, достижения договоренности с международными кредиторами о списании примерно \$50 млрд внешней задолженности и заключения мирного соглашения с вооруженной оппозицией - повстанцами Дарфура и других мятежных регионов; к осени 2021 г. эти задачи были частично решены. Так, в декабре 2020 г. Вашингтон исключил Судан из пресловутого списка, реструктуризация долгов произошла в июне 2021 г. Несколько сложнее было «усмирить» повстанцев, хотя формально правительство выполнило и эту задачу: «Джубское соглашение о мире в Судане»⁶ было подписано в октябре 2020 г., хотя, как и все предыдущие договоренности, достигнутые между Хартумом и региональными мятежными группировками, оно не привело к политической стабилизации. Уже в январе 2021 г. 129 человек погибли в ходе вооруженных столкновений в Западном Дарфуре⁷, а в сентябре 2021 г. «удар» по соглашению был нанесен на востоке страны, в провинции Красное море, где представители народа беджа перекрыли дороги, связывающие регион с Хартумом, и заблокировали ключевые нефтепроводы в г. Порт-Судан, практически полностью парализовав единственные морские ворота страны. Таким образом беджа выразили свое недовольство «Джубским соглашением», в котором были учтены интересы далеко не всех кланов этой крупной неарабской народности (2,7 млн человек в мире, их них 2,4 млн в Судане)⁸.

Повод к разногласиям между военными и гражданской оппозицией создавала и деятельность двух созданных при переходном правительстве органов - «Комитета по ликвидации режима 30 июня 1989 года и возвращению государственных средств» (похищенных в период правления аль-Башира) и «Комиссии по расследованию расстрела демонстрантов в июне 2019 г.». К лету 2021 г. Комитет вернул в суданскую казну более чем \$1 млрд⁹ и начал все чаще заявлять о необходимости проведения аудита собственности высокопоставленных военных, намекая на её коррупционное происхождение: действительно, по оценкам, армия и службы безопасности контролируют около 250 компаний, действующих в сферах золотодобычи, телекоммуникаций, транспорта, в производстве гуммиарабика, мяса, муки, кунжута (помимо управления предприятиями военно-промышленного комплекса) и освобожденных от уплаты налога на прибыль, что лишает и без того скудный государственный бюджет значительных доходов¹⁰. В свою очередь, в результате расследования, проводившегося Комиссией, но так и не законченного к моменту октябрьского переворота 2021 г., многие высокопоставленные военные могли бы - по настоянию её гражданских участников - в луч-

⁶ Суданское мирное соглашение, также известное как «Джубское соглашение о мире в Судане», или «Джубское соглашение», было подписано 3 октября 2020 г. в Джубе (Южный Судан) А.Хамдоком и лидерами Суданского революционного фронта (создан в 2011 г.), в который входят несколько повстанческих группировок, действующих в регионах Дарфур, Южный Кордофан и Голубой Нил.

⁷ В Судане 129 человек погибли в ходе вооруженных столкновений. *РИА Новости*. 18.01.2021. <https://ria.ru/20210118/darfur-1593596456.html> (accessed 20.05.2022)

⁸ Beja, Bedawi. *Joshua Project*. 2022. https://joshuaproject.net/people_groups/10766 (accessed 13.06.2022)

⁹ Sudan Struggles to Control Its Parastatals. *The Sentry*. N/d. <https://thesentry.org/reports/sudan-parastatals> (accessed 12.06.2022)

¹⁰ Sudan's PM laments army's role in the country's economy. *Africa News*. 15.12.2020. <https://www.africanews.com/2020/12/15/sudan-s-pm-laments-army-s-role-in-economy> (accessed 19.05.2022)

шем случае лишиться своих постов в ССС и правительстве¹¹, а в худшем - предстать перед судом. Естественно, военные старались всячески препятствовать работе этих органов.

Внутриполитическая ситуация резко обострилась в сентябре 2021 г., когда власти заявили о срыве очередной попытки государственного переворота, возложив вину за его подготовку на сторонников аль-Башира, находившегося в хартумской тюрьме. Еще в августе кабинет министров принял решение экстрадировать экс-президента в Нидерланды, где он мог бы предстать перед МУС в связи с расследованием военных преступлений на территории Дарфура. Безусловно, это могло побудить его недавних соратников, также причастных к актам насилия в Дарфуре и не желавших следовать за аль-Баширом в Гаагу, к решительным действиям¹².

После неудачной попытки переворота военные и АСП начали обвинять друг друга в дестабилизации обстановки. Альянс потребовал передачи должности председателя ССС гражданскому лицу, одновременно обвинив премьер-министра Хамдука в нерешительности или неспособности ограничить контроль ПВС над основными финансовыми потоками, в частности, над доходами от экспорта золота. В свою очередь, ХНК, напротив, выступила на стороне военных как единственно способных добиться порядка в стране.

Аль-Бурхан и его заместитель Хемети возложили вину за экономические провалы и политические неурядицы на премьер-министра Хамдука и 13 октября потребовали распустить правительство и включить в состав нового кабинета представителей ХНК. Надо сказать, что претензии к правительству в значительной степени были обоснованными, так как Судан постепенно скатывался даже в более глубокий экономический кризис, чем перед началом массовых выступлений 2018-2019 гг.: объем ВВП в 2020 г. сократился на 18% по сравнению с предыдущим годом, инфляция к середине 2021 г. достигла 400%¹³.

21 октября 2021 г. АСП начал масштабную акцию - «Марш миллионов»: на улицы вышли сотни тысяч суданцев, недовольных работой правительства; в столкновениях с армией и полицией пострадали несколько десятков человек; 25 октября в столицу были введены дополнительные армейские силы, «марш» был подавлен, но военные вновь использовали ситуацию для упрочения своей власти, организовав путч и арестовав Хамдука, нескольких министров и губернаторов провинций, а также лидеров некоторых политических партий. Председатель ССС аль-Бурхан, возглавивший переворот, 26 октября в телевизионном обращении к народу заявил о роспуске военно-гражданского правительства и пообещал, что военные обеспечат переход к гражданскому правлению, проведут в 2023 г. демократические выборы и сформируют новые переходные институты власти¹⁴.

Протестная волна, поднявшаяся на следующий день после переворота, быстро распространилась на многие крупные города Судана. Демонстранты требовали передачи власти гражданским лидерам и освобождения политических заключенных. Однако военные смогли несколько усмирить население, «выкинув» на рынок остававшиеся на складах дефицитные товары - сахар, пшеницу и др. и снизив цены на них.

В отличие от путча 2019 г., когда был свергнут аль-Башир, переворот 2021 г. вызвал почти единодушное неодобрение мирового сообщества. ООН потребовала «немедленного освобождения» Хамдука, Африканский Союз 27 октября приостановил членство страны в АС, «глубокую озабоченность» выразила Лига арабских государств, ЕС пригрозил прекратить финансовую поддержку, США заморозили транш гуманитарной помощи в размере \$700 млн. Более мягко на переворот отреагировал Китай, призвавший все стороны проявлять сдержанность: ничего удивительного - с середины 1990-х гг. КНР инвестировала в экономику Судана около \$30 млрд и предоставила кредитов в размере примерно \$20 млрд; китайские компании контролируют значительную часть крупных нефтяных месторождений и 1600 км нефтепроводов, а Порт-Судан включен в структуру проекта «Один пояс - один путь»¹⁵.

МИД России 27 октября заявил о необходимости «скорейшей стабилизации обстановки» и указал на «недопустимость внешнего вмешательства во внутренние дела страны»¹⁶.

Чтобы не лишиться финансовой помощи и из других источников, военные предложили Хамдуку вернуться на свой пост при условии формирования им нового правительства, которое отвечало бы «крите-

¹¹ Sudan's Democratic Transition and the Military. *Maydan*. 10.11.2021. <https://thedaydan.com/2021/11/sudans-democratic-transition-and-the-military> (accessed 15.06.2022)

¹² Reversing Sudan's Dangerous Coup. *Crisis Group*. 26.10.2021. <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/sudan/reversing-sudans-dangerous-coup> (accessed 19.05.2022)

¹³ Судан: уровень инфляции. *FXEMPIRE*. 2022. <https://ru.fxempire.com/macro/sudan/inflation-rate> (accessed 13.06.2022)

¹⁴ Sudan's al-Burhan says army ousted government to avoid civil war. *Al Arabiya News*. 26.10.2021. <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2021/10/26/Sudan-s-top-general-al-Burhan-holds-news-conference-after-military-coup> (accessed 17.06.2022)

¹⁵ США и Китай в схватке за нефть Судана. *Livejournal*. 07.05.2022. <https://swinopes.livejournal.com/748330.html?ysclid=I4o17aaajf163006487> (accessed 17.05.2022)

¹⁶ Глава распущенного правительства Судана вернулся домой после задержания. *РБК*. 27.10.2021. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61787e269a7947534533262b> (accessed 12.05.2022)

риям профессионализма и регионального представительства»; премьер-министр отказался, требуя освобождения политзаключенных и восстановления кабинета в прежнем составе¹⁷. 11 ноября аль-Бурхан представил новый состав ССС, в котором свои кресла сохранили все представители армии и повстанческих движений, но сменились гражданские участники, а 21 ноября, к удивлению участников массовых протестов, Хамдук вернулся на свою должность, подписав с аль-Бурханом соглашение из 14 пунктов, наиболее важным из которых было сохранение ведущей роли армии до проведения всеобщих выборов.

Таким образом, военные упрочили свои позиции, но стабилизации внутривнутриполитической обстановки не произошло. Протестные демонстрации не прекратились, так как лидеры АСП требовали полной «капитуляции» военных, а ХНК - смещения смешанного военно-гражданского кабинета Хамдука более эффективным правительством. В результате 2 января 2022 г. премьер-министр объявил о своей отставке. С 19 января эту должность занял Осман Хуссейн, прежде, с 13 марта 2019 г., занимавший должность генерального секретаря канцелярии главы правительства, малоизвестный политик, по всей видимости, оказавшийся для военных наиболее удобной фигурой.

Впрочем, единство военной верхушки остается непрочным: постоянные разногласия наблюдаются между ВС, в которые как отдельное подразделение входят Народные силы обороны (НСО), набранные с целью защиты исламистской идеологии [11], НСРБ (с июля 2019 г. - Служба общей разведки), СОП и другими военизированными формированиями. С момента переворота 2019 г. хунта арестовала несколько сотен офицеров, обвиненных в подрывной работе, связях с исламистами, в организации переворота и т.д. На лидера СОП Хемети было совершено несколько покушений, причем сам он обвинял в этом не оппозицию, а армейских офицеров¹⁸. То есть хрупкий и искусственный союз в формате ССС «пестрых» сил - группы военачальников под руководством главнокомандующего вооруженными силами аль-Бурхана, Хемети и подписавших «Джубское соглашение» лидеров повстанческих группировок сохраняется не на основе общих целей развития страны, а из-за опасений, что передача власти гражданским лицам повлечет за собой раследование их прошлых преступлений.

Наибольший конфликтный потенциал содержится в отношениях между аль-Бурханом (который, кстати, как и президент Египта Абдул-Фаттах Халил Ас-Сиси, учился в Египетской военной академии и в своей политике в основном опирается на Каир) - представителем элиты офицерского корпуса и Хемети, имеющим тесные экономические и военно-политические связи с Абу-Даби и располагающим примерно 50 тыс. бойцов, закаленных в боях в Дарфуре и Кордофана. Кроме того, командиры СОП контролируют важные источники иностранной валюты - золотые прииски в Дарфуре, поступления от аравийских монархий в счет оплаты услуг наемников в Йемене и Ливии, контрабанду людей и товаров через судано-ливийскую границу и др. (см. подробнее: [12, с. 295-306]).

РОССИЙСКО-СУДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В 2010-е гг. именно Судан стал одним из основных полигонов для выработки новых подходов России к двусторонним отношениям с африканскими странами (см. подробнее: [13]). Хотя Москва успешно развивала экономическое и политическое сотрудничество с режимом аль-Башира, после его свержения, 16 апреля 2019 г., она официально признала новые суданские власти, т.е. контакты между двумя государствами выдержали испытание политической турбулентностью в этой африканской стране. К тому же, если при президенте-долгожителе её международная изоляция в известной мере препятствовала развитию двусторонних связей, то после смещения аль-Башира страна получила возможность в большей степени интегрироваться в мировую экономическую систему, а налаженные РФ партнерские отношения с Египтом, Саудовской Аравией и ОАЭ - ключевыми экономическими игроками в «новом» Судане - должны способствовать еще большему сближению Москвы и Хартума.

Главным компонентом российско-суданских отношений является военно-техническое сотрудничество, в частности вопрос о создании на красноморском побережье пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) ВМФ РФ. Еще в 2017 г. тогдашний президент Судана Омар аль-Башир на встрече в Москве с В.В.Путиным предложил России разместить военную базу на Красном море; с тех пор власть в Судане сменилась, но предложение суданской стороной не аннулировано¹⁹, хотя принятие окончательного решения о реализации проекта затягивается из-за давления со стороны США и прозападной ориентации части судан-

¹⁷ After the Coup, Restoring Sudan's Transition. *Crisis Group*. 05.11.2021. <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/sudan/after-coup-restoring-sudans-transition> (accessed 15.05.2022)

¹⁸ Hemeti targeted by Muslim Brotherhood. *Africa Intelligence*. 04.10.2019. <https://www.africaintelligence.com/ion/palace-whispers/2019/10/04/hemeti-targeted-by-muslim-brotherhood,108375631-bre> (accessed 15.05.2022)

¹⁹ В Судане второй раз за месяц военные попытались взять власть. Угрожает ли это созданию российского опорного пункта на Красном море. *РБК*. 25.10.2021. <https://www.rbc.ru/politics/25/10/2021/617692d29a7947adfdac80d7> (accessed 29.04.2022)

ского переходного руководства²⁰. Между тем с 1997 по 2017 г. Судан импортировал из РФ оружия на сумму в \$997 млн.²¹ Продажа оружия сопровождалась военной подготовкой суданских офицеров как на месте, так и в России.

Успешно налаживаются двусторонние торгово-экономические отношения: объем товарооборота, почти полностью приходившийся на российский экспорт, вырос с \$275 млн в 2019 г. до \$374 млн в 2020 г. РФ поставляла в Судан продовольственные, химические товары, древесину, целлюлозно-бумажные изделия, оборудование, транспортные средства и продукцию военного назначения, а закупала в основном сельскохозяйственное сырье²². Развивается сотрудничество в сферах геологоразведки, нефтепереработки, строительства атомных электростанций, сельского хозяйства и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Декабрьская революция» не достигла своей главной цели - передачи власти гражданскому правительству, способному вывести страну из затянувшегося экономического кризиса. Хотя аль-Башир был свергнут, военное крыло его режима сохранило, а после переворота 2021 г. даже упрочило свои полномочия и не продемонстрировало никакого намерения подчиниться требованиям оппозиции. АСП остается активным противником смешанного военно-гражданского режима и использует свой опыт организации уличных демонстраций для продолжения протестов.

Структурные характеристики суданского общества, экономики и политики существенно не изменились: режим остается жестко авторитарным, периферия - маргинализированной, региональные конфликты - не разрешенными, оппозиция - не усмирённой, а экономическая ситуация продолжает ухудшаться. Однако произошла либерализация политической жизни: отменены дискриминационные законы в отношении женщин, публичные порки и даже разрешен ввоз алкогольных напитков для употребления их немусульманами. Представляется, что процесс секуляризации не приостановится, так как в Судане заметно снизилась популярность исламистских идей.

Военные неоднократно заявляли, что не планируют участвовать в президентских выборах, намечавшихся сначала на 2023, а затем на 2024 г., и что представители силовых структур не будут выдвигаться на высокие должности в правительстве. Однако становится очевидным, что в планах военных - как минимум, контролируемая передача власти «удобным» гражданским партнерам, способным предоставить армейской верхушке гарантии личной и финансовой безопасности

Представляется, что в настоящее время определяющим фактором стабильности военно-гражданского режима становится способность правительства исправить экономическую ситуацию, решить проблему дефицита продовольствия и предметов первой необходимости и поднять уровень жизни населения. Однако сделать это будет невозможно без масштабных внешних вливаний, в связи с чем следует ожидать активизации внешнеполитической деятельности Судана, в т.ч. и на российском направлении.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Южный Судан: последствия отделения. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 38-46. DOI: 10.31857/S032150750018778-7
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. 2022. South Sudan: Consequences of the Secession. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 38-46 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018778-7
2. Кочанова Т.В. Судан и Южный Судан: через демонтаж и трансформацию власти к её эволюции. Ученые записки Института Африки РАН. 2020, Т. 52, № 3. С. 39-59. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59
Kochanova T.V. 2020. Sudan and South Sudan: Through the Deconstruction and Transformation of Power to its Evolution. *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 52, № 3, pp. 39-59 (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59
3. Костелянец С.В. Судан после раздела страны: поиск путей преодоления кризиса. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 10. С. 31-35.
Kostelyanets S.V. 2014. Sudan after the Split of the Country: Seeking to Resolve the Crisis. *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 31-35 (In Russ.).
4. Dahab M., Abdelmagid N., Kodouda A., Checchi F. 2019. Deaths, injuries and detentions during civil demonstrations in Sudan: a secondary data analysis. *Conflict and health*. Vol. 13, № 1. Pp. 1-6. DOI: 10.1186/s13031-019-0199-8

²⁰ Почему российской военной базе не рады в Судане. *NEWS.ru*. 13.06.2021. <https://zen.yandex.ru/media/news.ru/pochemu-rossiiskoi-voennoi-baze-ne-rady-v-sudane-60c61853fec57a5beaf2e662> (accessed 29.04.2022)

²¹ Arms Transfers Database. *SIPRI*. n/d. <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed 29.04.2022)

²² Российско-суданское торгово-экономическое сотрудничество. *Министерство экономического развития Российской Федерации*. 2021. https://www.economy.gov.ru/material/file/c2aca2d4d7cb9b88a2a0885ba1bf46b4/TEC_Sudan_1kv_2021.pdf?ysclid=l4gpkuy0m3401010198 (accessed 29.04.2022)

5. Zunes S. Sudan's 2019 Revolution. International Center on Nonviolent Conflict, 2021. <https://www.nonviolent-conflict.org/wp-content/uploads/2021/04/Zunes-Sudans-2019-Revolution-1.pdf> (accessed 21.05.2022)
6. de Waal A., Sudan After Bashir. London Review of Books, 18.04.2019. <https://www.lrb.co.uk/blog/2019/april/sudan-after-bashir> (accessed 21.05.2022)
7. Remote-control breakdown Sudanese paramilitary forces and pro-government militias. HSBA Issue Brief. *Small Arms Survey*. April 2017. <https://www.smallarmssurvey.org/sites/default/files/resources/HSBA-IB-27-Sudanese-paramilitary-forces.pdf> (accessed 22.05.2022)
8. Bassil N., Zhang J. 2021. The post-Bashir era in Sudan: tragedy or remedy? *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 75, № 3, pp. 252-259. DOI: 10.1080/10357718.2021.1882385
9. de Waal A. Sudan: A Political Marketplace Framework Analysis. Occasional paper № 19. World Peace foundation, August 2019. <https://sites.tufts.edu/wpf/files/2019/07/Sudan-A-political-market-place-analysis-final-20190731.pdf> (accessed 20.05.2022)
10. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Катарско-турецкий и саудовско-эмиратский блок: борьба за влияние в Судане. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 29-36. DOI: 10.31857/S032150750019730-5
Timur R. Khayrullin, Andrey V. Korotayev. Qatari-Turkish and Saudi-Emirati alliance: Struggle for influence in Sudan. *Asia and Africa today*. № 4. Pp. 29-36 (In Russ.)
11. Verhoeven H. *Water, Civilisation and Power in Sudan: The Political Economy of Military-Islamist State Building*. Cambridge University Press, Cambridge, 2015. DOI: 10.1017/CBO9781107447769
12. Африка: политическое развитие и армия. М.: ИАФР РАН, 2020. ISBN 978-5-91298-250-7
2020. Africa: Political Development and Army. Moscow (In Russ.). ISBN 978-5-91298-250-7
13. Kostelyanets S.V. 2019. Russia-Sudan Relations in the Early 21st Century: A Lost Opportunity or the Foundation for a New Beginning? *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 56-62. DOI: 10.31857/S032150750006275-4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 06.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 23.08.2022

Климатический вектор эколого-экономической модернизации Китая

© Алексеева Н.Н.^{a,b}, Фортигина Е.А.^{a,c}, 2022

^a Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0002-5989-4139; nalex01@mail.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-6422-6904; katia55@yandex

Резюме. Китай играет ключевую роль в развитии мировой климатической ситуации, на его долю в 2021 г. приходился 31% мирового объема выбросов парниковых газов. Анализируются основные проблемы и достижения климатической политики КНР и обусловленные этим изменения в сфере экономики и экологического развития страны.

Климатическая повестка реализуется параллельно с задачей построения «экологической цивилизации» (2012 г.). Рассмотрены институциональные рамки реализации климатической политики КНР, в т.ч. мероприятия Национального плана в сфере климатических изменений на 2014-2020 гг., пятилетних планов. Параллельно со снижением выбросов парниковых газов большое внимание уделяется борьбе с загрязнением атмосферного воздуха, особенно в городах. Китай достиг существенных успехов в поглощении углекислого газа: по площади лесонасаждений он занимает первое место в мире. Несмотря на лидирующие позиции КНР в использовании возобновляемых источников энергии, потребление электроэнергии от ископаемого топлива (в основном угля) велико.

На основе статистических данных рассматривается динамика выбросов парниковых газов в контексте развития энергетики с 1990-х гг. Проанализированы достижения КНР в сфере модернизации ряда секторов экономики - развитие солнечной и ветровой энергетики, повышение энергоэффективности в промышленности, строительстве, преобразования в области транспорта. Успехи в этом направлении продемонстрированы в рамках подготовки и проведения зимней Олимпиады 2022 года в Пекине.

Несмотря на очевидные успехи Китая, его вклад в достижение целей Парижского соглашения оценивается как недостаточный.

Ключевые слова: Китай, климатическая политика, Парижское соглашение, потребление энергии, выбросы диоксида углерода, возобновляемые источники энергии

Благодарность. Исследование выполнено в рамках темы Госзадания № 121040100322-8 географического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

Для цитирования: Алексеева Н.Н., Фортигина Е.А. Климатический вектор эколого-экономической модернизации Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 37-45. DOI: 10.31857/S032150750018521-5

The climatic vector of ecological and economic modernization of China

© Nina N. Alekseeva^{a,b}, Ekaterina A. Fortygina^{a,c}, 2022

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0002-5989-4139; nalex01@mail.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-6422-6904; katia55@yandex

Abstract. China plays a key role in the global climate situation, it accounts for 31% of global greenhouse gas emissions in 2021. The main problems and achievements of China's climate policy and the related changes in the economy and environmental development of the country are analyzed.

The climate agenda is being implemented along with the task of building an "ecological civilization" (2012). The institutional framework for the implementation of China's climate policy, including the activities of the National Plan on Climate Change for 2014-2020 and five-year plans, was considered. In parallel with the reduction of greenhouse gas emissions, much attention is paid to combating air pollution, especially in cities. China has made significant progress in carbon dioxide sequestration, ranking first in the world in terms of forest plantations.

Despite China's leading position in the use of renewable energy sources, electricity consumption from fossil fuels (mainly coal) is still high. On the basis of statistical data, the dynamics of greenhouse gas emissions in the context of energy development since the 1990s is considered. The achievements of the People's Republic of China in the field of modernization of a number of sectors of the economy are analyzed: the development of solar and wind energy, increasing energy efficiency in industry, construction and the transformation of transport. Success in this direction was demonstrated during the preparation and hosting the 2022 Winter Olympics in Beijing.

Despite the obvious success of China, its contribution to the achievement of the Paris Agreement goals is assessed as insufficient.

Keywords: China, climate policy, Paris Agreement, energy consumption, carbon emissions, renewable energy

For citation: Nina N. Alekseeva, Ekaterina A. Fortygina. The climatic vector of ecological and economic modernization of China. *Asia and Africa today*. 2022. № 9. Pp. 37-45. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018521-5

ВВЕДЕНИЕ

Китай играет ключевую роль в развитии мировой климатической ситуации в отношении как выбросов парниковых газов (углекислый газ, метан, диоксид азота, озон, некоторые углеводороды), так и поглощения углекислого газа. Экономический рывок Китая начиная с 1990-х гг. сопровождался ростом потребления топливно-энергетических и минеральных ресурсов, увеличением техногенного загрязнения, производства отходов, а также изменением землепользования.

По многим из этих показателей Китай стал лидером в мире. С 2006 г. Китай занимает 1-е место в мире по объему выбросов парниковых газов, опередив США, Индию и Россию. Парниковые газы, наряду с влиянием атмосферных аэрозолей, трансформацией землепользования и поверхности суши, вносят основной вклад в потепление климата¹.

Доля Китая в структуре глобальных выбросов парниковых газов (ПГ) выросла с 12% в 1990 г. до 31% в 2021 г.² Если в США, странах ЕС и Японии с 2019 г. наметилась тенденция в сторону снижения абсолютных показателей выбросов, то в Китае, на который приходится 25% первичного энергопотребления в мире, происходит их нарастание. Очевидно, достижение целей Парижского соглашения Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК) 2015 г. будет во многом зависеть от действий КНР. Климатическая политика с конца 1990-х гг. стала неотъемлемой частью экономической и экологической модернизации КНР, а с 2012 г. - одним из направлений государственного курса на построение «экологической цивилизации».

Цель статьи - проанализировать основные проблемы и достижения климатической политики КНР и связанные с её реализацией изменения в сфере экономики и экологического развития страны. Рассмотрен также вклад Китая в мировую климатическую ситуацию, оцениваются перспективы достижения его целей в рамках Парижского соглашения по климату.

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Климатическая политика включает комплекс разнообразных мер по предотвращению и смягчению последствий изменений климата, а также адаптации к ним. Это меры политической, институциональной, финансовой, информационной поддержки, фискальные и иные механизмы, способствующие снижению выбросов и увеличению поглощения парниковых газов, сокращению доли углеводородного топлива, повышению энергоэффективности экономики и т.д. Её реализация, помимо прямых эффектов, сопровождается позитивными побочными последствиями - ведет к снижению загрязнения атмосферы, водных ресурсов и почв, к улучшению качества окружающей среды в целом, благотворно влияющему на здоровье населения и способствующему снижению издержек на медицинскую помощь.

Китайские эксперты полагают, что только побочные эффекты от улучшения состояния атмосферного воздуха могут частично или полностью компенсировать издержки, связанные с реализацией климатической политики [1], в т.ч. в сфере перехода на безуглеродные технологии. Кроме того, мультипликативный эффект климатической политики сказывается на развитии исследований и разработок в разных областях (от новых строительных материалов до устойчивого городского планирования), создании «зеленых» рабочих мест и т.п.

Климатическая повестка реализуется параллельно с задачей построения «экологической цивилизации», которая была провозглашена на 18-м съезде Коммунистической партии Китая (2012 г.), положение об этом включено в Устав КПК.

Помимо решения внутренних задач по улучшению состояния окружающей среды и преодолению экологического ущерба, накопленного за годы бурного экономического роста, Китай стремится взять на себя глобальную ответственность в сфере климата и экологии. В соответствии с идеями Си Цзиньпина о «социализме с китайской спецификой для новой эры» современная философия в сфере изменений климата зиждется на трех основаниях - активно отвечать на климатические вызовы:

- 1) для качественного экономического развития;
- 2) для достижения благоприятного состояния окружающей среды;
- 3) для «построения сообщества с общим будущим для всего человечества» [2].

Практические действия КНР по реализации климатической повестки существенно повлияли на модернизацию многих секторов экономики, научно-технологическое развитие, состояние окружающей среды.

¹ Установлено на основе системной оценки результатов фундаментальных и прикладных исследований в области изменения климата и его последствий, отраженных в Пятом оценочном докладе Международной группы экспертов по изменению климата - МГЭИК (2013-2014 гг.), и первом томе Шестого оценочного доклада МГЭИК (август 2021 г.) (прим. авт.).

² <https://www.ica.org/news/global-co2-emissions-rebounded-to-their-highest-level-in-history-in-2021> (accessed 20.04.2022)

В 1998 г., через год после подписания Киотского протокола, был создан *Национальный комитет по климатическим изменениям*. Китай в июне 2007 г. первым из стран с развивающейся экономикой принял на государственном уровне *Национальный план в сфере климатических изменений* (на 2007-2013 гг.), политическое руководство и координацию работы по разработке стратегий и планированию мероприятий в этой сфере взяла на себя Специальная группа во главе с премьером правительства.

Деятельность в сфере изменений климата была возложена на *Национальную комиссию по развитию и реформам*. В 2018 г. в рамках институционального реформирования правительства функции по климатической повестке переданы *Министерству экологии и окружающей среды*.

Климатическая политика осуществляется как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Органы исполнительной власти на уровне провинций обязаны активно выполнять Национальный план в сфере климатических изменений, внедрять на местах финансовые и налоговые инструменты, проводить кредитную и инвестиционную политику. На всех уровнях усилился мониторинг энергопотребления и подотчетность в сфере энергоэффективности.

После принятия Закона о возобновляемых источниках энергии в 2005 г. правительство внедрило ряд финансовых и налоговых льготных механизмов, благодаря которым возобновляемая энергетика получила приоритетную роль. Последовательно наращивались инвестиции в исследования и разработки в областях, влияющих на изменения климата, был выполнен ряд крупных исследовательских программ [3]. Только в течение 12-й пятилетки (2011-2015 гг.) запущены специальные программы, в основе которых лежали научно-технологические инновации: «10 городов», «1000 транспортных средств», «10 городов, 10000 ламп», «Золотое солнце».

В 2014 г. принят новый «*Национальный план Китая в сфере климатических изменений 2014-2020*», его реализация выстраивается по двум направлениям: меры по сокращению выбросов парниковых газов и по поглощению диоксида углерода (CO₂).

Первое направление предусматривает развитие альтернативных источников энергии, повышение энерго- и ресурсоэффективности в промышленности, изменение транспортного сектора, включая перевод таксопарка на электромобили и переход на зарядные гибридные автобусы, жилищно-коммунального сектора.

Второе - поддержание баланса CO₂ путем лесонасаждений и восстановления растительного покрова. В этой области Китай достиг выдающихся результатов: в течение 2010-2020 гг. чистый прирост лесных площадей составлял 1,9 млн га/год, благодаря чему лесистость КНР достигла рекордных 23%³, и страна вышла на 1-е место не только в Азии, но и в мире по увеличению лесных земель. Начиная с 12-го пятилетнего плана сокращение интенсивности выбросов углекислого газа на единицу ВВП включено в качестве обязательного показателя в план национального экономического и социального развития. Пятилетние планы на 13-ю (2016-2020 гг.) и 14-ю пятилетки (2021-2025 гг.) одним из 5 приоритетов определили охрану окружающей среды и «зеленое развитие».

14-й пятилетний план и наброски долгосрочных целей на 2035 г. предусматривают сокращение выбросов углекислого газа на единицу ВВП на 18% в 2025 г. по сравнению с 2020 г. Поставлена задача снизить энергоемкость экономики на 13,5%, а также увеличить долю возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и мощностей атомной энергетики на 20 ГВт (за счет ввода в строй более 20 новых ядерных реакторов). Стоит задача увеличения лесопокрытой площади страны до 24%⁴. Регулярно публикуются Белые книги по изменению климата, в которых проводится анализ выполненных программ и ставятся задачи на следующий период, последняя Белая книга опубликована в октябре 2021 г.⁵

ЛИДЕРСТВО ПО ВЫБРОСАМ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ

Половина выбросов парниковых газов (ПГ) КНР связана с топливной энергетикой, преимущественно угольной (обеспечивает 97% суммарных выбросов от сжигания горючего топлива), около трети - с обрабатывающей промышленностью и около одной десятой - с жилищно-коммунальным сектором и офисной недвижимостью [4].

Взрывообразный рост выбросов парниковых газов произошел вслед за активной индустриализацией КНР после вступления в ВТО в 2001 г. (см. *диагр. 1*). В 2000-х гг., когда отмечался двузначный рост ВВП, рост энергопотребления был ещё больше. В 2010 г. Китай впервые в истории обогнал США по потреблению энергии [5], при этом более половины вырабатываемой электроэнергии производилось на угольных

³ Данные ФАО ООН, последняя оценка (FAO - Forest Resources Assessment) опубликована в 2020 г. (*прим. авт.*).

⁴ http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (In Chin.) (accessed 25.10.2021)

⁵ http://www.gov.cn/zhengce/2021-10/27/content_5646697.htm (In Chin.) (accessed 30.01.2022)

ТЭС. Одновременно бурно росли металлургия и производство цемента для строительства инфраструктуры и жилья, достигшие своего пика в 2003-2004 гг. Естественно, что Китай в 2006 г. вышел на 1-е место в мире и по выбросам парниковых газов, и по загрязнению атмосферы.

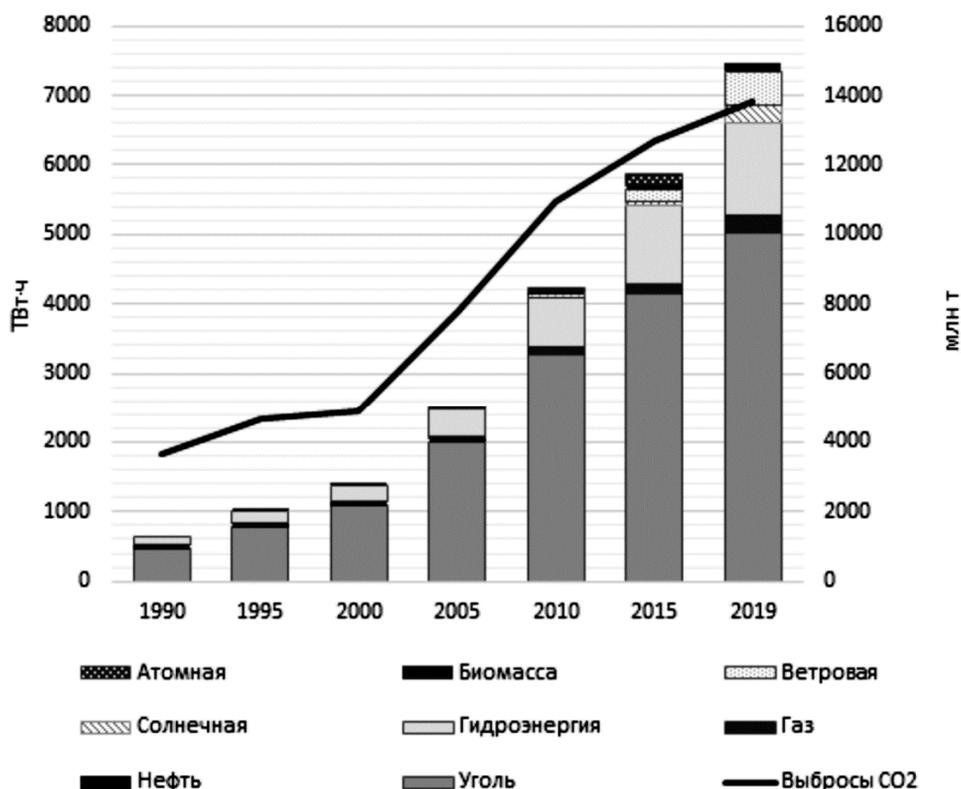

Диаграмма 1. Производство электроэнергии в Китае в 1990-2019 гг. (ТВт·ч) и динамика выбросов парниковых газов (без учета землепользования), млн т.

Chart 1. Electricity production in China, 1990-2019 (TW·h) and dynamics of greenhouse gas emissions (excluding land use), mln t.

Составлено по данным: ^{6, 7}.

Углеродоемкость энергетики (объем выбросов CO₂ на единицу выработанной мощности) стремительно росла в период 2000-2012 гг. главным образом за счет более высоких темпов прироста потребления угля в сравнении с углеводородным топливом (см. *диагр.*).

За период 2000-2013 гг. фактически произошло удвоение добычи угля. В результате в первое десятилетие нового столетия выбросы парниковых газов ежегодно увеличивались на 8%. После 2012 г. наметился перелом: быстрее стало расти производство электроэнергии, получаемой из ВИЭ, увеличилось потребление природного газа. Благодаря этому углеродоемкость энергетики в процентном измерении начала уменьшаться.

В 2013-2016 гг., вслед за коротким снижением темпов добычи угля, появились обнадеживающие признаки стабилизации и сокращения выбросов ПГ: темпы их прироста сократились до 0,2-1,1%, достигнув нулевого значения в 2016 г. Однако после 2016 г. кривая выбросов вновь пошла вверх: в 2018-2019 гг. темпы роста выбросов были на уровне, соответственно, 2,3 и 3,1% в год [6].

Эмиссии парниковых газов (без учета землепользования, изменений землепользования и лесного хозяйства) в Китае в 2020 г. составили 13,8 Гт⁸ CO₂-экв., в то же время, при сохранении текущих тенденций, в 2030 г. они будут в диапазоне 13,2-14,5 Гт CO₂-экв.⁹. Этот уровень оценивается как недостаточный (ведет к повышению среднеглобальной температуры на 3° С) и крайне недостаточный (на 4° С).

⁶ <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/electricity-information> (accessed 15.11.2021)

⁷ <http://climateactiontracker.org> (accessed 03.11.2021)

⁸ Гт (гигатонна) - единица измерения, равна миллиарду тонн.

⁹ <http://climateactiontracker.org> (accessed 03.11.2021)

После снятия в 2018 г. запрета на ввод новых угольных электростанций правительство только в 2020 г. выдало разрешения на строительство угольных ТЭС большей мощности, чем суммарно за 2018-2019 гг. [7]. Развитие угольной промышленности поддерживается, растут инвестиции в ископаемое топливо, в то время как в других странах отмечается её спад. Одновременно в КНР внедряются передовые технологии в угольную отрасль и энергетику (в т.ч. переработка угля и его десульфуризация, «чистая» угольная генерация и др.).

Стратегический план действий по развитию энергетики на 2014-2020 гг. предусматривал ограничение потребления угля на уровне 4,2 млрд т [7]. Для достижения углеродной нейтральности¹⁰ потребуется закрыть до 600 существующих электростанций и свернуть проекты строительства новых генерирующих мощностей. Однако из-за новых ТЭС, введенных в строй по ранее выданным правительством лицензиям, их установленные мощности достигли в 2020 г. 1023 ГВт [8]. По итогам 2020 г. выработка электроэнергии составила 7,6 млн ГВт·ч.

На виртуальном Саммите по вопросам климата, организованном в апреле 2021 г. администрацией Джо Байдена (*Leaders Summit on Climate*), президент Си Цзиньпин объявил, что Китай намерен «строго контролировать производство угля» в течение 14-й пятилетки (2021-2025 гг.), а в течение 15-й пятилетки (2026-2030 гг.) «постепенно сокращать» его производство. Это было знаковое событие, поскольку Китай впервые обозначил год пика потребления угля, который придется на 2025 г.

Однако случившийся летом-осенью 2021 г. энергетический кризис с ростом цен на электроэнергию и перебоями её поставок в ряде восточных провинций показал, что реальные условия для снижения угольной генерации в Китае еще не сформированы.

УГЛЕРОДНЫЙ РЫНОК

В октябре 2011 г. в четырех крупнейших городах (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Чунцин) и в трех провинциях (Гуандун, Хубэй и Шэньчжэнь) были запущены пилотные проекты по торговле квотами на выбросы углекислого газа¹¹. Первоначально они охватывали только энергетический сектор - свыше 1700 компаний (в основном государственных), на которые приходилось около трети общих выбросов углекислого газа в Китае.

По состоянию на 30 сентября 2021 г., совокупный объем сделок по квотам указанных семи пилотных углеродных рынков достиг 495 млн т CO₂-эквивалента, а объем сделок - около 12 млрд юаней (\$1,9 млрд). В 2020-е гг. запланировано вовлечение в него порядка 7000 компаний из 8 секторов (помимо энергетики - нефтехимия, химия, строительные материалы, черная металлургия, цветные металлы, целлюлозно-бумажная промышленность и авиация).

Постепенно формируется институциональная система создания углеродного рынка - выпущены «*Национальный план строительства рынка торговли выбросами диоксида углерода (энергетика)*», «*Меры по управлению торговлей выбросами диоксида углерода*», опубликован план распределения квот на национальном рынке. 16 июля 2021 г. стартовали онлайн-торги углеродного рынка. Он включает 2162 ключевые корпорации в электроэнергетике с общим объемом выбросов CO₂ около 4,5 млрд т.

По состоянию на 30 сентября 2021 г., совокупный объем выбросов, на которые были выданы разрешения по онлайн-сделкам, составил около 17,65 млн т, а общая стоимость сделок - около 801 млн юаней¹². Это делает его крупнейшим углеродным рынком в мире (более 9% глобальных выбросов).

РАЗВИТИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ

Китай взял обязательство достичь 25% потребления первичной энергии из неископаемого топлива к 2030 г. Инвестируя в ветровую и солнечную энергетику больше, чем какая-либо другая страна мира (за 2010-2019 гг. - \$758 млрд), КНР создала один из крупнейших рынков ветряных турбин и солнечных батарей (две трети солнечных батарей, установленных в мире, китайского производства) [9].

Мировое лидерство Китая в выработке энергии и введенных мощностях на базе возобновляемых источников обеспечивается разнообразными механизмами. Так, правительство предоставляет льготные кредиты и налоговые льготы для проектов ВИЭ, в т.ч. частично освобождая от налога на добавленную стои-

¹⁰ Выбросы углекислого газа в атмосферу должны быть сведены до минимума и компенсированы за счет лесонасаждений и др. мер (*прим. авт.*).

¹¹ Рыночный механизм снижения выбросов углекислого газа, при котором устанавливается определенный объем разрешенных эмиссий для компаний и предприятий, при этом их недостатки или излишки могут переводиться в «углеродные единицы». Эти единицы могут продаваться по преобладающей рыночной цене или на аукционах (*прим. авт.*).

¹² <http://www.tanpaifang.com/> (In Chin.) (accessed 05.09.2021)

мость и корпоративного подоходного налога. В 2011 г. впервые был достигнут уровень 1 ГВт установленных мощностей на солнечных установках, в провинции Цинхай запущена крупнейшая в стране фотоэлектрическая электростанция Голмуд мощностью 200 МВт, в 2014 г. мощность была доведена до 500 МВт [10].

В 13-м пятилетнем плане были указаны ключевые цели: довести к 2020 г. установленную мощность на ВИЭ до 680 ГВт, в т.ч. ветровой энергетики до 210 ГВт; содействовать развитию прибрежной ветроэнергетики и использования энергии океана; занять и сохранять лидирующее положение в мире по технологическим инновациям в области альтернативной энергетики.

В 2020 г. в Китае было выработано 863 ТВт·час на объектах ВИЭ (без учета гидроэнергетики), по этому показателю КНР существенно опередила всех остальных лидеров - США, Германию и Индию [11]. С использованием ВИЭ (ветра, солнца, биомассы) в 2020 г. было произведено 11% общего объема выработки электроэнергии, в т.ч. 33% за счет ветровой, 28% - солнечной, 2% - энергии биомассы¹³. Структура источников возобновляемой энергетики Китая представлена на *диагр.* 2.

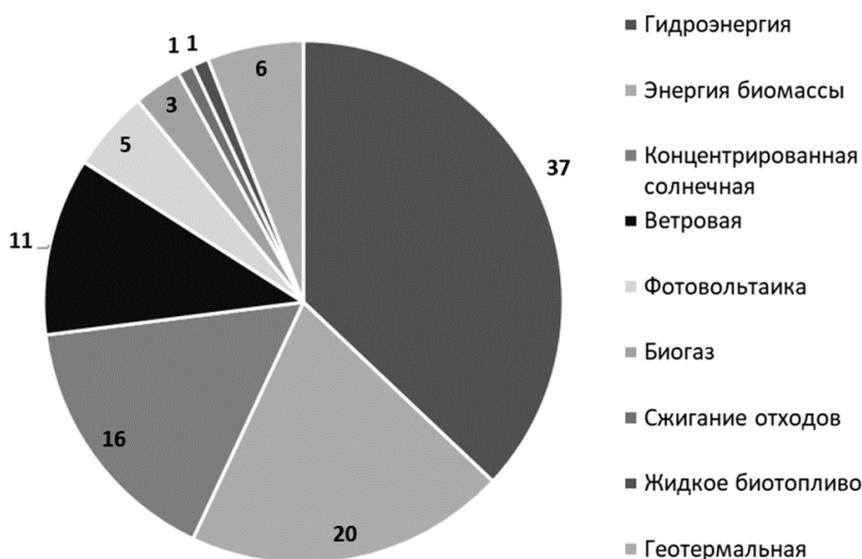

Диаграмма 2. Потребление возобновляемой энергии в КНР в 2018 г. (% по источникам).

Chart 2. Renewable energy consumption in China in 2018 (% by source).

Составлено по данным [12].

В связи со значительными масштабами выработки электроэнергии на ветровых и солнечных станциях и удешевлением технологий начался поэтапный переход к рыночным инструментам их поддержки - аукционам для субсидируемых проектов (с 2016 г.) и бессубсидиарной поддержке пилотных проектов (с 2019 г.) в экономически развитых провинциях с высоким потреблением электроэнергии. Национальная комиссия по развитию и реформам и Национальное энергетическое управление Китая в 2019 г. ввели квоты потребления возобновляемой энергии для каждой провинции, что стимулировало рост её потребления.

Провинции могли достичь поставленных целей также за счет покупки избыточной энергии в других регионах. Таким образом, политика правительства направлена на снижение государственных затрат при одновременном стимулировании благоприятной рыночной и инвестиционной среды для производства энергии от ВИЭ. В долгосрочной перспективе ветровая и солнечная энергия может занять одно из ведущих мест в энергоснабжении КНР.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТРАНСПОРТ

Структура промышленного производства, основанная на высоком энергопотреблении при изначально низкой энергоэффективности, создает огромный потенциал для энергосбережения и развития, предполагающего низкий уровень выбросов углекислого газа. Это достигается за счет внедрения энергосберегающих технологий, технологических новшеств, оптимизации управления и реструктуризации производства.

¹³ <https://www.irena.org/Statistics/View-Data-by-Topic/Renewable-Energy-Balances/Final-Renewable-Energy-Consumption> (accessed 09.11.2021)

Меры повышения энергоэффективности в отраслях обрабатывающей промышленности определены «Национальным планом в сфере климатических изменений на 2014-2020 гг.», в соответствии с ним целевой показатель сокращения выбросов на единицу добавленной стоимости в 2020 г. должен составить 50% в сравнении с 2005 г. Помимо этого, провозглашена «Китайская инициатива в обрабатывающей промышленности 2025» (*Made in China 2025*), направленная на снижение более чем на треть энергоемкости предприятий на единицу добавленной стоимости в сравнении с 2015 г.

Сталелитейный и алюминиевый секторы поставили цель достичь пика выбросов углекислого газа к 2025 г. и сократить выбросы от этого пика в 2040 г., соответственно, на 30 и 40% [7]. В промышленности внедряются строгие стандарты на выбросы, государство поощряет снижение энергоемкости за счет гибкой финансовой политики, программ субсидирования и т.д.

В секторе строительства реализован 13-й пятилетний план в сфере энерго- и ресурсопотребления для государственных организаций (2019 г.), внедрены «Стандарты оценки “зеленого” строительства» и «Оценочный стандарт “зеленой” модификации существующих зданий» (2019 г.). Поддерживается строительство зданий с нулевым чистым потреблением энергии (*zero-energy buildings*) путем реализации широкомаштабных демонстрационных проектов и внедрения новых стандартов в строительстве [7]. Отнесение к «нулевым» зданиям варьирует в зависимости от потребления энергии на нужды отопления: классы зданий по энергозатратам на квадратный метр жилья соответствуют трем климатическим поясам Китая.

В транспортном секторе сделана ставка на рост производства электромобилей, развитие зарядной инфраструктуры, в т.ч. для общественного транспорта, а также обновление парка составов высокоскоростного железнодорожного транспорта. В качестве мер стимулирования электромобильного транспорта в 2017 г. правительство утвердило квоты для крупных производителей и импортеров на продажи новых легковых электромобилей (в 2019 г. не менее 10%, в 2020 г. - 12%). В 2019 г. Министерство промышленности и информационных технологий разработало рассчитанный на 15 лет план, в котором целевой показатель равен 25% доли продаж транспортных средств на новых источниках энергии в 2025 г.

КНР, наряду с США, Японией и Канадой, внедряет энергоэффективный грузовой автотранспорт. В 2020 г. принята программа «Корректировка и совершенствование политики субсидирования транспорта на новых источниках энергии», в 2021 г. - План развития автомобильной промышленности на новых источниках энергии, рассчитанный на 2021-2035 гг.¹⁴ Обсуждается вопрос о полном запрете на автотранспорт, работающий на ископаемом топливе. По парку и продажам электромобилей Китай - мировой лидер, продажа последнего автомобиля, работающего на ископаемом топливе, запланирована на 2040 г.

«ЗЕЛЕННЫЕ» ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ-2022

XXIV зимние Олимпийские игры 2022 года в Пекине проведены под эгидой «зеленого», устойчивого развития, начиная от строительства и функционирования спортивных объектов и Олимпийской деревни до обслуживающей инфраструктуры.

Все объекты Олимпиады в Пекине на 100% были обеспечены «зеленым» электричеством. Например, в Горном пресс-центре Яньцина источником электроснабжения были солнечные батареи, а Олимпийская деревня Яньцина отапливалась водой, нагреваемой в электродкотлах с высоковольтными электродами. В Национальном конькобежном центре и спортивном центре «Укэсун» применена новая система охлаждения на основе диоксида углерода, которая обеспечивает практически нулевой уровень выбросов.

Согласно официальной статистике Оргкомитета, энергосберегающие и экологически чистые автомобили составили 86% всех транспортных средств, задействованных на Играх. Их использование во время Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 года сократило выбросы углекислого газа примерно на 11 тыс. т, что эквивалентно объему CO₂, поглощаемого лесами площадью более 50 тыс. му (33,33 км²) в год.

«Зеленому» обновлению подверглись 64 тыс. домохозяйств из 163 близлежащих деревень, которые перешли на электрическое отопление. По заявлению организаторов Игр, 26 олимпийских объектов и окружающие деревни сократили выбросы CO₂ в атмосферу на 320 тыс. т и потребление угля - на 128 тыс. т¹⁵.

ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖЕНИЯ КИТАЕМ ЦЕЛЕЙ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

В соответствии с Парижским соглашением по климату (2015 г.), регулирующим меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 г., страны-участницы сами определяют вклады в достижение общей цели (удержать в этом столетии рост глобальной средней температуры «намного ниже» 2° С и

¹⁴ <https://www.irena.org/Statistics/Statistical-Profiles> (accessed 15.11.2021)

¹⁵ <https://www.sinorusfocus.com/details.html?siteId=1002&contentId=648b08f279f6425a8ddb4088c8c46b94> (accessed 03.02.2022)

приложить усилия для ограничения роста температуры величиной 1,5° С), пересматривая обязательства каждые 5 лет в сторону повышения. Как минимум, они должны содержать положения о смягчении последствий выбросов, обязательства по адаптации, финансированию, передаче технологий, наращиванию потенциала и прозрачности реализации.

Китай ратифицировал Парижское соглашение в 2016 г. и принял на себя соответствующие обязательства. В сентябре 2020 г. на Генеральной ассамблее ООН президент КНР Си Цзиньпин объявил, что Китай пройдет пиковые значения выбросов до 2030 г., а к 2060 г. достигнет углеродной нейтральности (выбросы диоксида углерода снижены и компенсированы поглощением).

28 октября 2021 г., в преддверие Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК) ООН в Глазго, Китай представил обновленную версию своих обязательств, ужесточив предыдущие целевые показатели (снижение выбросов CO₂ в 2030 г. более чем на 65% по сравнению с 2005 г., доля ископаемого топлива в потреблении первичной энергии в 2030 г. примерно 25%, увеличение объема лесных запасов на 6 млрд куб. м)¹⁶, добавлен новый показатель мощности ВИЭ.

По мнению экспертов, обновленные обязательства КНР оцениваются как «крайне недостаточные», и если все страны будут следовать такому же уровню обязательств, то это приведет в мире к потеплению на 3° С. Опасения вызывает и то, что китайская Долгосрочная стратегия развития с низким уровнем выбросов парниковых газов (октябрь 2021 г.), предполагает, что цель углеродной нейтральности распространяется, вопреки предыдущим заявлениям, только на углекислый газ, а не на другие парниковые газы. С учетом суммарных объемов их выбросов это может привести к повышению среднеглобальных температур на 0,1° С в 2100 г. [10].

Важно, чтобы Китай использовал дополнительные стимулы для преодоления нового угольного бума и направил усилия на развитие неуглеродной энергетики до окончания 14-й пятилетки (2025 г.)¹⁷. Возобновляемая энергетика остается важным приоритетом - в 2021 г. поставлена цель довести долю ВИЭ до половины установленной мощности в стране уже к 2025 г. и увеличить минимальные закупки возобновляемой энергии компаниями до 40% к 2030 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Китае климатическая политика нацелена на активные действия в сфере снижения выбросов путем технологических достижений в разных секторах экономики. Климатические меры реализуются с высокой степенью децентрализации, ответственность передана на уровень провинций. Широко используются рыночные механизмы, а также поддержка из госбюджета. Параллельно со снижением выбросов парниковых газов большое внимание уделяется борьбе с загрязнением атмосферного воздуха, особенно в крупных городах. Несмотря на лидирующие позиции КНР в мире по использованию ВИЭ, потребление электроэнергии от ископаемого топлива по-прежнему высоко. Тем не менее Китай демонстрирует способность декарбонизации¹⁸ энергопотребления и выбросов углекислого газа от роста ВВП.

На мировой климатической «арене» Китай реализует достаточно противоречивую политику. С одной стороны, взяв на себя роль сверхдержавы в сфере глобального управления климатом, КНР опирается на масштабные инвестиции в ВИЭ и повышение энергоэффективности, внедряет экологически чистые технологии и стремится к «зеленому» развитию внутри страны, хотя за пределами страны его действия не столь экологичны.

Так, в рамках инициативы «Один пояс - один путь»¹⁹ в течение 2014-2019 гг. китайские банки инвестировали в развитие угольных мощностей стран-участниц в 5 раз больше, чем в солнечные и ветряные станции. Это особенно бросается в глаза, поскольку Южная Корея и Япония (вторая и третья страны по объему международного финансирования добычи угля) заявили об отказе от такого кредитования в постпандемийную эпоху. Существуют опасения, что в странах-партнерах инициативы «Один пояс - один путь» могут сформироваться условия для аутсорсинга загрязняющих производств в ответ на китайские инвестиции в инфраструктурные проекты.

После публикации 6-го оценочного доклада МГЭИК в 2021 г. появились оценки, что сдержать потепление в пределах 1,5° С, видимо, не получится, и этот уровень будет превышен уже через 15 лет. Необходимы

¹⁶ <http://climateactiontracker.org> (accessed 12.12.2021)

¹⁷ <http://climateactiontracker.org> (accessed 12.12.2021)

¹⁸ От англ. decoupling - нарушение связи, разрыв. Ситуация в экономике, при которой экономическое развитие перестает сопровождаться ухудшением качества окружающей среды (*прим. авт.*).

¹⁹ Партнерами инициативы ОПОП заявлены 126 стран, их потенциальная доля в глобальных выбросах углекислого газа в 2050 г. достигнет 66% (*прим. авт.*).

более масштабные усилия, особенно таких стран, как Китай, США, Индия, Россия в сфере развития низкоуглеродных технологий и возобновляемых видов энергии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Li M., Zhang D., Li C.-T., Mulvaney K.M., Selin N.E., Karplus V.J. 2018. Air quality co-benefits of carbon pricing in China. *Nature Climate Change*, Vol. 8, pp. 398-403; DOI: <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0139-4>
2. The People's Republic of China Third National Communication on Climate Change. Government of China, December 2018, 275 p.
3. Li M., Zhang D., Li C.-T., Mulvaney K.M., Selin N.E., Karplus V.J. 2018. Air quality co-benefits of carbon pricing in China. *Nature Climate Change*, Vol. 8, pp. 398-403; DOI: <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0139-4>
4. Trends in global CO₂ and total greenhouse gases emissions. 2017 Report. PBL Netherlands Environmental Assessment Agency, The Hague, 2017, 69 p.
5. Wei X., Tong Q., Magill I., Vithayasrichareon P., Betz R. 2020. Evaluation of potential co-benefits of air pollution control and climate mitigation policies for China's electricity sector. *Energy Economics*, Vol. 92, 104917; DOI: 10.1016/j.eneco.2020.104917
6. Trends in global CO₂ and total greenhouse gases emissions. 2020 Report. PBL Netherlands Environmental Assessment Agency, The Hague, 2020, 85 p.
7. Feteke H., Kuramochi T., Roelfsema M., et al. 2021. A review of successful climate change mitigation policies in major emitting economies and the potential of global replication. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Vol. 137, pp. 1-18; DOI:10.1016/j.rser.2020.110602
8. Shearer C. Analysis: The global coal fleet shrank for first time on record in 2020. Carbon Brief. <https://www.carbonbrief.org/analysis-the-global-coal-fleet-shrank-for-first-time-on-record-in-2020> (accessed 17.10.2021)
9. Nyabiage J. China's role 'critical' if world is to meet climate change targets. South China Morning Post. Published: 28 Jan, 2020. <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3047916/chinas-role-critical-if-world-meet-climate-change-targets> (accessed 12.10.2021)
10. Акимова В.В., Тихоцкая И.С. Подъем солнечной энергетики в Китае и Японии. *Проблемы Дальнего Востока*. 2019, № 3, с. 64-74.
Akimova V.V., Tikhotskaya I.S. 2019. The rise of solar energy in China and Japan. *Far Eastern Studies*. Moscow. № 3, pp. 64-74 (In Russ.)
11. BP Statistical Review of World Energy 2020. 69th edition. London, 65 p.
12. IRENA. Final Renewable Energy Consumption. China, 2018. <https://www.irena.org/Statistics/View-Data-by-Topic/Renewable-Energy-Balances/Final-Renewable-Energy-Consumption> (accessed 09.11.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алексеева Нина Николаевна, кандидат географических наук, зав. кафедрой физической географии мира и геоэкологии географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Nina N. Alekseeva, PhD (Geography), Head, Department of Physical Geography of the World and Geoecology, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Фортигина Екатерина Андреевна, кандидат географических наук, доцент Высшей школы инновационного бизнеса МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Ekaterina A. Fortygina, PhD (Geography), Associate Professor, High School of Innovative Business, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 18.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 23.08.2022

COVID-19 в Азии

DOI: 10.31857/S032150750019749-5

Оригинальная статья / Original article

Китайская система здравоохранения: генезис, реформирование и ответ на пандемию COVID-19

© Губина М.А.^{a,b}, Терентьева Д.В.^{a,c}, 2022

^a СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

^b ORCID ID: 0000-0003-0672-8097; m.gubina@gmail.com

^c dasha.terentyeva.2000@gmail.com

Резюме. Система общественного здравоохранения является важным институциональным механизмом снижения медицинского бремени общества, повышения благосостояния людей и, следовательно, поддержания гармонии и стабильности в обществе.

В статье проводится анализ развития системы здравоохранения Китайской Народной Республики; основных проблем, с которыми столкнулась система здравоохранения КНР за последние четыре десятилетия; актуальных реформ в данной области, призванных решить выявленные проблемы; а также воздействия на систему здравоохранения КНР пандемии COVID-19.

Несмотря на серьезные проблемы, проявившиеся с новой силой с началом пандемии (нехватка медицинского персонала, учреждений здравоохранения, коечного фонда, современного медицинского оборудования; скромные инвестиции со стороны государства; непомерно высокие цены на услуги здравоохранения и лекарственные препараты; недоверие к врачам со стороны населения и др.), Китай продемонстрировал другим странам, для которых борьба с COVID-19 стала более затяжной и разрушительной, успешный опыт борьбы с новым вирусом.

Было выявлено, что наиболее результативной мерой стал массовый карантин, тестирование, преобразование общественных пространств в ковидные госпитали и использование высоких технологий в здравоохранении (большие данные, мобильное здравоохранение и т.д.). Эти меры были довольно суровыми, но эффективными: благодаря им Китай смог довольно быстро восстановить экономику и показать неплохие результаты по итогам 2020 и 2021 гг.

В середине 2022 г. в Китае произошла вспышка нового штамма коронавируса и в отдельных городах и провинциях был введен жесткий локдаун. В статье анализируются причины, почему в этих обстоятельствах политика «нулевой толерантности» стала объектом критики Всемирной организации здравоохранения.

Ключевые слова: система здравоохранения, Китайская Народная Республика, реформы, традиционная китайская медицина, пандемия COVID-19

Для цитирования: Губина М.А., Терентьева Д.В. (Санкт-Петербург). Китайская система здравоохранения: генезис, реформирование и ответ на пандемию COVID-19. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 46-52. DOI: 10.31857/S032150750019749-5

Chinese healthcare system: Genesis, reforms and response to the COVID-19 pandemic

© Maryana A. Gubina^{a,b}, Darya V. Terentyeva^{a,c}, 2022

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

^b ORCID ID: 0000-0003-0672-8097; m.gubina@gmail.com

^c dasha.terentyeva.2000@gmail.com

Abstract. The public health system is an important institutional mechanism for reducing society's medical burden, improving people's well-being, and, consequently, maintaining harmony and stability in society.

This article is devoted to analysis of the development of the health care system of the People's Republic of China. In particular, the article discusses the main problems of the last four decades of the PRC health system (since 1978 when reforms and opening-up were launched in China); current reforms in this area; as well as the impact of the COVID-19 pandemic on the PRC health system.

The COVID-19 pandemic has revealed serious problems in the Chinese healthcare system: lack of resources (medical personnel, healthcare facilities, beds, modern medical equipment), modest investments by the state, exorbitantly high prices for healthcare services and medicines, distrust of doctors by the population, etc. At the same time, in 2020-2021, China has shown an example of a successful fight against the dangerous virus. The Chinese strategy is based on a policy of "zero tolerance" for COVID-19.

This means limiting the spread of the virus through lockdowns, providing mass testing, as well as the conversion of public spaces into COVID hospitals, and the use of high technology in health care (Big Data, mobile health, etc.) were found to be decisive measures. Due to those actions, People's Republic of China was able to recover from virus fairly quickly and show comparatively good economic results in 2020 and 2021.

The outbreak of the new strain of coronavirus occurred in China in mid-2022 and a strict lockdown was introduced in some cities and provinces. The article analyzes the reasons of criticism of the "zero tolerance" policy by the World Health Organization under such circumstances.

Keywords: healthcare system, PRC, reforms, traditional Chinese medicine, COVID-19 pandemic

For citation: Maryana A. Gubina, Darya V. Terentyeva (St. Petersburg). Chinese healthcare system: Genesis, reforms and response to the COVID-19 pandemic. *Asia and Africa today*. 2022. № 9. Pp. 46-52 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019749-5

ВВЕДЕНИЕ

Прошло почти сто лет после того, как пандемия «испанки» затронула жизнь и здоровье почти 30% населения земного шара. За это время было сделано множество научных открытий в области медицины. Лекарственные препараты помогли существенно снизить смертность, облегчить течение тяжелых заболеваний, увеличить продолжительность и качество жизни. Представленные далее изобретения отражают лишь «верхушку айсберга» всех научных открытий в сфере медицины и здравоохранения - выделение Ф.Бантингом из клеток животных вещества, которое позднее назвали «инсулин» в 1922 г.; изобретение А.Флемингом антибиотика в 1928 г.; открытие С.Фарбером первых препаратов для химиотерапии в 1955 г.

Значительную роль в победе над некоторыми заболеваниями сыграла всеобщая вакцинация (искоренена черная оспа, остались лишь точечные очаги заражения полиомиелитом, корью).

И, наконец, весомую роль также играет создание национальных систем здравоохранения. В разных странах представлены вариации моделей организации здравоохранения: государственные, социально-страховые, частные [13]. В каждой из этих систем по-разному решают, каково должно быть государственное участие в расходах на здравоохранение, какое количество лечебно-поликлинических учреждений, коек, врачей и медсестер различных специальностей должно обеспечивать бесперебойность и результативность медицинского охвата населения.

Несмотря на то, что XX в. стал эпохальным с точки зрения развития здравоохранения в широком смысле, события 2020-2021 гг. показали низкую готовность большинства национальных систем здравоохранения к вызовам со стороны инфекционных заболеваний. *COVID-19* дестабилизировал мировую экономику; во время локдаунов замирала практически вся хозяйственная жизнь стран, за исключением стратегических значимых отраслей.

Руководителям стран во время новых волн коронавируса приходилось делать выбор между двумя полярными альтернативами: замедлить течение пандемии, но ухудшить экономическое положение населения или не вводить серьезных ограничений по части экономической активности и быть готовыми к резким всплескам заболеваемости и, соответственно, к повышенной нагрузке на общественное здравоохранение. Стоит отметить, что здесь нет единственно верного решения. Разные страны имеют, во-первых, различную оснащенность систем здравоохранения и в таких случаях могут себе позволить гибкость в принятии решений [8]. Во-вторых, граждане отдельных государств сильно различаются ментально (какие-то нации славятся своей законопослушностью, у других же - только серьезные штрафы и санкции могут побудить людей оставаться дома, да и то это не всегда работает).

Особый интерес в этой связи представляет китайский опыт по борьбе с пандемией *COVID-19*. Статистика заболеваемости и летальности от коронавирусной инфекции показывает, что КНР прошел пандемию в 2020-2021 гг. с относительно небольшими потерями [6]. Фактически за один квартал 2020 г. Китай сумел взять под контроль дальнейшее распространение коронавирусной инфекции. Наиболее существенную роль в борьбе с пандемией на первом этапе (до создания вакцин) имела политика «нулевой толерантности», предполагающая использование запретов, локдаунов и карантинных мер. В стране была внедрена система жесткого наказания (от штрафа до тюремного заключения) за нарушение режима самоизоляции в случае подтвержденного диагноза *COVID-19*.

Вместе с тем, в середине 2022 г. Китай столкнулся с резкой вспышкой нового штамма *COVID-19* - «стелс-омикрона», который распространяется быстрее первоначального «омикрона»¹. И на данном этапе Китай, напротив, стал объектом критики со стороны Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Специалисты ВОЗ полагают, что высококонтагиозный (ред. - крайне заразный), но менее опасный «омикрон» может способствовать созданию коллективного иммунитета, в то время как введение масштабных локдаунов в КНР искусственным образом отодвигает сроки возможного завершения пандемии в мировом масштабе.

Несмотря на то, что политика «нулевой толерантности» привлекает первоочередное внимание при рассмотрении китайского опыта по борьбе с распространением коронавирусной инфекции, не нужно недооценивать значение самой системы здравоохранения КНР. В этой сфере десятилетие назад, в 2009 г., были начаты реформы, благодаря которым доступ к услугам здравоохранения получили 95% китайского населения.

СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Началом отсчета формирования системы здравоохранения Китая считается момент создания одного из первых дошедших до нас трудов - «Книги о внутреннем» - III-I вв. до н.э. [4], рекомендации из которой и по

¹ В марте 2022 г. в Шанхае был объявлен масштабный локдаун, в июле 2022 г. аналогичные меры были приняты и в игровой столице Азии - Макао (прим. авт.).

сей день применяются в традиционной китайской медицине. Западная медицина попала в Китай много позже, на рубеже XIX-XX вв. С тех пор китайское здравоохранение начало приобретать свой сегодняшний вид - симбиоз отечественного и заимствованного зарубежного.

Сформировавшаяся на момент начала проведения политики реформ и открытости (1978 г.) система не была высокоэффективной и общедоступной, но наметился явный прогресс. Однако в 1980-х гг. ситуация изменилась, что связано с тем, что Коммунистическая партия Китая взяла курс на рыночную, а не централизованно управляемую экономику.

Это сказалось на финансировании: инвестиции в здравоохранение сократились, т.к. приоритетом стало ускорение роста экономики, а не социальная политика. Прежняя система, в которой обеспечением медицинской помощи ведало государство, перестала существовать.

К 2002 г. среди жителей китайских городов медицинскую страховку имели немногим более 50%, на селе около 20% [7]; доля государства в общих расходах на здравоохранение упала с 36% до 15% [5]. Был утрачен институт кооперативной медицины в китайских селах, который обеспечивал селян медицинской помощью, покрывая расходы на услуги местных докторов. После ликвидации коммун сельские врачи стали оказывать помощь по более высоким, не фиксированным ценам. Цены росли и в государственных больницах: из-за сокращения финансирования выручка от лекарств и различных услуг стала основным источником заработка, что привело к излишнему и неэффективному лечению, отсюда - напряжение в отношениях между врачами и пациентами.

Еще один важный аспект - продолжение увеличения средней продолжительности жизни: к 2000 г. эта цифра в КНР равнялась 71,4 годам, в 2005 - 72,95 [2]. Благодаря реформам выросло благосостояние населения: питание улучшилось, изменился характер заболеваний (раньше основной причиной смертности были инфекционные заболевания, теперь это сердечно-сосудистые, хронические заболевания). Китайцы стали жить дольше, их численность заметно выросла; сейчас в Китае проживает более 1,4 млрд человек² (см. *граф. 1*).

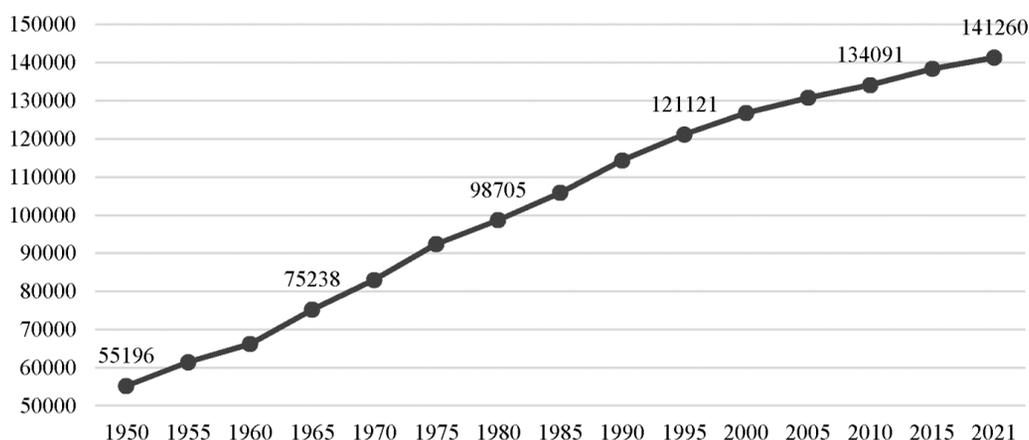

График 1. Численность населения КНР в период с 1950 по 2021 гг. (10 000 чел.).

Graph 1. Population of the PRC from 1950 to 2021 (in 10,000 people).

Составлено по: [2].

Важно отметить изменения в половозрастной структуре китайского населения (см. *граф. 2*) - из-за увеличения средней продолжительности жизни вырос удельный вес населения в возрасте 65 и более лет. В 1950 г. наметился перевес числа молодых мужчин (моложе 60 лет), которые затем старели и выходили на пенсию.

Как известно, период проведения политики реформ и открытости был ознаменован довольно жесткой демографической политикой «Одна семья - один ребенок». К началу XXI в. её результаты стали очевидными: если пирамида 1950-х гг. имела довольно широкое основание, что свидетельствовало о быстром росте населения, то возрастно-половая пирамида 2005 г. характеризуется его резким сужением (рождаемость ограничилась). Ярko обозначился перевес мужской части населения: на 116 мальчиков в возрасте до 5 лет приходится 100 девочек. Это также относится к следствиям демографической политики - предпочтение при рождении отдавалось сыновьям, т.к. они, будучи взрослыми, с большей легкостью могли оказывать необходимую помощь пожилым родителям. Данный гендерный дисбаланс сохраняется, что сказывается на темпах естественного прироста населения Китая из-за нехватки женщин.

² Эксперты ООН ожидают, что в 2022 г. Китай уступит эту позицию Индии, где население прирастает более высокими темпами и уже сейчас практически равно численности китайского населения (разница составляет примерно 14 млн человек). См. UN World Population Prospects Report 2022.

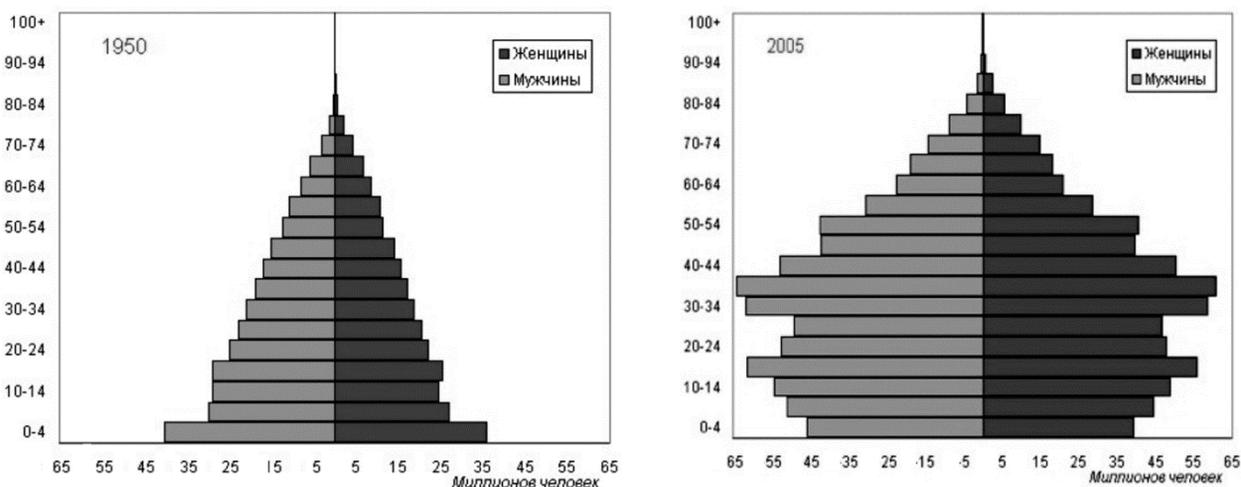

График 2. Демографические пирамиды Китая в 1950 и 2005 гг.

Graph 2. China's demographic pyramids in 1950 and 2005.

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
<https://www.un.org/en/development/desa/population/index.asp> (accessed 06.02.2022)

Проблема старения населения в КНР, согласно прогнозам, со временем станет ещё острее. Это явление выливается в увеличение финансовой нагрузки на экономику, нехватку рабочей силы. В этой связи политика ограничения рождаемости в Китае была дважды пересмотрена - в 2015 г. семьям разрешили заводить двоих детей, а с 2021 г. супружеским парам стало позволено иметь уже троих детей.

Проблема быстрорастущего пожилого населения не может быть решена за пару лет. Потребуется несколько десятилетий, чтобы половозрастная структура приобрела сбалансированный характер. На сегодняшний день на содержание этой группы населения требуются колоссальные ресурсы, что оказывает огромное давление на бюджет, пенсионную систему и систему здравоохранения: не хватает специалистов, необходимой инфраструктуры.

Указанные проблемы красноречиво свидетельствовали о необходимости проведения реформ в области здравоохранения. Кроме того, в 2002-2003 гг. страна столкнулась с серьезной эпидемической угрозой в лице «тяжелого острого респираторного синдрома» (более известного как «атипичная пневмония», *Severe Acute Respiratory Syndrome - SARS*). Эти факторы в совокупности подтолкнули страну к содержательной трансформации системы здравоохранения.

РЕФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

План реформ разрабатывался в течение нескольких лет, он был опубликован в 2009 г. и содержал следующие задачи:

- внедрение общедоступного медицинского страхования;
- увеличение финансирования отрасли со стороны государства;
- совершенствование государственных больниц;
- увеличение заработной платы медицинских работников;
- снижение стоимости лекарственных средств и медицинских услуг [3].

Поскольку данный план должен был быть выполнен к 2020 г., мы можем проанализировать, насколько эффективными были принимаемые правительством меры.

Во-первых, произошли существенные изменения в системе медицинского страхования. Среди важнейших инициатив можно выделить расширение пакета предоставляемых услуг, рост инвестиций, увеличение страховых выплат; запуск программы медицинского страхования для малоимущих (её цель - защита от обнищания из-за непомерных расходов на медицину); замена оплаты по факту оказания услуги новым методом, основанным на категории заболевания. Так, на 2020 г. более 95% населения охвачено программами медицинского страхования; количество лекарств в списке возмещаемых увеличено до 2643; в 2018 г. из фондов медицинской помощи по всему Китаю было потрачено около 42,46 млрд юаней (\$6,2 млрд)³ на субсидирование 76,7 млн человек в рамках базового медицинского страхования; специальная система страхования для малоимущих охватила более 1 млрд человек, её услугами воспользовались более 11 млн (из них 60% - сельские жители), выплаты по возмещению расходов превысили 30 млрд юаней (\$4,4 млрд).

³ 1USD = 7CNY.

Во-вторых, интерес для рассмотрения представляет также сфера лекарственного обеспечения. Здесь реформам подверглись отбор, производство, распределение важнейших лекарств; контроль качества; разумное ценообразование; тендеры и закупки; политика нулевой наценки на продажи. Еще одним пунктом стало дальнейшее расширение списка основных лекарств, которые должны быть всегда доступны в учреждениях медицинской помощи. В 2017 г. все государственные больницы отменили наценки на лекарства; список важнейших лекарств был расширен с 307 в 2009 г. до 520 в 2012 г. и до 685 в 2018 г.; в 2019 г. было создано 313 препаратов-дженериков.

В-третьих, необходимо отметить изменения в сфере непосредственного медицинского обслуживания. Здесь основное внимание было направлено на рост инвестиций, укрепление инфраструктуры, расширение кадровых ресурсов (при помощи денежной мотивации, вспомогательных проектов), повышение потенциала (посредством обучения, проведения тренингов); реформу государственных больниц; поощрение создания медицинских альянсов для улучшения координации между учреждениями здравоохранения; развитие частных больниц для увеличения предложения со стороны системы здравоохранения; поощрение телемедицины. В ходе проведения реформ государственные субсидии учреждениям первичной медико-санитарной помощи увеличились (их доля в общих расходах выросла с 12,3% в 2009 до 32,5% в 2018 г.; общее число медицинских работников увеличилось на 7,1% - до 3,9 млн, число терапевтов на 10000 человек выросло с 0,8 до 1,8; более 13 тыс. медицинских учреждений внедрили методы телемедицины.

Наконец, *в-четвертых*, сама система общественного здравоохранения претерпела изменения в нескольких областях - снижение основных факторов риска для здоровья китайского населения; усовершенствование системы реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения; достижение всеобщей доступности; удовлетворение потребностей в медицине уязвимых групп населения. Отметим, что, согласно плану, базовый пакет предоставляемых услуг может быть расширен местными властями в соответствии с локальными проблемами и уровнем доходов. Были достигнуты следующие результаты: увеличение государственного финансирования и количества финансируемых услуг (с 9 категорий до 14), доступность для всех; сумма, выделяемая в среднем на душу населения, выросла до 55 юаней (в 2009 г. она составляла всего 15 юаней) [10].

Нельзя не отметить успехи Китая по реформированию системы здравоохранения, но говорить о полном преодолении актуальных проблем еще рано. Затраты населения на здравоохранение всё ещё высоки, врачей и больниц не хватает, профессия врача так и не стала считаться престижной и благойродной.

ОПЫТ КИТАЯ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПАНДЕМИИ COVID-19

Пандемия охватила планету невероятно стремительно и повлекла за собой кризис не только в сфере экономики, но и в национальных системах здравоохранения. Практически во всех странах медицинская инфраструктура подверглась максимальной нагрузке, что выразалось преимущественно в нехватке ресурсов (персонала, учреждений здравоохранения, коек в них и др.). Национальные системы здравоохранения большинства стран оказались неподготовленными к пандемии COVID-19, поскольку у многих из них отсутствовал опыт столкновения с инфекционными заболеваниями на протяжении довольно длительного периода [8].

Китайское здравоохранение также столкнулось с ограниченностью ресурсов в системе медицинского обслуживания. Во многих больницах и поликлиниках было устаревшее оборудование, ощущалась нехватка квалифицированных кадров, отсутствовала четкая схема лечения. Усугубляло ситуацию то, что жители городов обращались в крупнейшие больницы, т.к. именно там расположено лучшее оборудование и врачи, но из-за длинных очередей заболевание начало распространяться еще быстрее.

В ответ на рост числа заболевших в Китае, как и во многих других странах, были развернуты временные полевые госпитали. Для этих целей в стране были преобразованы некоторые общественные места (стадионы, выставочные павильоны и др.). Это обеспечило оперативный прием и помощь инфицированным, оптимизировало распределение медицинских ресурсов; позволило снизить нагрузку на больницы.

Пандемия COVID-19 ускорила процесс цифровизации здравоохранения. Стало возможно записаться к врачу онлайн, получить консультацию из дома. Благодаря этому появились интернет-больницы (*WeDoctor*, *Alibaba Health*) с возможностью предоставления услуг дистанционно, которые вызвали значительный общественный интерес. В начале эпидемии 42,3% больниц по всей стране открыли свои интернет-больницы, что уменьшило поток людей в больницы и оказало влияние на уменьшение числа случаев заражения коронавирусом. Пандемия за короткое время ускорила интеграцию интернет-больниц и других высоких технологий в качестве элемента общественного здравоохранения.

Начиная с 2021 г. в Китае началась массовая вакцинация населения против COVID-19. Вакцины разработали компании *Sinovac Biotech* и *Sinopharm*; обе вакцины получили одобрение ВОЗ. Кроме того, Китай в 2021 г. стал лидером мирового рынка вакцин и основным поставщиком этого продукта в развивающиеся страны [12]. На сегодняшний день в Китае вакцинировано 87,4% населения, что является, безусловно, высоким показателем, по сравнению с некоторыми другими странами (ЮАР - 31,8%; Россия - 51,2%; Мексика, Индонезия - 61%; Турция - 62,4%) [15]. Вместе с тем, вспышка «стелс-омикрона» в 2022 г. показа-

ла низкую эффективность большинства вакцин против нового штамма и необходимость их постоянного обновления.

Особую роль в борьбе с пандемией в 2020-2021 гг. сыграло введение жестких ограничительных мер. Китай, в отличие от большинства развитых стран, имел за плечами недавний опыт по борьбе с эпидемиями опасных заболеваний («атипичная пневмония» в 2002-2003 гг., «птичий грипп» в 2013 г.). В связи с этим в стране была реализована уже отлаженная схема оперативного реагирования на эпидемическую угрозу.

Прежде всего, это проведение массового тестирования населения. Эта мера проводилась в каждом городе или отдельном районе, где была зарегистрирована вспышка заболевания, даже если число заболевших не превышало десяти. Например, в мае 2020 г. массовое тестирование провели в г. Ухань (население около 11 млн человек), в октябре 2020 г. - в г. Циндао (население 9 млн), а в апреле 2022 г. во время вспышки штамма «омикрон» - в Шанхае (население 26 млн).

Во-вторых, это введение жестких карантинных мер. На начальном этапе пандемии (22 января 2020 г.) провинция Хубэй (население 60 млн человек, крупнейший город - Ухань) была полностью закрыта: был введен запрет на въезд/выезд всех видов транспорта из провинции, а также приостановлено движение общественного транспорта. Вплоть до 25 марта 2020 г. жителям фактически запрещалось выходить на улицы города. Работали только продуктовые магазины, вход в которые разрешался при наличии QR-кода. В 2022 г. после проведения Зимних Олимпийских Игр, несмотря на серьезные ограничительные меры, зафиксирована крупная вспышка коронавируса в Шанхае. В этой связи в мегаполисе также был введен жесткий локдаун (с 28 марта был закрыт район Пудун, с 1 апреля - район Пуши). В июле 2022 г. аналогичные ограничения введены в городе Макао.

В-третьих, это система мониторинга (слежения). Системы видеонаблюдения могут фиксировать местоположение людей без масок и респираторов. Повсеместно в общественных местах установлены сканеры для определения температуры тела. Кроме того, широко распространенное в Китае приложение *WeChart* (сообщения, игры, покупки) в условиях пандемии стало использоваться дополнительно как «платформа здоровья». Там отображаются QR-коды различной цветовой окраски: зеленый - человек здоров, контактов с COVID-больными не имел; желтые - возможно был контакт с COVID-больным; красный - человек болен COVID-19 [14].

Необходимо понимать, что указанные ограничения могли быть эффективными лишь в случае их добросовестного исполнения. В Китае это стало возможным, в том числе, благодаря особому восточному менталитету. Известно, что для азиатских стран в целом характерен подход «Плыти по течению», который призывает не забывать о вечности в погоне за сиюминутными благами. В контексте борьбы с пандемией COVID-19 китайцы с пониманием отнеслись к необходимости повсеместного использования средств индивидуальной защиты, введению системы QR-кодов, соблюдению режима самоизоляции. Соответственно резкое уменьшение социальных контактов в такой густонаселенной стране помогло избежать столь фатальных последствий пандемии, которые можно было наблюдать в некоторых странах с иным отношением к вводимым ограничениям.

В середине 2022 г. в Китае началась вспышка нового штамма коронавируса (омикрон-штамм), фактически парализовавшая жизнь сначала в Шанхае, Шэньчжэне, а затем и в Макао. Омикрон показал высокую контагиозность и устойчивость к вакцинам. Вместе с тем, смертность от нового штамма ниже по сравнению с предыдущими версиями коронавируса, его симптомы также не такие тяжелые.

В этой связи в мировом сообществе развернулась дискуссия относительно рациональности применения политики «нулевой терпимости» в КНР в сложившихся обстоятельствах. Эксперты ВОЗ считают, что мир мог бы быстрее достичь коллективного иммунитета, если бы власти Китая сменили тактику и позволили бы переболеть своему населению безо всяких ограничений. Их оппоненты утверждают, что опрометчивый отказ от жестких противоэпидемиологических мер в такой стране, как Китай, повлек бы за собой куда более тяжелые последствия для национальной системы здравоохранения.

На наш взгляд, власти стран должны принимать решения в соответствии с актуальной ситуацией, сложившейся в тех или иных регионах. Китай, как показал анализ их системы здравоохранения, несмотря на проводимые реформы, всё ещё имеет серьезный недостаток ресурсов (врачей и медсестер, учреждений, коек и пр.). Вкупе со стареющим населением и несбалансированным региональным развитием политика «нулевой толерантности» в этих обстоятельствах представляется рациональной и оправданной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система здравоохранения Поднебесной уникальна: она начала путь своего становления около 2000 лет назад и сумела, пережив не один раунд реформ, сохранить в себе черты традиционного подхода. Традиционная китайская медицина не потеряла своей актуальности - со стороны населения она пользуется даже большим спросом. Обусловлено это не только характерной для китайцев приверженностью традициям, но и большим доверием к традиционной китайской медицине по сравнению с западным подходом.

Изучение данной проблематики становится ещё актуальнее на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, первые случаи которой были зафиксированы в Ухане в конце 2019 г., после чего нача-

лось её стремительное распространение по миру [1]. Вирус нанес ощутимый удар по экономике, парализовал предприятия и сказался на стабильности функционирования мировых систем здравоохранения.

Китай не стал исключением: привычный подход к предотвращению чрезвычайных ситуаций оказался неэффективным. Были выявлены проблемы в области раннего реагирования и мониторинга распространения заболевания, недостаточная обеспеченность квалифицированной рабочей силой, средствами индивидуальной защиты, коечным фондом. Всё это стало причиной роста числа инфицированных на территории страны и за её пределами. Тем не менее китайское правительство смогло быстро провести работу над ошибками и принять жесткие меры, способствовавшие постепенному снижению заболеваемости. Китайскую модель часто приводят в качестве примера успешной борьбы с COVID-19 и новыми инфекционными заболеваниями.

Мутация вируса, распространение его более заразных, но менее смертельных штаммов - всё это порождает бурную дискуссию о целесообразности китайской стратегии «нулевой толерантности». В статье мы продемонстрировали, что, несмотря на обширные реформы системы здравоохранения, наблюдается серьезная нехватка ресурсной базы. В условиях вспышки нового штамма коронавируса, указанные недостатки китайской системы здравоохранения могли бы принести куда больший ущерб, чем политика «нулевой толерантности», последовательно реализуемая китайскими властями.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Carvalho T., Krammer F., Iwasaki A. 2021. The first 12 months of COVID-19: a timeline of immunological insights. *Nature Reviews Immunology*. № 4, pp. 245-256.
2. China Statistical Yearbook 2021. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexeh.htm> (accessed 06.02.2022)
3. Dai C.T., Duchâtel M. 2009. New Reforms to the Health System. *China perspectives*. № 79, pp. 108-111.
4. Hesketh T., Zhu W.X. Health in China: traditional Chinese medicine: one country, two systems. *Bmj*. 1997. Vol. 315. № 7100, pp. 115-117.
5. Ho B., Tsai T. 2004. The Chairman and the Coronavirus. *Harvard International Review*. № 4, p. 29.
6. Johns Hopkins University. Coronavirus Recourse Center. <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed 20.03.2022)
7. Li L., Chen Q., Powers D. 2012. Chinese healthcare reform: a shift toward social development. *Modern China*. Vol. 38. № 6, p. 631.
8. Narain J.P., Dawa N., Bhatia R. 2020. Health System Response to COVID-19 and Future Pandemics. *Journal of Health Management*. Vol. 22, Issue 2.
9. Sun S. et al. 2021. COVID-19 and healthcare system in China: challenges and progression for a sustainable future. *Globalization and Health*. Vol. 17. № 1, pp. 1-8.
10. Tao W. et al. 2020. Towards universal health coverage: lessons from 10 years of healthcare reform in China. *BMJ global health*. Vol. 5. № 3, pp. 6-8.
11. World Bank World Development Indicators. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?end=2019&locations=CN&start=1960&view=chart> (accessed 05.02.2022)
12. Губина М.А. Пандемия COVID-19 как драйвер развития мирового рынка вакцин. *Шестой международный экономический симпозиум - 2022*. Редколлегия: О.Л.Маргания, С.А.Белозеров и др. Санкт-Петербург, 2022.
Gubina M.A. 2022. COVID-19 pandemic as a driver of global vaccine market development. *The Sixth International Economic Symposium - 2022*. Eds. O.L.Margania, S.A.Belozero, et al. St. Petersburg (In Russ.).
13. Губина М.А. Современные модели здравоохранения: опыт развитых стран. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2008. № 1.
Gubina M.A. 2008. Modern models of health care: the experience of developed countries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Economics*. № 1 (In Russ.).
14. Пехтерева Е.А. Реформирование системы здравоохранения Китая и развитие рынка медицинских услуг в период пандемии COVID-19. *Экономические и социальные проблемы России*. 2021. № 2.
Pekhtereva E.A. 2021. Reforming the Chinese Healthcare System and the Development of the Medical Services Market during the COVID-19 Pandemic. *Economic and Social Problems of Russia*. № 2 (In Russ.).
15. Our World in Data COVID-19 dataset. https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL (accessed 20.06.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Губина Марьяна Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, экономический факультет, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Maryana A. Gubina, PhD (Economics), Associate Professor, Faculty of Economics, St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.

Терентьева Дарья Васильевна, бакалавр, экономический факультет, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Darya V. Terentyeva, BA (Economics), Faculty of Economics, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 14.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.08.2022

Саудовская Аравия. Новые вызовы королевству

© Васильев А.М.^а, 2022^а Институт Африки РАН, Москва Россия
ORCID ID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Резюме. Появление американских войск и их союзников на территории Саудовской Аравии в 1990 г. и их война против Ирака в 1991 г. укрепили господство США в регионе, но одновременно обнажили внутренние противоречия в саудовском обществе. Они проявились в расколе на сторонников и противников монархии и дома Саудидов, идеологической борьбе между прежними союзниками - ваххабитами и «братьями-мусульманами» как внутри королевства, так и на всем Ближнем Востоке. Догматические споры привели к тому, что сторонники «братьев» и движения «Сахва» (гибрид ваххабитов и «братьев-мусульман») поставили под вопрос саму легитимность саудовской монархии и привели исламистов к жесткой антиамериканской позиции. Эти противоречия породили «Аль-Каиду», объявившую глобальный джихад против Запада, а одновременно против монархических режимов Персидского залива.

Теракты в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. дали в руки Вашингтона предлог для вторжения в Афганистан, а после удачного блицкрига подтолкнули Вашингтон на оккупацию Ирака под надуманными предложениями создания режимом Саддама Хусейна ядерного, биологического, химического оружия. Последствия для Саудовской Аравии заключались в усилении суннитско-шиитских противоречий на внутреннем и региональном уровне и взрыве терроризма в самом королевстве. Суннитско-шиитские противоречия после образования правительства шиитского большинства в Ираке превратились в холодную войну между Саудовской Аравией и Ираном. Это создавало новые очаги напряженности в регионе и мешало достижению компромиссов.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, политическая структура Саудовской Аравии, война в Заливе, вторжение в Ирак, ваххабиты, «братья-мусульмане»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Васильев А.М. Саудовская Аравия. Новые вызовы королевству. *Азия и Африка сегодня*. 2022, № 9. С. 53-69. DOI: 10.31857/S032150750021786-6

Saudi Arabia. New challenges to the kingdom

© Alexey M. Vasiliev^а, 2022^а Institute for African Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Abstract. The deployment of armed forces of the US and its allies on the territory of Saudi Arabia in 1990 and their war against Iraq in 1991 strengthened American dominance in the region and at the same time revealed previously concealed internal contradictions in Saudi society. A divide between the pro-monarchy and anti-Saudi movements became evident. It resulted in an ideological struggle between former allies - the Wahhabis and the Muslim Brothers - inside and outside the kingdom. The Islamist discourse of the Brothers and Sahwa movement (a sort of hybrid of Wahhabism and Muslim Brotherhood ideology) manifested itself in questioning the legitimacy of the Saudi rule and promoting a general anti-American attitude. Those contradictions gave birth to Al-Qaeda, which declared a global jihad against the West and the monarchies of the Persian Gulf.

The September 11, 2001 attacks in New York gave Washington an excuse to invade Afghanistan and then, after a successful blitzkrieg there, encouraged the US to begin a war in Iraq under the fake pretext of Iraqi plans to develop all kinds of weapons of mass destruction. Consequences for the Saudi government included the strengthening of Sunni - Shiite contradictions inside the kingdom and in the region as well as an explosion of terrorism inside Saudi Arabia.

After the establishment of the Shiite majority government in Iraq, the Sunni - Shiite contradictions have turned into a cold war between Saudi Arabia and Iran. This situation aggravated the instability in the Middle East and precluded potential compromises.

Keywords: Saudi Arabia, the Saudi political structure, the Gulf War, the invasion of Iraq, "Wahhabis", "Muslim brothers"

For citation: Alexey M. Vasiliev. Saudi Arabia. New challenges to the kingdom. *Asia and Africa today*. 2022, № 9. Pp. 53-69 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021786-6

ВВЕДЕНИЕ

Кризис и война в Заливе против Ирака (1990-1991), оккупировавшего Кувейт, оказали воздействие и на внутреннюю политику Саудовской Аравии, и на региональную ситуацию, и на глобальную систему международных отношений, которая как будто складывалась в мире после окончания холодной войны.

Эти события показали значение советско-американского сотрудничества, а также его пределы и ограничения. США заморозили банковские активы Ирака, а СССР отказался поставлять вооружения режиму Саддама Хусейна. Новая система взаимоотношений позволила США оголить свои военные позиции в Западной Европе, не опасаясь угрозы со стороны СССР, и в ходе боевых действий расправиться с Ираком, не ожидая, что ему будет оказана помощь извне, как в ходе провальной войны против Вьетнама. СССР, осудив агрессию, пытался найти способы решить проблемы политическим путем, чтобы сохранить свои значительные позиции в Ираке. Но лично для президента Дж. Буша-старшего нужна была война и укрепление позиций в Персидском заливе и нефтяной отрасли. Ему нужен был личный триумф в США и выполнение обязательств, данных Израилю.

САУДИДЫ И ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Президент Дж. Буш-старший смог убедить короля Саудовской Аравии Фахда, что агрессия Ирака угрожает самому существованию Саудовской Аравии (которая действительно была в военном плане значительно слабее баасистского режима), чтобы он разрешил присутствие американских войск на территории королевства. Король согласился на трех условиях. Первое: США обещали после окончания войны сразу вывести свои вооруженные силы из страны. Второе: не начинать войну против Ирака без одобрения Саудовской Аравии. Третье: не сообщать публично об этой договоренности вплоть до прибытия их вооруженных сил в Саудовскую Аравию [4, p. 128].

Все три обязательства Буша были им нарушены, а главное - значительный контингент вооруженных сил США и военные базы остались в Саудовской Аравии вплоть до новой войны против Ирака в 2003 г. Все это воздействовало на внутреннюю ситуацию в королевстве. Американские войска стали прибывать в Саудовскую Аравию, и постепенно их численность достигла примерно полумиллиона человек. Война в январе-феврале 1991 г. завершилась быстрым и легким разгромом иракских сил [1; 2, pp. 105, 115, 116].

События 1990-1991 гг. настолько детально описаны в российской, западной и арабской литературе, что углубляться в подробности вряд ли целесообразно. Нас интересует их воздействие на внутреннюю обстановку в королевстве.

Саудовские войска участвовали в войне в составе коалиции, возглавляемой США. Находились и добровольцы (даже шииты), готовые присоединиться к саудовской армии. Но критики правительства спрашивали, куда делись \$300 млрд, которые Саудовская Аравия потратила на покупку вооружений за последние полвека? Что это дало королевству? Само присутствие иностранных войск на земле двух исламских святынь говорило о зависимости королевства от США в деле безопасности. По дорогам королевства разъезжали и американки в военной форме. В глазах многих саудовцев это свидетельствовало о позоре, об унижении страны из-за негодного руководства. Хотя большинство принимало американскую военную помощь как необходимость, значительное меньшинство считало её нарушением исламских принципов [3, p. 160; 2, p. 115] и обвиняло в этом семью Саудидов.

В ноябре 1990 г. 45 женщин - представительниц саудовской элиты, нарушив запрет на вождение автомашины, демонстративно выехали в центр Эр-Рияда. Их арестовали, через некоторое время отпустили. *Мутавва* из Комитета распространения благого и запрета нечестивого (религиозная полиция) обозвали их «коммунистическими проститутками» [3, p. 161].

Требования президента Буша король Фахд вряд ли принял единолично. В стране реально существовало подобие «коллективного руководства» старших принцев - прямых потомков короля-основателя Ибн Сауда. На вершине иерархии находился монарх, формально вторым лицом был кронпринц Абдалла. Третьим - заместитель кронпринца. Опорой каждого были семейные и более широкие клановые связи [2, pp. 25-28].

Важно отметить, что никакая другая ветвь «правлящего племени» не приобрела такой мощи и влияния, как 7 родных братьев, сыновей Ибн Сауда, включая короля Фахда, - «Семерка Судайри». Этот термин не все принимают в Саудовской Аравии, но в западной и арабской литературе он стал распространенным и приемлемым.

Одна из жен Ибн Сауда - Хасса бинт Ахмед из аристократического клана Аль Судайри стала матерью семерых сыновей.

Старший Фахд получил трон в 1982 г. после смерти единокровного брата Халида, но в качестве кронпринца при короле со слабым здоровьем он и раньше фактически управлял государством. Его брат Султан был министром обороны и авиации, назначенным на этот пост ещё королем Фейсалом. Он и стал следующим на очереди кронпринцем после принца Абдаллаха. Сын Султана Халид командовал саудовскими войсками в ходе войны против Ирака, а другой сын, Бандар, занимал долгие годы пост посла королевства в Вашингтоне, установив прочные связи с американской элитой, особенно с двумя президентами - старшим и младшим Бушами. Вернувшись позднее в Саудовскую Аравию, он возглавил Совет безопасности, а затем службу внешней разведки.

Из других братьев Наиф стал министром внутренних дел, Ахмед - его заместителем, Сальман - губернатором Эр-Рияда, Турки - заместителем министра обороны, Абдуррахман - руководителем важного бизнес-конгломерата. Среди родственников этой «семерки» в клане Аль Судейри были и губернаторы, и заместители министров, и руководители крупных ведомств. Многие представители других ветвей Саудидов перенесли с членами семейства Аль Судайри.

У короля-основателя было 36 выживших сыновей. Кронпринц Абдаллах был десятым сыном Ибн Сауда. Его мать - вдова бывшего правителя Хейля, шаммарского эмира из рода давних противников семейства Саудидов из династии Аль Рашид. Этот брак означал кооптацию элиты из племени шаммар в систему власти будущего королевства. С 1963 г. он стал командующим Национальной гвардией.

Связи с племенной аристократией были основой его влияния со времен короля Фейсала. Именно из видных племен формировалась Национальная гвардия. Он демонстрировал свою любовь к пустыне и бедуинскому образу жизни, хотя помимо дворцов в стране имел роскошный дворцовый комплекс в Марокко. Его увлечение чистокровными лошадьми привело к созданию нескольких стад всего примерно на тысячу голов. Когда он стал королем, спонсируемые им конные и верблюжьи скачки превратились в популярный праздник Джанадарийя. Абдаллах подчеркивал «демократизм» в отношениях с подданными, лично принимал просителей, посещал кочевников и бедные поселения.

13 июля 1982 г., когда умер король Халид и его сменил Фахд, место кронпринца занял Абдаллах.

Абдаллах женился примерно 30 раз. У него было 35 детей, их них 15 сыновей и 20 дочерей¹. Но в верхнем эшелоне «правлящего племени» он был сравнительно одинок. Лично он не представлял собой какую-либо из главных ветвей или кланов семьи Саудидов. Кроме «Семерки Судайри», их было несколько.

По сравнению с прямыми потомками короля-основателя Ибн Сауда клан потомков его отдаленного двоюродного прадеда Сауда аль-Кабира формально был старшей ветвью семьи. Они были его соперниками, когда он, установив контроль над Эр-Риядом, начал возвращать власть Саудидов в Неджде. Одержав военную победу над сторонниками клана Сауда аль-Кабира, он решил умиротворить их и выдал замуж за правнука основателя этой ветви семьи свою любимую сестру Нуру. К концу XX в. представители этого клана занимали не самые высшие, но влиятельные посты в администрации и вооруженных силах.

Возможными претендентами на власть были представители клана Аль Джилуви. Десятки лет после присоединения Аль-Хасы (Восточной провинции) к владениям Ибн Сауда они были губернаторами Аль-Хасы, ставшей главной нефтяной провинцией страны. Лишь в 1985 г. король Фахд передал пост главы Восточной провинции своему младшему сыну Мухаммеду, но сохранил при нём в качестве советника одного из Джилуви. Представители этой ветви время от времени занимали высокие посты в центре и в некоторых провинциях.

Ещё одна ветвь семейства - Аль Сунайан не претендовала на высшую власть, но имела влияние в «правлящем племени». Ещё в молодости будущий король Фейсал женился на Иффат бинт Ахмед Аль Сунайан, которая стала его любимой женой, и приблизил к себе членов этого семейства. Они получали важные посты в бюрократии и вооруженных силах.

Главные принцы стояли во главе министерств - обороны, внутренних дел, Национальной гвардии, других министерств, департаментов, провинций. Власть, влияние и доходы опирались на пирамидальные структуры формально-бюрократической власти, а не на земельные «феоды». Это было нечто вроде «вертикального, но коллективного феодализма». У них была власть, престиж, деньги и участие в принятии решений на государственном уровне.

К концу XX в. в королевстве сложился уникальный режим во главе с Саудидами. Потомками короля-основателя были примерно 200 взрослых принцев, не считая членов параллельных ветвей «племени Саудидов» [2, р. 28].

Все они играли или могли играть важные роли в политике, бизнесе, образовании, вооруженных силах. С одной стороны, все эти кланы пережились, но с другой - отнюдь не всегда близкородственные связи говорили о единстве интересов, взглядов и действий.

В то время как умирали старшие дети Ибн Сауда, все бóльшую роль начинало играть молодое поколение внуков и правнуков, у которых пока не было согласия, какую часть власти и богатства они могут получить. А делить было что.

Согласно материалам Викиликса, 30 ноября 1996 г. посольство США передавало информацию в Вашингтон: «Маленькая группа главных принцев контролирует расходы в несколько миллиардов долларов в год на программы, которые находятся вне бюджета и не контролируются министерством финансов» [4, pp. 344-345]. Информация была основана на данных крупнейшего саудовского бизнесмена Альвалида ибн Талала, сына «красного» принца 60-х гг. XX в. Он рассказал американскому послу, что 5 или 6 принцев фактически контролируют расходы, получаемые от экспорта 1 млн баррелей из 8 млн общего экспорта.

¹ См. в Интернете - Abdallah of Saudi Arabia.

В этой же телеграмме американского посольства говорилось, что каждый месяц на клан Аль Саудов распространяются неопубликованные выплаты. В середине 1996 г. ежемесячная «стипендия» составляла от \$800 для члена королевской семьи самого низкого уровня до \$200-270 тыс. в месяц каждому из живых сыновей основателя королевства Ибн Сауда. Таким образом, из бюджета \$40 млрд в год в то время \$2 млрд прямо шли членам королевской семьи (это - цифры 1995 года! - А.В.). Все это - помимо «бонусов» на покупку или строительство дома или женитьбу. В то же время доход на душу населения в королевстве падал².

Фахд руководил страной, понимая, что прямая передача власти кому-либо из его братьев естественно, прежде всего, Султану может вызвать турбулентность во всем «правлящем племени». Сохранение наследным принцем Абдаллаха, который не покушался на прерогативы «Семерки Судайри», до поры до времени устраивало всех заинтересованных в сохранении единства Саудидов. Назначение на высшие посты сыновей самого Фахда в какой-то мере снижало чрезмерное преобладание родных братьев короля.

Правящая семья, несмотря на свои огромные размеры (фактически «правлящее племя»), после смерти короля Фейсала демонстрировала политическое единство, особенно на публике. Естественно, что были и столкновения - и личных амбиций, и клановых интересов. Но уроки прошлого были усвоены: Саудидам должны сохранять сплоченность во всех обстоятельствах. Они помнили, что в XIX в. их предки полностью потеряли свой эмират из-за жестоких расколов в правящей семье. Воля, ум, терпение, государственное мышление молодого эмира и будущего короля Ибн Сауда привели к созданию единого государства, названного в 1932 г. Королевством Саудовская Аравия.

После смерти короля-основателя в период бурных перемен на Ближнем Востоке, крушения монархий, внутренних угроз государство оказалась на грани краха, в т.ч. из-за противостояния короля Сауда и наследного принца Фейсала. Опираясь на союз большинства единокровных братьев, опасавшихся влияния многочисленных сыновей короля Сауда, проводя взвешенную государственную и финансовую политику, укрепив сотрудничество с США, кронпринц одержал верх. Ему помогли и родственные связи с семейством потомков основателя ваххабизма, и в целом поддержка ваххабитской корпорации - идеологического союзника и опоры Саудидов.

Нельзя не упомянуть влияния в элите многочисленных потомков Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703-1792) - основателя «ваххабизма». Они обеспечивали не только религиозную, юридическую, судебную основу политической власти Саудидов. В ряде случаев сами занимали высокие посты в бюрократии и вооруженных силах.

Но именно в последнем десятилетии прошлого века «ваххабитская корпорация» вместе с «правлящим племенем» Аль Саудов столкнулась с новыми вызовами.

Война 1991 г. в Заливе вызвала раскол в идеологической, религиозной элите страны, который быстро и для многих неожиданно превратился в появление политической оппозиции режиму, окрашенной исламистским экстремизмом. Для понимания его истоков придется приостановить обзор текущих событий и перенестись почти на 100 лет назад, выйдя за пределы самой Саудовской Аравии.

ВАХХАБИТЫ И «БРАТЯ-МУСУЛЬМАНЕ». СНАЧАЛА СОЮЗНИКИ

Движения исламистов в рамках глобальных отношений «Ислам - западный мир» могут вступать в союзы или наоборот - сталкиваться.

В противостоянии и западным идеям, и антизападному национализму, и атеистическому коммунизму вплоть до 90-х гг. XX в. «братья-мусульмане» и ваххабиты были союзниками. Чтобы проследить эволюцию и тех, и других, стоит обратиться к их более глубоким корням.

Исламская религиозная мысль, которая в течение столетий обслуживала интересы Османской империи, в XIX в. оказалась в глубоком кризисе, т.к. не могла противопоставить что-либо убедительное западной идеологии и западной системе ценностей. Вызов агрессивного, стремящегося к доминированию Запада уже в XIX в. заставил мусульманские общества ответить на него различными вариантами теории и практики.

Первый - пытаться стать такими, как Европа, начать копировать европейский формы общественного и политического устройства, военного дела, права, морали, культуры, образования. По этому пути пошла Османская империя и её наследник - Турция - от первых реформ XIX в. Мустафы-паши Байрактара до Кемаля Ататюрка, который попытался «сбросить груз исламского прошлого» и «озападнить» страну.

Второй путь избрали исламские реформаторы («возрожденцы») конца XIX - начала XX вв. Джемаль-ад-Дин аль-Афгани, Мухаммед Абдо, его ученик Рашид Рида. Они ставили задачу возродить величие ислама в

² Материал из Интернета - Abdallah of Saudi Arabia. В 2011 г. *Форбс* оценил состояние Абдаллаха и его непосредственной семьи в \$21 млрд. Он занял третье место среди самых богатых глав государств в мире (*прим. авт.*).

подражание эпохе пророка Мухаммеда и его сподвижников, освободиться от господства Запада, вернуться к принципам «чистого ислама» на основе Корана, сунны и - соответственно - шариата, но сочетать это с восприятием достижений Запада в области науки, политического устройства, военного дела (*Islamic Modernism*).

В 1928 г. из движения арабских «возрожденцев» в Египте выросла Ассоциация братьев-мусульман (АБМ) во главе со школьным учителем Хасаном аль-Банной, получившая широкое международное распространение. Она сложилась в структурированную организацию со своей иерархией, дисциплиной, благотворительной деятельностью и даже военизированным подразделением.

За 20 лет эта организация стала оплотом сопротивления западному культурному влиянию, но не только. Аль-Банна определял ислам как всеобъемлющие законы жизни человека и общества, а не только как ритуал и правила индивидуального поведения [5, р. 140; 6, с. 304-306]. В его проповедях ислам стал идеологией, в т.ч. политической, и столкнул АБМ с королевским прозападным коррумпированным режимом. Хасан аль-Банна был убит в 1949 г.

Третьим путем был антизападный национализм различных оттенков. АБМ после краткого сотрудничества с националистическим режимом Гамалы Абдель Насера, свергнувшего короля, была запрещена. Многие «братья» оказались в концлагерях. Среди них идеолог и новый лидер «братьев» Сейид Кутб, казненный в 1966 г.

Параллельно с «прозападными» и «антизападными» (националистическими) тенденциями традиционный ханбалитский ислам, известный под названием «ваххабизма», а потом «салафизма», обрел свою базу на Аравийском полуострове. Его основатель - вероучитель Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб ещё в XVIII в. сформулировал свою доктрину на основе школы Ахмеда ибн Ханбала (VIII в.) и Шейх аль-ислама-ибн Таймийи (XIII-XIV вв.). Ксенофобский, антизападный настрой ваххабитов отвечал идеям мусульманских реформаторов («возрожденцев») как в арабском мире, так и в Британской Индии. Ещё в XIX в. «возрожденцы» из Ахль аль-Хадис (*Ahl al-Hadith*) в Британской Индии установили контакты с ваххабитами.

Арабских реформаторов и ваххабитов в османские и постосманские времена объединяло уважение к Ибн Таймийе, сочинения которого они обильно цитировали. Это не означало, что их доктринальная позиция совпадала. Ваххабиты считали всех несогласных с ними мусульман безбожниками или многобожниками. Реформаторы в Османской империи более гибко относились к этому вопросу. Их мнения совпадали с ваххабитами по оценке легитимности *иджтихада* (индивидуального мнения авторитетного улема в интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников.) Это делало их противниками официального религиозного истеблишмента Османской империи, которое отвергало *иджтихад*. И ваххабиты, и реформаторы считали необходимым очистить поклонение от «новшеств», особенно суфийских. Но отношение к идеологии и практике суфиев у них различалось [7, pp. 213-216].

Аль-Банна разделял с ваххабитами недоверие к западным ценностям и уверенность в том, что ислам - это и подлинная религия, и набор правил для поведения в современном мире. И «братья-мусульмане», и ваххабиты отвергали западный образ жизни, который разлагает и подрывает мусульманские традиции. Хотя ваххабиты лишь позднее столкнулись с представителями Запада, они разделяли мнение «братьев-мусульман» о западной культуре, которая отождествлялась с безбожием, аморальностью и чрезвычайным индивидуализмом.

В условиях подавляющей мощи западных держав в военной, экономической, политической, культурной и других сферах сторонники «возрожденчества» считали ислам основой для сопротивления Западу.

Различия состояли в том, что Ибн Абд аль-Ваххаб в свое время действовал в феодально-племенном обществе, где не было западного влияния, в то время как идеи «братьев-мусульман» были реакцией на конкретное европейское доминирование и культурное вторжение. В каких-то доктринальных вопросах «братья-мусульмане» отличались от ваххабитов. В частности, аль-Банна отрицал практику суфиев лишь в той степени, в которой она противоречила Корану и сунне. Он был не против индивидуального и группового *зикра*³. Но именно *зикр* ваххабиты считали «незаконным новшеством» суфиев [7, р. 217] Аль-Банна не разделял точку зрения ваххабитов, считавших, что большинство мусульман были идолопоклонниками.

Пока что во многом идеи о необходимости противостоять западным ценностям совпадали у тех и других. Более опасные расхождения заключались в том, что ваххабиты всегда поддерживали саудовскую монархию и жили за счет её щедрот, а аль-Банна вообще отрицал легитимность наследственной монархии в исламе. Невозможно даже предположить, что эта точка зрения могла быть популярной среди саудовских улемов.

³ *Зикр* (араб. ذكر - упоминание) - неоднократное поминание верующими Аллаха во время молитвы; у суфиев - экстатический коллективный религиозный ритуал (*прим. авт.*).

Сейид Кутб был категоричен в своей оценке современного исламского общества как «*джахилийи*» (доисламского язычества и варварства). Он призывал к борьбе не только с Западом во всех его формах, но и с современными исламскими правителями, считая их всех (от националистов до монархов) коррумпированными слугами США или в целом Запада. Он практически отошел от логики Ибн Таймийи, который запрещал бунт против любого правителя, даже грешника, если он не заставляет подданных нарушать законы шариата. Кутб призывал к революционному свержению правителей *джахилийи*, чтобы создать общество по идеальным исламским канонам, как во времена пророка Мухаммеда. По Кутбу, когда во главе государства в условиях *джахалийи* стоит правитель-безбожник, он заслуживает смерти [8, pp. 270-271]. Естественно, что такая постановка проблемы не устраивала ваххабитских улемов. Работы Кутба в Саудовской Аравии замалчивались и лишь изредка издавались ограниченным тиражом.

Это не помешало предоставить его брату место профессора в одном из высших мусульманских университетов королевства.

Надо учитывать, что «братья-мусульмане» были разными в разных странах и внутри организации. Среди них были сторонники различных идей и методов борьбы. Сирийские «братья-мусульмане» вступили на путь терроризма против националистического баасистского режима Хафеза Асада, который пошел на жестокую расправу с этой организацией. Египетские «братья-мусульмане» в своем большинстве проявили готовность в какой-то степени «играть по чужим правилам» и приняли участие в выборах в парламент, укрепляя свои позиции внутри страны. Правительство Египта не препятствовало активистам из числа «братьев» участвовать в войне афганской оппозиции против марксистского режима.

До поры до времени все различия между ваххабитами и «братьями» откладывались в сторону.

На Ближнем Востоке в то время господствовали именно националистические идеи, которые приводили к переворотам, свержению монархий в Египте, Ираке, Йемене, Ливии. Национализм означал одну из форм антиколониальной идеологии и был одновременно направлен на снижение роли религии в обществе.

В своем противостоянии с насеровским Египтом и коммунистическими идеями саудовский кронпринц, а затем король Фейсал, политический союзник США, сделал основной упор на исламские ценности, создав Всемирную исламскую лигу и исламский университет в Медине, где три четверти студентов были иностранцами. Пропаганда ислама в его ваххабитском (салафитском) исполнении подпитывалась растущими доходами от нефти.

В годы преследований «братьев» в Египте, Сирии и Ираке Саудовская Аравия и княжества Персидского залива открыли им двери. Бурное развитие образования, в т.ч. религиозного, требовало преподавателей, которых просто не хватало. «Братья»-иммигранты заняли уверенные позиции в системе образования, а их численность и зарплаты росли вместе с нефтяными доходами. Правда, руководящие посты в ваххабитской корпорации улемов им были недоступны. Но под их влиянием появились местные вероучители - в основном среди молодежи, которые проповедовали взгляды реформаторского толка (движение «Сахва» («Возрождение»)) [9]. Идеология «Сахва» была скорее гибридом ваххабизма и доктрины «братьев-мусульман», но первые годы она не затрагивала политических основ режима.

Для США и их союзников выпады против западной системы ценностей в условиях холодной войны против СССР были не особо опасны. Они поддерживали исламистов всех цветов и оттенков с их антикоммунистическими и антисоветскими взглядами и считали джихадистов союзниками США.

Периодом наивысшего сотрудничества ваххабитов, «братьев-мусульман», исламистов из Южной Азии была война в Афганистане против СССР и покровительствуемого им марксистского режима. Оппозиция получила поддержку США - Саудовской Аравии - Пакистана вооружениями и финансами, созданием тренировочных лагерей. Кадры джихадистов пополнялись из всех стран мусульманского мира.

Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. открыл возможности для победы вооруженной оппозиции, а затем и для нового витка гражданской войны. Прошедшие через Афганистан джихадисты рассеялись по другим странам и стали базой движений экстремистов.

ОТ ДОГМАТИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Разрыв между ваххабитами и «братьями-мусульманами» произошел во время войны, которую вела коалиция во главе с США (1990-1991) против Ирака, оккупировавшего Кувейт.

Недовольство саудовским руководством, которое позволило армии «неверных» расположиться на территории, где находятся главные мусульманские святыни, вызвало обвинение в адрес королевской семьи, которая «пошла на сговор» с США во имя западных, а не мусульманских интересов. Волна протестов «братьев» и их сторонников охватила Египет, Тунис, Иорданию и саму Саудовскую Аравию. «Братья-мусульмане» переместились в «проиракский» лагерь, т.е. практически поддерживали светский баасистский режим против ваххабитской монархии. В мусульманском мире сложилось убеждение, что эта война была хитрым

американским заговором, чтобы манипулировать кувейтским кризисом, контролировать нефть Залива, продвигать израильские интересы и усиливать вашингтонскую региональную гегемонию.

Прежнее негласное сотрудничество между ваххабитской корпорацией и «братьями-мусульманами» рухнуло. Раньше их догматические разногласия откладывались в сторону во имя региональной и глобальной борьбы с национализмом, коммунизмом, светскими идеями, западным культурным влиянием. Но война стала «моментом истины». «Братья-мусульмане» высказались в поддержку «мусульманской страны» - Ирака в войне против западных «гяуров» и против саудовского правительства, пригласившего их. «Братьев» поддержали представители близкого им по идеологии саудовского движения «Сахва» и части молодых улемов [10, р. 266].

Напротив, ваххабитская корпорация, неизменный союзник Саудидов, особенно её верхушка - Комитет высших улемов (КВУ), поддержала действия правительства. В январе 1991 г. глава КВУ Абдель Азиз ибн Баз выпустил *фетву*, в которой доказывал, что для защиты мусульманской страны против внешней опасности приглашение немусульманских войск дозволено с точки зрения шариата, даже если это вызовет *фитну* (смуту) с тяжелыми последствиями. Впоследствии он не раз повторял эти аргументы [11, р. 244; 5, р. 184].

Споры по поводу легитимности, с точки зрения ислама, присутствия иностранных войск на территории королевства, сравнительно быстро переросли в обсуждение вопроса о самих основах саудовской политической системы и легитимности правящей семьи Саудидов.

Самая сильная критика исходила из рядов молодых улемов, которые находились под влиянием идей «братьев-мусульман» и движения «Сахва». В некоторых мечетях в пятничных молитвах зазвучала критика решения правительства пригласить войска американцев, чтобы защитить землю ислама. Можно ли считать правительство, которое прибегло к такой мере, легитимным исламским правительством? В сентябре 1990 г. известный улем Сафар аль-Хавали стал распространять на аудиокассетах одну из своих резких антиправительственных проповедей, а затем статьи и брошюры о кризисе в Заливе, об отношениях между США и мусульманским миром. Он полагал, что реальный противник Саудовской Аравии - не Ирак, а Запад.

Аль-Хавали интерпретировал факт присутствия иностранных вооруженных сил на саудовской территории как проявление возросшей зависимости королевства, его правительства и общества от Запада. Война в Заливе, с его точки зрения, дала возможность для западного доминирования в регионе. Он не был сторонником баасистского режима в Ираке, но ставил вопрос: как можно было прибегать ко «злу большему, чем Саддам, то есть к США», для того, чтобы освободить Кувейт? [3, р. 160].

Другой уважаемый исламский улем - Сальман аль-Авда тоже стал выступать в пятничных молитвах с критикой саудовского правительства. Он считал, что в исламском мире порядок основывается на шариате, а это подразумевает невозможность использовать немусульманские войска для войны против армии Садада Хусейна [3, р. 161].

В первые месяцы 1991 г. духовное брожение в саудовском обществе усилилось. Это было время открытых писем, адресованных королю с требованием реформ.

Первое письмо, известное как «Светская петиция», чтобы отличать её от других посланий, была подписана 43 публичными фигурами, включая бывших членов кабинета, влиятельных женщин-представительниц бизнеса, писателей и университетских профессоров. Они предлагали 10 реформ, в т.ч. создание Консультативного совета (*маджлис аш-шура*) из представителей общественного мнения, формирование муниципальных советов, модернизацию юридической системы, обеспечение полного равенства между всеми гражданами, большую свободу прессы, чтобы пропагандировать «веление благого и запрещение нечестивого», реформу религиозной полиции - т.е. самого «Комитета по велению благого и запрещения нечестивого», большее участие женщин в политической жизни в рамках шариата. Их требования отражали общее разочарование части общества существующим положением. «Светская петиция» требовала ограничить излишнее влияние активистов религиозной полиции - *мутава*. Поэтому на неё и наклеили ярлык «светская». На самом деле все требования были выражены в рамках шариата [3, р. 163].

В мае 1991 г. королю Фахду было направлено другое письмо, т.н. «Религиозная петиция». Она была подписана 52 исламистами, включая аль-Хавали. Американский исследователь Дж.Кешишьян считает, что она была подписана также Ибн Базом и Аль-Усаймином, стоящими во главе корпорации ваххабитов [2, р. 200]. Подписанты требовали увеличить роль улемов в обществе, усовершенствовать законы и регулирования, юридическую систему и суды, общественную администрацию, экономику и финансы, социальные институты, армию, СМИ, внешнюю политику. Они требовали «исламизировать» политику Саудовской Аравии, а главное - увеличить роль улемов во всех правительственных учреждениях, включая министерства и посольства, «исламизировать» все институты власти и политику и лучше распределять богатства, создать независимый совещательный совет [3, р. 164; 11, р. 214].

Но исламисты-диссиденты не сделали свое «письмо» (*насыха*) закрытым, как они обещали Ибн Базу, а широко его опубликовали. Комитет высших улемов в фетве 3 июня 1991 г. осудил «Религиозную петицию». Он настаивал на том, что прибегать к совету властям (*насыха*) можно лишь в определенных условиях, прежде всего, делать это секретно, чтобы не вызвать смуты - *фитна* [11, р. 246]. Во главе опять же с Ибн Базом был создан специальный орган, чтобы цензурировать все проповеди и распространяемую религиозную литературу [там же, pp. 246-247].

Политическая ситуация в стране стала фокусом дебатов и критики. Важно отметить, что американские войска после войны полностью не были выведены из Саудовской Аравии, сохранили крупные военные базы, что подрывало репутацию правительства, возмущало и светскую, и религиозную оппозицию. Общество было всё более расколото, и новая терминология политического и религиозного диссидентства стала частью политического дискурса.

Король Фахд, кронпринц Абдаллах и люди из их окружения аккуратно маневрировали, кое в чем уступая критикам. Отвергая существенные реформы, они предпочитали, чтобы борьба не выходила за пределы догматических разногласий. Шаткость монархий показала недавняя иранская революция, когда сложилось единство религиозного шиитского истеблишмента на базе оппозиции. Пока что обстановка в Саудовской Аравии была иной [2, р. 109].

Нельзя сказать, что все эти петиции разного плана, письма властям, заявления, выступления оставались просто сотрясанием воздуха. Среди тех, кто принимал решения, пусть замедленные, пусть вызванные необходимостью согласовывать мнения среди разросшегося «коллективного руководства», были и те, кто прислушивался к высказанным соображениям, и в какой-то степени применял их на практике. Главная задача состояла не в исполнении этих «советов» ради удовлетворения пожеланий тех или иных интеллектуалов, а в том, чтобы укрепить позиции «господствующего племени», сбить какие-то диссидентские настроения и не дать им обрести организационную форму противостояния власти.

Необходимость законодательного оформления структуры власти, обещанная ещё Ибн Саудом, была очевидной.

ДЕКРЕТЫ 1992 ГОДА

Под давлением внутренних требований, понимая, что нужно формально упорядочить архаическую структуру власти, король Фахд в марте 1992 г. издал ставшие знаменитыми три декрета (*низама*).

Первый декрет - Основной закон правления (иногда неверно называемый «конституцией», что противоречило шариату). В нём говорилось: система правления Саудовской Аравии - монархическая, династическое право передается сыновьям основателя - короля Ибн Сауда и сыновьям его сыновей. Самый достойный из них займет трон через процесс *байа* (принесение присяги. - *А.В.*), чтобы править в соответствии с Книгой Аллаха (Кораном) и Сунной Пророка.

Ст. 6 констатирует, что граждане должны выражать преданность королю, подчиняться ему и в хорошие, и в плохие времена. Это было прямым ответом оппозиции на критику режима в условиях кризиса в Заливе.

Создавался Консультативный совет (*маджлис аш-шура*). Его появление учитывало требования, выраженные в петициях. Закон о Консультативном совете объявлял, что он создается из 60 членов (в 1997 г. это число было увеличено до 90) и председателя. Все они назначаются королем, который выбирает людей ученых, людей знания и опыта. Консультативный совет появился в конце декабря 1993 г.

Третья реформа касалась провинции. Перед 1992 г. в Саудовской Аравии не было ясно сформулированного положения о местной администрации. Статус эмира провинции, его связи с королем определяли отношения с центральным правительством. Новый закон обозначил обязанности провинциальных губернаторов (эмиров) и подтверждал роль министра внутренних дел в наблюдении за региональной администрацией [3, pp. 167-169; 12, р. 55; 2, pp. 209-240].

И обществом, и ваххабитской верхушкой, и за границей эти декреты восприняли как канонизированное сохранение политического статус-кво, украшенное различными формулами, почерпнутыми из шариата или из конституций других стран.

Но почему же американский исследователь истории семейства Саудидов Джозеф Кешишьян, имевший личный доступ ко многим членам «господствующего племени», категорически считает, что наследник престола Абдаллах «был возмущен» первым декретом о государственном устройстве? [2, р. 73] Невидимый для широкой публики кризис внутри правящего племени произошел сразу после опубликованных королевских декретов.

Важной была формулировка «наиболее достойный» для характеристики наследника - будущего монарха. Это означало, что назначение не было связано со старшинством по возрасту среди сыновей Ибн Сауда.

Подразумевалось, что и дети основателя королевства, и внуки его могут претендовать на трон. Мало того, 3-й раздел ст. 5 Основного закона гласил: «Король выбирает наследного принца и смещает его своим указом». Формально это означало, что и сыновья Фахда и несколько десятков других внуков Абдель Азиза также могли претендовать на трон. В будущем чисто теоретически Абдаллаху могли отказать в престоле. Лишь публикация в тот же день декрета о «переназначении» его командующим Национальной гвардией успокоила страсти. Всё как бы оставалось по-прежнему.

Король Фахд получил законную новую власть, но воспользоваться ею не смог. Вмешалась судьба: в 1995 г. он пережил тяжелый инфаркт и выбыл на оставшиеся 10 лет жизни из реальной политики. Иногда в инвалидной коляске он выполнял кое-какие представительские функции, но не больше.

Забегая вперед, отметим, что, очутившись на троне в 2005 г., Абдаллах как будто получил и законную власть выбирать себе наследника. Не тут-то было! Преобладающее влияние оставшихся членов «Семерки Судейри» не только ограничивало его власть. Уже 19 октября 2006 г. он издал указ о Комитете по принесению клятвы, который урезал его собственные полномочия [13, с.10]. Вряд ли этот декрет он издал добровольно.

Были внесены изменения в Основной закон правления на основе Закона о Комитете по принесению клятвы. Если ранее текст 3-го раздела ст. 5 Основного закона правления предполагал, что «король выбирает наследного принца и смещает его своим указом», то новая редакция подчеркивала, что «призыв принести клятву верности королю и выбрать наследника престола осуществляется на основе закона о Комитете по принесению клятвы». Практика, определяющая право короля самостоятельно назначать вторую фигуру политического руководства, перешла к коллективному органу, который включал сыновей короля-основателя Ибн Сауда. В некоторых случаях кто-то из сыновей мог быть представлен внуком короля. Создавалось коллективное наследственное «политбюро» правящего племени, состоящее из сыновей Ибн Сауда и в ряде случаев из его внуков.

В начале XXI в. ещё были живы 25 сыновей Ибн Сауда и примерно две сотни взрослых внуков. Некоторые не претендовали на высшую власть, у других не хватало поддержки братьев [2, pp. 71-72]. Фактически создание этого «политбюро» племени закрывало путь к власти сыновьям самого короля. На очереди оставались всё равно Аль Судейры - Султан, Наиф, Сальман. Но на публике это выглядело как сохранение статус-кво.

ОППОЗИЦИЯ И ВЛАСТЬ

Некоторые уступки правительства отнюдь не умиротворили улемов-диссидентов. Их осуждение действий правительства, его связей с Западом звучали все громче.

Майская петиция 1991 г. стала основой более подробных требований под названием «Меморандум совета». Это целая брошюра, направленная Ибн Базу в сентябре 1992 г. и подписанная 107 исламистами. «Меморандум» повторил прежнюю петицию и добавил и расширил её тематику. Он требовал увеличить права проповедников в мечетях при обсуждении политических и текущих дел. «Меморандум» требовал также уважения прав человека так, как это определено в шариате: только на основе шариата можно было задерживать индивидуума, нужно было запретить все формы пыток, наблюдения и шпионажа за людьми. Саудовские медиа должны проповедовать исламские принципы и выражать мнение по текущим делам и поведению правителей, обеспечивать преграду коррумпизирующему западному влиянию.

Не были оставлены без внимания и вопросы внешней политики. «Меморандум» требовал от правительства проводить «исламскую» внешнюю политику. Осуждалось даже использование в посольствах большего числа женщин как проявление конкретной вестернизации и коррупции. «Меморандум» требовал устранить неравенство в распределении богатства, расходовать больше средств на социальные нужды, образование, здравоохранение и не помогать режимам, которые не следовали исламским принципам.

В целом, «Меморандум» выступал за серьезную реформу саудовского общества и политики правительства, включая задачу увеличить вес улемов в административных структурах. Это была попытка исламистов добиться больше власти и влияния, что привело бы к снижению власти Аль Саудов, экономической элиты и «официальной» ваххабитской корпорации, в которой представителей движения «Сахва» не допускали на высшие посты.

«Меморандум» был опубликован как внутри, так и вне Саудовской Аравии. Правительство потребовало извинения от подписантов. 16 сентября 1992 г. Комитет высших улемов издал *фетву*, осуждающую «Меморандум» исламистов. Её подписали, даже не читая, многие улемы. Правда, сам Ибн Баз осудил факт публикации «Меморандума», но не его содержание. Он повторил, что советы правительству были обязанностью улемов, но должны даваться в тайной форме, а не публично [3, pp. 164-165; 11, pp. 245-246].

Начались репрессии. Начиная с конца 1992 г. исламистские лидеры-диссиденты стали терять работу, попадали под домашний арест, заключались в тюрьму. Больше влияния получили *мутава* из религиозной полиции. Министерство внутренних дел, службы разведки, безопасности были мобилизованы на то, чтобы сдерживать активность оппозиции. Это включало наблюдение за публичными дискуссиями, проповедями в мечетях, а также запрет на распространение печатной литературы и кассет, содержащих послания, которые считали враждебными правительству или критиковали правящую династию [11, p. 249; 3, p. 169].

3 мая 1993 г. 6 религиозных саудовских авторитетов открыто бросили вызов Саудидам, объявив о создании Комитета защиты легальных прав (КЗЛП - *CDLR*). Его миссия состояла в том, чтобы «бороться за ликвидацию несправедливости, восстановление легитимных прав и гарантию для народа выражать свои мнения свободно, жить в чести и достоинстве в обстановке равенства и справедливости»⁴.

Среди самых харизматических религиозных лидеров-диссидентов, поддержавших создание комитета, были Сальман аль-Авда и Сафар аль-Хавали, которые с 1991 г. не раз вызывали гнев правительств. Многие из основателей комитета были молодыми улемами, которые находились в оппозиции к старшим улемам. Не стоит удивляться тому, что Комитет высших улемов назвал новую организацию «нелегитимной». Король Фахд предупредил, что будут приняты жесткие меры против «экстремистов». Начались новые аресты. Только 7 улемов отказались поставить свои имена под официальным ответом КВУ, и за это были отправлены в отставку. Шестеро основателей КЗЛП были лишены своих постов, арестованы и допрошены. Через несколько дней их лидер Мухаммед аль-Масаари тайно перебрался в Йемен, из Саны перелетел в Лондон и попросил политического убежища [2, pp. 108-109].

Материалы КЗЛП с вызовом королевской семье, критикой её подчинения западному диктату распространялись по радио, факсами по всему миру, включая Саудовскую Аравию. Они были доступны и тем, кто стал пользоваться Интернетом. Многие аргументы КЗЛП носили резко антизападный характер, западный мир называли «империалистами», которые используют саудовских правителей «как своих слуг». Пропаганда комитета утверждала, что институт монархии вообще нелегитимен в исламе [2, pp. 109-112; 3, p. 171].

Раньше заграничная оппозиция была основана на левых, марксистских и националистических идеях. В 1990-х гг. она использовала в основном исламскую риторику.

Аль-Масаари стал освещать и более общие проблемы арабского мира и отошел от исключительно саудовской тематики. Другая важная фигура в КЗЛП - Саад аль-Факих в марте 1996 г. покинул организацию и создал собственную - Движение исламской реформации (ДИР - *MIRA*) [5, p. 183].

С 1992 по 1994 г. в Саудовской Аравии усилилась кампания против исламистских диссидентов. Аль-Хавали и аль-Авда были арестованы. В 1994 г. министр внутренних дел принц Наиф признал, что было арестовано 110 саудовских граждан за акции, которые «подрывали национальную безопасность» [3, p. 169]. Назывались и большие цифры заключенных [10, p. 3]. О подобных арестах раньше предпочитали вообще не говорить, но после войны в Заливе стало труднее скрывать эту информацию. Естественно, что против диссидентов выступала и правительственная, и проправительственная печать.

В 1994 г. власти решили покончить с открытыми диссидентами из движения «Сахва». Комитет высших улемов подверг анализу их публикации, проповеди на аудиокассетах, признал их противоречащими ваххабитской доктрине и призвал главные фигуры движения признаться в том, что они были неправы. Когда они отказались это сделать, Ибн Баз запретил им выступать публично. Вскоре правительство бросило их в тюрьму [5, p. 182]. Некоторые сторонники Комитета защиты легальных прав в 1995 г. были приговорены к высшей мере наказания. Это усилило оппозиционные настроения. К протестам присоединились студенты из 8 мужских университетов. Кое-кто из сферы бизнеса тоже выступал против попыток семьи контролировать всю экономическую жизнь в королевстве [2, p. 113].

Оппозиционеры от ислама называли официальных богословов «дворцовыми улемами». В 1996 г. верховный муфтий Саудовской Аравии Ибн Баз выступил с *фетвой*, отмечавшей, что «религии дозволено лишь подчинение правителю», отход же от «послушания и подчинения сеет огромные беды, нарушает безопасность и наносит ущерб людям». Ответом на это оппозиция стала использовать термин «отлучение от религии» (*ат-такфир*) высших политических и религиозных сановников. Одним из первых был «отлучен» Ибн Баз [13, с. 24-26].

Разногласия между ваххабитами, движением «Сахва» и «братьями-мусульманами» облекались в форму дискуссии о том, как интерпретировать нормы шариата, те или иные религиозные догмы. Но политические разногласия, скрытые за религиозным дискурсом, и по сути, и по методам их пропаганды становились всё глубже.

⁴ *CDLR Yearbook 94-95*, November 1994, London: The Committee for the Defense of Legitimate Rights. Pp. 9-10.

ПОИСКИ КОМПРОМИССА

После терактов в Эр-Рияде в 1995 г. и в Дахране в 1996 г. (о них позднее), когда погибли и саудовцы, и американцы, правительство в конце 1990-х гг. проявило определенную гибкость. Было решено восстановить сотрудничество с религиозными лидерами-диссидентами и одновременно относиться терпимо к шиитам в Восточной провинции. Но вместе с тем было дано дополнительное материальное стимулирование военнослужащим и полиции.

В 1999 г. из тюрьмы были освобождены аль-Хавали и аль-Авда. Им разрешили преподавать и публиковаться в надежде, что сотрудничество с уважаемыми улемами-диссидентами укрепит позиции и правительства, и ваххабитской корпорации. Освобожденные шейхи «Сахва» осудили теракты в самой Саудовской Аравии, но продолжали критиковать связи правительства с Вашингтоном. Когда же американцам не удалось стабилизировать ситуацию в Ираке после свержения Саддама Хусейна, снова появились разногласия между представителями «Сахва» и саудовским правительством. Некоторые улемы поддерживали джихад в Ираке против американцев и объявляли безбожниками всех, кто не был согласен с глобальным джихадом [2, p. 106; 5, p. 195].

Были разрешены публичные дискуссии. Обсуждались взгляды и ваххабитов, и «Сахва», и джихадистов, и либеральных исламистов. В открытых дискуссиях ваххабитские улемы теряли позиции при спорах со сторонниками «братьев». В ходе полемики Ибн Баз и другие видные улемы выступали против сочинений Сейида Кутба и более умеренных «братьев-мусульман».

Признанные лидеры ваххабитской корпорации уходили из жизни и с политической сцены. Ибн Баз умер в мае 1999 г., а Мухаммед ибн Салих аль-Усеймин - в январе 2001 г. Других улемов такого калибра и влияния не было.

Ибн Баз описывал арабский национализм как атеистическую *джахилию*, т.е. варварство и невежество, цель которой была разрушить ислам. В учебниках по истории, которые курировал Комитет высших улемов, арабский национализм определялся как «европейский по происхождению, еврейский по мотивациям». Он ведет к конфликту и шовинизму и противоречит духу ислама. Национализм является заговором Запада и сионизма, чтобы подорвать единство мусульман. Озападнивание ведет к потере исламских идеалов и вредит исламской практике. Политически озападнивание поддерживает «введение западных политических систем, политических партий и парламентов, что приводит к разрушению социальных связей, единства и консенсуса». Вестернизация ведет «к смешению полов, открытию ночных клубов, отмене хиджаба, внедрению западного банковского интереса, празднованию немусульманских праздников, таких как Рождество, День матери и День труда» [3, p. 181].

Правительство назначило представителя семейства Аль аш-Шейха главой Комитета высших улемов, другой стал министром исламских дел (*Minister of Islamic Affairs*) [11, p. 179]. Прямое потомство Ибн Абд аль-Ваххаба и в XXI в. имело свой наследственный историко-символический капитал, демонстрируя сохранение и передачу «подлинной религии».

Политизация догматических разногласий отражала общую обстановку напряженности в стране. Но в конце прошлого - начале нынешнего века ещё было сложно определять силу или слабость оппозиции на основе материалов в электронных и печатных СМИ и растущего использования Интернета. Внутри Саудовской Аравии голос религиозных диссидентов был приглушен, а эмигрантские организации задыхались от безденежья и нехватки активных кадров.

На горизонте уже появились первые облака приближавшейся песчаной бури - активность бескомпромиссной по своей антизападной и антимонархической риторике и беспощадной по террористической практике глобальной организации «Аль-Каида». Её основание и деятельность связана с именем саудовца Усамы бен Ладена⁵.

ПОРЫВЫ БУРИ. БЕН ЛАДЕН И «АЛЬ-КАИДА»

В 1980-е гг. бизнесмен Бен Ладен сотрудничал с саудовской разведкой для поддержки афганской вооруженной оппозиции против советских войск и прокоммунистического правительства и, соответственно, получал полное одобрение Вашингтона. Он собирал в Саудовской Аравии средства на «афганский джихад», помогая вооруженной оппозиции деньгами, оружием, дорожной и другой техникой. После ухода советских войск из Афганистана Бен Ладен создал организацию «Аль-Каида» вначале для того, чтобы собирать информацию об активности мусульманских ветеранов, рассеявшихся по всему миру. В Афганистане началась

⁵ Усама ибн Ладен; его имя и в российских, и в западных СМИ пишется и звучит как Усама бен Ладен, поэтому в тексте автор сохраняет устоявшуюся форму.

гражданская война, в которой столкнулись разные мусульманские группировки. В 1996 г. верх взяли талибы, идеология которых была близка ваххабитам.

Бен Ладен вернулся в Саудовскую Аравию, где рассказывал о своих недавних «подвигах».

Когда в 1990 г. Ирак вторгся в Кувейт, он предложил саудовскому руководству организовать сопротивление с опорой на ветеранов Афганистана. Его призыв не был воспринят серьезно. Поэтому Бен Ладен стал повторять в своих заявлениях аргументы движения «Сахва», утверждавшего, что Саудиды правят страной, нарушая законы шариата, и поставили нефтяные богатства на службу американским интересам [5, pp. 185-186].

Затем Бен Ладен поселился в Судане и стал устанавливать деловые связи в Европе, Африке и Азии, которые были прикрытием для финансовых операций «Аль-Каиды». Он также создал Комитет совета и реформы как платформы для перемен в Саудовской Аравии, приняв программу «меморандума», выпущенного в 1992 г. саудовскими исламистами-диссидентами. В 1995 г. Комитет совета и реформы призвал монархию отвергнуть все законы, созданные человеком, принять меры для ликвидации задолженности граждан и безработицы, перестать тратить богатства страны на роскошные дворцы для членов королевской семьи. Это заявление завершалось призывом к королю Фахду покинуть трон. Так Бен Ладен в открытую бросил вызов и Саудидам, и ваххабитскому истеблишменту. Он обвинил Ибн База в «предательстве» ислама, «чтобы услужить своим хозяевам - Саудидам». Когда в 1994-1996 гг. власти нанесли удар по религиозным диссидентам, он осудил преследование улемов из движения «Сахва» [5, p. 186].

По мнению Бена Ладена, США - лидер «крестоносно-сионистского» союза, а Вашингтон вдохновлял преступления против мусульман повсюду. А самое последнее - это американская оккупация Саудовской Аравии. «Они пришли, чтобы господствовать, а не защищать эти земли». Он оправдывал теракты как защитную реакцию мусульман на унижение, угнетение и нищету. В этих условиях главным долгом мусульман было освободить землю двух святых от американской оккупации [5, p. 188-189].

«Аль-Каида» организовала в 1995 г. теракт в Эр-Рияде, жертвами которого стали и американцы, и саудовцы. Вашингтон и Эр-Рияд оказали давление на Хартум, добившись высылки Бена Ладена. В мае 1996 г. он вернулся в Афганистан, где к власти уже пришли талибы, и через несколько месяцев, в августе 1996 г., объявил о новом этапе своей миссии, издав «Декларацию объявления джихада против американской оккупации земли двух святых».

Этот документ, опубликованный в Лондоне организацией ДИР (*MIRA*), изобилует цитатами из Корана, хадисами и ранней исламской риторикой, чтобы обвинить во всех грехах Саудилов и США. Он призвал к восстанию против Саудилов и к джихаду против США. В этой декларации Бен Ладен повторил аргументы диссидентов из «Сахва», которые они высказали в начале 1990-х гг.: в стране - плохое руководство экономикой, в результате - инфляция, безработица, нищета, ограничение добычи нефти для установления цен в интересах Вашингтона, а не мусульман, неумелое руководство национальной обороной.

В декларации утверждалось, что король Фахд лгал, заявляя в 1990 г., что американские войска останутся в Саудовской Аравии только короткое время. Обвиняя Саудилов, эта декларация использовала аргументы Сейида Кутба, который считал, что мусульманские правители опираются на законы, созданные человеком, а не на шариат, что они вступили в союз с «неверными» против мусульман и таким образом стали вероотступниками.

Бен Ладен следовал логике, высказанной Сейидом Кутбом: правитель, который не правит в соответствии с шариатом, является «неверным» и должен быть свергнут. Ваххабитская доктрина позволяет не подчиняться правителю лишь в том случае, если он требует от верующих нарушать религиозные законы. Таким образом, согласно ваххабитской доктрине, правитель может считаться «неверным», только если он открыто отвергает авторитет религии и требует от верующих его нарушать.

Пока что Бен Ладен в соответствии с существовавшими правилами джихада не призывал к терактам против гражданского населения, но вскоре изменил свое мнение. Раз США убивают мирных мусульман, то все американцы несут ответственность за политику своего правительства, которое они избрали и которому платят налоги. Если американцы хотят, чтобы на них не нападали, они должны избрать такое правительство, которое прекратит американскую войну против мусульман [5, pp. 189-190].

Появление Усамы бен Ладена и его организации «Аль-Каида» можно объяснить убеждением экстремистов, поставивших задачу освободить мусульман от угнетения иностранцами или режимами апостатов. Логика «Аль-Каиды» противоречит ваххабитской доктрине по двум важнейшим пунктам. Во-первых, «Аль-Каида» призывает свергнуть власть Саудилов. Во-вторых, призыв к джихаду против Запада с точки зрения ваххабитов не является легитимным, т.к. лишь правитель может объявлять джихад.

Происхождение Усамы бен Ладена и поддержка Саудовской Аравией «Аль-Каиды» на первом этапе её деятельности производили впечатление, что ваххабизм был как бы базой религиозного насилия в различных частях мира. Дело было сложнее. В каждой из доктрин экстремисты искали и находили аргументы для

своих действий, поэтому среди «братьев-мусульман» выделился Сейид Кутб. А в основу своей идеологии «Исламское государство» (*ISIS*), которое сначала следовало «Аль-Каиде», а потом откололось от неё, положило труды основателя ваххабизма Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба [3, pp. 178-179].

Норвежский исследователь джихадизма Т.Хеггхаммер писал: «“Аль-Каида” - это политическое движение, основанное на идее: “мусульманская нация” подвергается агрессии со стороны внешних сил, и все мусульмане обязаны прийти на помощь другим мусульманам, которые находятся в трудном положении». Эта идея требует глобального джихада против как западных держав, так и арабских режимов, которые их поддерживают. Конечная цель борьбы - изгнать все немусульманские страны с мусульманских территорий, свергнуть режимы, которые считались вероотступниками, и установить вновь единство уммы в рамках хорошо управляемого халифата. По отношению к Саудовской Аравии «Аль-Каида» объявила своей целью - изгнать американские войска с территории двух святынь; с помощью политических и военных средств бороться против монархии, которая считалась скомпрометированной сотрудничеством с Западом; дискредитировать религиозный истеблишмент (цит. по [11, p. 250]).

Передача именно ваххабитского понимания ислама, при предпочтительном названии этого движения салафитским, породила последователей во всех концах мира от Нью-Джерси до Амстердама, Парижа, Кувейта и Джакарты [10, p. 268]. Джихадисты находили активных сторонников именно среди салафитов.

Идеологическая и пропагандистская борьба ваххабитской корпорации с «Аль-Каидой» была жесткой и бескомпромиссной. Учитывая, насколько опасным был идеологический аргумент в руках экстремистов - *такфир*, т.е. обвинение в неверии мусульманских правителей, именно против него были направлены теоретические рассуждения ваххабитов [11, pp. 253-255].

11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА. ТЕРАКТЫ В США И ВСЕМИРНЫЙ ОТКЛИК

Новым «моментом истины» стали теракты в США 11 сентября 2001 г. Они вызвали осуждение большинства мусульманского мира - от «братьев-мусульман», Аль-Азхара, видных политических и религиозных авторитетов в исламе до главы Комитета высших улемов Саудовской Аравии Абдель Азиза Аль аш-Шейха. Главным организатором объявили Бен Ладена.

В оценке мотивов и исполнителей терактов в США среди аналитиков и политических деятелей нет единства. Сошлюсь на мнение главы советской разведки Леонида Владимировича Шебаршина:

«Кто и зачем организовал эти теракты, станет известно лет через пятьдесят, может быть, - никогда, - говорил он. - Не могу себе представить, чтобы такие сложные, многоходовые действия: одновременный захват четырех пассажирских лайнеров, точные удары по двум небоскрегам и Пентагону, наличие 15 саудовцев среди участников - чтобы всё это было запланировано где-то в афганской пещере. Всегда остается вопрос: а кому это было выгодно?»⁶.

Глава Министерства внутренних дел Саудовской Аравии Наиф ибн Абдель Азиз и многие другие главные принцы считали, что теракты организовали «сионисты», что это был «еврейский заговор» [4, pp. 175-176]. Несмотря на большое количество последующих репортажей в медиа и информации о Бен Ладене и его сети, дело выглядит так, что твердые доказательства по этому поводу ускользают [3, p. 178]. Но господствует до сих пор другая точка зрения - виновна «Аль-Каида» и лично Бен Ладен.

Саудовская Аравия порвала отношения с Афганистаном и талибами в сентябре 2001 г. В ответ Бен Ладен назвал ваххабитских улемов «коррупцированными марионетками режима апостатов», которые отказываются признать необходимость вести джихад против США. Внутри ваххабитского истеблишмента также шли дискуссии. Среди выступавших были сторонники Бен Ладена. Но руководство ваххабитской корпорации осуждало и теракты, и любые формы экстремизма [5, p. 195]. В киберпространстве «Аль-Каида» пыталась оправдать убийство гражданских лиц по своей логике - раз американцы убивают мирных жителей, можно убивать и их самих [11, p. 195].

Руководство талибов отказалось выдать Бен Ладена. Американцы вместе с союзниками решили вторгнуться в Афганистан. Военные действия координировало американское командование, расположенное на базе Эмир Султан - тогда крупнейшей и самой современной на Ближнем Востоке - в саудовской провинции Аль-Хардж [16, p. 12]. Об этом публично заявили в Вашингтоне с пропагандистской целью подтвердить участие в операции весомой мусульманской страны. Учитывая обстановку в обществе, где многие одобряли теракты и положительно относились к режиму талибана, кронпринц Абдаллах распорядился запретить вылеты американской авиации с этой базы для ударов по Афганистану, несмотря на личный визит к нему министра обороны США Д.Рамсфелда. После неудачи в Эр-Рияде тот полетел в Оман и договорился об ис-

⁶ Из беседы автора с Л.В.Шебаршиным. Сентябрь 2001 г.

пользовании местных аэродромов [4, pp. 177-178]. Реально предположить, что администрация США просто игнорировала заявление кронпринца и использовала по своему усмотрению базы в Саудовской Аравии.

Война началась 7 октября 2001 г., но Кабул был взят не американцами и их натовскими союзниками, а силами Северного альянса (в большинстве - таджики), который поддерживали Россия и Иран (надежды РФ и Ирана на будущее сотрудничество с США оказались тщетными).

Американское вторжение смело талибанское правительство. Сотни военнослужащих, среди них немало саудовцев, были направлены в концлагерь Гуантанамо, где оставались много лет. Хотя «Аль-Каида» потеряла свою базу в Афганистане, в последующие годы она смогла совершить теракты в Саудовской Аравии, Марокко, Испании, Турции, Индонезии, Кении и Египте. Многие саудовцы вернулись в королевство и стали костяком беспощадной террористической организации «Аль-Каида на Аравийском полуострове» [5, pp. 123-124]. Бен Ладен бежал в Пакистан, где в 2011 г. его схватили и якобы убили американские спецназовцы.

ВТОРЖЕНИЕ В ИРАК И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Легкая победа в Афганистане обернулась затяжной войной, десятками тысяч афганских жизней, триллионами долларов американских расходов и ровно через 20 лет завершилась позорным бегством США. Но в тот момент победная эйфория подталкивала Буша-младшего и его администрацию к новой войне, последствия которой ни в региональном, ни в глобальном плане в Вашингтоне не смогли просчитать.

Буш-младший готовился к президентским выборам 2004 г. и нуждался в громком военном успехе. Ирак представлялся наиболее удачной целью. Шла американская пропаганда во главе с руководством страны о якобы накоплении Ираком химического, биологического и даже ядерного оружия, о его угрозе соседям, американским интересам в регионе, о связях Ирака с «Аль-Каидой», а значит с возможным соучастием в терактах 11 сентября 2001 г.

Американский «Центр гражданской ответственности» совместно с Фондом за независимость журналистики провели исследование и подсчитали, что с сентября 2001 г. по сентябрь 2003 г. руководство США сделало 935 заявлений по Ираку, которые не соответствовали действительности, т.е. лгало, искажало или передергивало факты. Соответственный поток информации направлялся и на Саудовскую Аравию [1, с. 419-420].

С точки зрения Москвы, проводя отдельные военные операции против Ирака в 1990-х - начале нулевых годов XXI в., США намеренно игнорировали возможности политического решения конфликта с Багдадом и усугубляли кризис. Россия, только что пережившая тяжелейший экономический спад, не хотела вступать в конфронтацию с США и их союзниками даже на уровне риторики, но все же пыталась предупредить войну. Речь шла о серьезных экономических интересах России в Ираке. Но ослабленной России приходилось мириться с политическими и экономическими реалиями [там же, с. 420-421].

Саудовское руководство было против намерения США вторгнуться в Ирак. Противоречия между ослабленным режимом Саддама Хусейна и Ираном улучшали позиции королевства в регионе Персидского залива. Американская оккупация Ирака означала бы появление в Багдаде правительства шиитского большинства, дружественно относящегося к Ирану и к саудовским шиитам в Восточной провинции. Антиамериканские и, соответственно, антиправительственные силы внутри королевства получали бы дополнительные аргументы для своей пропаганды и терроризма.

События подтвердили реальность этих опасений.

Подготовка к американскому вторжению в Ирак пришлось как раз на период резкого ухудшения личных отношений между принцем Абдаллахом и президентом Бушем-младшим. Абдаллах серьезно работал над поисками израильско-палестинского и арабо-израильского примирения в условиях новой интифады в Палестине. Саммит арабских государств в марте 2002 г. принял саудовский план - полное освобождение оккупированных в 1967 г. территорий в обмен на полную нормализацию отношений между Израилем и всеми арабскими государствами. Премьер-министр Израиля Ариэль Шарон немедленно отверг предложенную инициативу: у израильского руководства были другие стратегические задачи. Как обычно, Буш-младший поддержал Израиль и предложил американское «решение» - распространение «демократии» в регионе. Это был удар лично по Абдаллаху и всем Саудидам [14, p. 138].

Выражая мнение саудовского руководства по поводу приближающейся войны, бывший глава саудовской разведки принц Турки аль-Фейсал, который в тот момент был послом в Великобритании, писал в «Нью-Йорк таймс»: «Военное вторжение американских солдат не будет приветствоваться ни иракским народом, ни другими народами региона. Мы, саудовцы, должны будем жить с последствиями» [14, p. 140]. Он выражал мнение и Абдаллаха, и всех главных принцев. Вне их внимания вряд ли осталось заявление Бен Ладена в феврале 2003 г. накануне войны в Ираке: «Идет... подготовка крестоносцев к войне с целью окку-

пировать одну из бывших столиц ислама, разграбить богатства мусульман и установить марионеточное правительство, которое будет слушаться своих хозяев в Вашингтоне и Тель-Авиве, чтобы расчистить путь к созданию Великого Израиля» [14, pp. 141-142].

Расчеты Бен Ладена заключались не в защите Ирака, а в организации восстания в королевстве против власти Саудидов [14, p. 143].

22 января 2003 г. в Эр-Рияде были убиты 2 офицера саудовской службы безопасности. Произошло первое боевое столкновение в городских условиях с теми, кого власть в дальнейшем называла «заблудшая секта» (*аль-фия ад-далля*), а точнее - с террористами из «Аль-Каиды» [13, с. 24-25].

Война приближалась. В египетском Шарм-аш-Шейхе 1 марта 2003 г. собрался саммит Лиги арабских государств. Заключительное коммюнике, принятое единогласно, выражало «полное неприятие любых военных действий против Ирака» и «разрешения кризиса по международным каналам». В заключительном коммюнике участники призвали арабов не участвовать в какой-либо военной акции, направленной против безопасности и территориальной целостности Ирака или какой-либо арабской страны, а в данном случае задействовать ООН. Они отметили, что серьезная опасность, грозящая Ираку со стороны США, может привести к опасному возгоранию ситуации с тяжелыми последствиями для арабского мира [4, p. 188].

Было ясно, что американцы вновь попытаются использовать территорию, точнее - базы в Саудовской Аравии, для ударов по Ираку. Чтобы показать, что саудовские власти отвечают запросам общественного мнения, выступающего против США, Абдалла по телевидению зачитал политическое заявление короля Фахда - королевство «ни при каких обстоятельствах» не будет участвовать в войне против Ирака. Однако было понятно, что возможности воздействия на американцев ограничены, и они просто игнорировали эти заявления.

Не в состоянии получить одобрение военным действиям в Совете Безопасности ООН, США и Великобритания 19 марта 2003 г. всё же начали войну. В американскую коалицию вошли 49 стран - от Великобритании до Украины и Грузии, от Латвии до Южной Кореи. Из арабских стран среди членов коалиции был только Кувейт. Большинство союзников не послали боевые подразделения в Ирак. Турция отказалась пропустить американские войска по своей территории, что облегчило бы удар по Ираку с севера, поэтому операция проводилась с юга, и США нуждались в Саудовской Аравии.

Для охраны базы Эмир Султан в Эль-Хардже, где находилось Центральное командование всех американских сил в регионе, были переброшены 5500 американских военнослужащих. Командующий СЕНТКО-Мом генерал Томми Франкс 19 марта демонстративно посетил базу, в т.ч. бункер, набитый современной электроникой. Во время войны использовались и авиабазы рядом с иракской границей. С территории Саудовской Аравии вылетало на операции от 250 до 300 американских самолетов в день. Но чтобы не слишком подводить саудовское руководство, которое вынуждено было сотрудничать с Пентагоном, брифинги для журналистов проводили на авиабазе Аль-Удейд в Катаре, делая вид, что именно отсюда осуществлялось командование всеми военными операциями.

Тем временем саудовцы обеспечивали поставки на миллионы долларов горючего для американской авиации. Появились фотографии очередей бензовозов около базы Эмир Султан, растянувшихся на километры. Одновременно Абдаллах приказал увеличить производство нефти в ходе войны [4, p. 190].

После блицкрига в Ираке из Вашингтона распространялись сведения, будто бы Иран стоял следующим в очереди из членов «оси зла» как объект американского вторжения. Иранцы предложили переговоры, чтобы урегулировать разногласия с США. Буш отказался, его устраивала только смена режима в Иране.

Пока же в Ираке главной задачей американцы объявили создание «модели демократии». Реакция была предсказуема. В августе 2004 г. в ходе визита президента Египта Мубарака в Эр-Рияд лидеры двух главных союзников США осудили сохраняющуюся американскую оккупацию Ирака [14, p. 148]. Принц Сауд аль-Фейсал в ходе визита в Вашингтон в сентябре 2005 г. заявил, что президент Буш передал Ирак в руки Ирана «без причин», добавив позднее - «на золотом блюде» [там же].

Принц Турки аль-Фейсал, ставший в 2005 г. послом в США, назвал «бедствием» (*disaster*) американское «продвижение демократии» в Ираке, фактически выражая мнение Абдаллаха. Белый дом неуклюже оправдывался. Абдаллах отклонил приглашение посетить США. Администрация Буша не любила откровенных высказываний Турки аль-Фейсала, его отношения с Белым домом не сложились, и он в феврале 2007 г. демонстративно отказался от должности посла Саудовской Аравии в Вашингтоне [там же, pp. 148-149].

Но несмотря на все разногласия, стратегический союз королевства с США продолжал действовать. Заинтересованность друг в друге была взаимной. А Саудовская Аравия расплачивалась кровавой войной с террористами на своей территории.

В Саудовской Аравии почва для массового восстания, на которое рассчитывал Бен Ладен, не была готова. Но уже 12 мая 2003 г. террористы из «Аль-Каиды» совершили нападения одновременно на три жилых комплекса в столице, где находились иностранцы. Было убито 27 человек, из них 9 американцев, 160 было

ранено. Это был худший акт терроризма за всю историю Эр-Рияда. В 2003-2004 гг. члены «Аль-Каиды» совершили несколько десятков терактов по всей стране. Происходили перестрелки между экстремистами и спецслужбами, в т.ч. в священном городе Мекке. Хотя удалось арестовать некоторых подозреваемых, захватить склады оружия, в 2004 г. террористические акты продолжались [11, p. 250].

«Аль-Каида на Аравийском полуострове» совершала убийства якобы во имя того, чтобы изгнать всех «неверных», будь то христиане («крестоносцы»), евреи («сионисты») или индусы («поклоняющиеся короле, которые убивали кашмирских мусульман»). Всех их надо изгнать с земли двух святынь. А саудовские органы безопасности назывались «собаками, которые служили режиму апостатов» [5, p. 195].

Кронпринц по совету директора ЦРУ Дж.Тенета поручил руководство антитеррористической борьбой Мухаммеду ибн Наифу, тесно связанному с ФБР и Скотленд-Ярдом (его отец не доверял американцам и англичанам и был отстранен от руководства антитеррористической организацией) [14, p. 145].

Ибн Наиф считался одним из наиболее «проамериканских» высших принцев. Одновременно он был готов беспощадно действовать против террористов [15, p. 100]. На него самого совершили 4 попытки покушения. В одной из них убийца заранее имплантировал взрывное устройство себе в ногу; когда оно сработало, смертник погиб, но Ибн Наиф был лишь легко ранен.

Война шла в течение примерно трех лет. «Министерство внутренних дел вместе с Национальной гвардией вело кровавую войну с “Аль-Каидой” внутри королевства», - пишет Брюс Ридель (США). Десятки стычек происходили во всех главных саудовских городах. В декабре 2003 г. американское посольство эвакуировало часть своего штата, а в апреле 2004 г. - большинство дипломатов [14, p. 145]. Шли нападения на американские учреждения. В конце 2004 г. заминированные автомашины были подорваны у здания Министерства внутренних дел (известного своей архитектурой перевернутой пирамиды) [там же, p. 146].

Тем временем восстание против американской оккупации Ирака возглавили исламисты-террористы, к которым присоединились потерявшие средства к существованию опытные армейские офицеры-баасисты. Восстание превратилось в гражданскую шиитско-суннитскую войну, сопровождавшуюся нападениями суннитов на оккупационные американские войска. Ситуация стала напоминать Вьетнам и вышла из-под контроля. Вывод американских войск был прекращен, и для спасения режима президент Буш направил в 2007 г. дополнительно примерно 21 500 американских военнослужащих, что временно укрепило позиции правительства.

Но война в Ираке и её последствия рикошетом отдавались в Саудовской Аравии.

Некоторые улемы считали восстание в Ираке священной войной против оккупации, осуществленной «гяурами». В декабре 2006 г. три десятка улемов выпустили заявление в поддержку джихада против «крестоносно-сефевидской оккупации», утверждая, что Америка и Иран тайно сотрудничают против иракских арабов-суннитов [14, p. 147]. Тысячи саудовцев направлялись в Ирак, чтобы присоединиться к экстремистам, которые вели войну против шиитов и... американцев. По саудовским данным, около 5000 саудовцев присоединились к повстанцам к октябрю 2003 г. [там же, p. 146], хотя эта цифра представляется преувеличенной.

Ибн Наиф приказал построить двойной забор из колючей проволоки под электрическим напряжением на границе с Ираком [там же, p. 147]. Ваххабитская корпорация тесно сотрудничала с властями в борьбе против террористов. Министр исламских дел шейх Салих ибн Абдель Азиз Аль аш-Шейх заклеил террористов как «врагов ислама и государства». По его мнению, только саудовский король имел право посылать граждан на джихад за границу [там же, pp, 146-147]. Была приостановлена деятельность саудовских благотворительных организаций, которые переводили средства на счета суннитской вооруженной оппозиции в Ираке.

Последняя крупная террористическая операция в самом королевстве произошла 24 февраля 2006 г. против нефтеперерабатывающего завода в Абкаике в Восточной провинции [14, p. 147]. Несколько месяцев спустя ещё продолжались небольшие стычки с террористами, но мобилизовать население на восстание против семейства Саудидов так и не удалось.

Забегая вперед, отметим, что 23 июля 2011 г. в приветствии участникам открывшейся в Мекке конференции «Исламский мир: проблемы и решения» король Абдаллах заявил о том, что страна добилась «решающего успеха в отражении наступления гадины террора и разрушении её организационных структур» [13, с. 27]. Речь шла о военной победе над вооруженной оппозицией.

Против террористов была настроена значительная часть населения, для которой важны были безопасность и стабильность. После операции по свержению Саддама Хусейна и интервенции в Ирак США закрыли свои военные базы в Саудовской Аравии с 2003 г., что несколько уменьшило антиправительственные аргументы экстремистов.

Большинство предпочитали улучшить ситуацию, не ломая сложившиеся структуры саудовского общества, поэтому оно не отвергало власть Саудидов. Власть силой подавляла движение террористов-экстре-

мистов, а улемы вели свою пропаганду, защищая социальную стабильность, поддерживая политический порядок, без этого, мол, людям грозит потеря их веры с соответствующей карой в будущем [5, p. 250].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Союз семейства Саудидов с ваххабитской корпорацией доказал свою жизнеспособность и выдержал достаточно тяжелые испытания. Однако оставалась задача - как сохранить существующий режим, в центре которого находилось семейство Саудидов; как найти ответы на новые вызовы и новые формы управления государством.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. 670 с. ISBN 978-5-227-07511-6
Vasiliev Alexey. 2018. Russian Middle East Policy. From Lenin to Putin. London, Routledge. eBook ISBN 9781315121826. DOI: 10.4324/9781315121826
2. Keshishian J.A. 2001. Succession in Saudi Arabia. Palgrave, Macmillan. NY.
3. Al-Rasheed M. 2010. A History of Saudi Arabia. Cambridge University Press, UK.
4. Hiro Dilip. 2018. Cold War in the Islamic World: Saudi Arabia, Iran and the Struggle for Supremacy. Oxford University Press.
5. Commings David. 2006. Wahhabi Mission and Saudi Arabia. I.B. Tauris. New York.
6. Васильев А.М. Египет и египтяне. М.: Издательская фирма «Восточная Литература» РАН, 2008. 390 с. ISBN 978-5-02-036345-8
Vasiliev A.M. 2008. Egypt and Egyptians. Moscow. 390 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-036345-8
7. Mitchell, Richard. 1969. The Society of Muslim Brothers. New York.
8. Qutb Seyid. Kitab Kashf al-shubahat. https://www.google.com/search?q=Kitab+Kashf+al-shubohat&rlz=1C1GCEA_enRU880RU880&oq=Kitob+Kashf+al-shubohat&aqs=chrome..69i57j33i160l4.9328j0j9&sourceid=chrome&ie=UTF (accessed 05.08.22)
9. What is Sahwa: the awakening movement under pressure in Saudi Arabia. https://www.google.com/search?q=What+is+Sahwa%3A+the+awakening+movement+under+pressure+in+Saudi+Arabia.+&sxsrf=ALiCzsaESq5GvGb7ic_4Z9IYKKA1wGe5kA%3A1659778162142&source=hp&ei=cjTuYvXKBe2qxc8Ppo-NuAY&ifsig=AjK0e8AAAAAYu5Cgo_E0JMtmifm3_3mjH8pDhJsOgF&ved=0ahUKEwj1y4e-87H5AhVtVfEDHaZHA2cQ4dUDCA0&oq=What+is+Sahwa%3A+the+awakening+movement+under+pressure+in+Saudi+Arabia.+&gs_lcp=Cgdnnd3Mtd2l6Eaw6DQguEMcBEK8BEOoCECc6BwgjEOoCECc6BwguEOoCECgQ5hVY5hVg5CVoAXAAeACAAXuIAXuSAQMwLjGYAQCgAQKGAQQAQo&sc=client=gws-wiz (accessed 06.08.2022)
10. Lacroix S. 2011. Awakening Islam. The Politics of Religious Dissent in Contemporary Saudi Arabia. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. London, England.
11. Mouline N. 2014. The Clerics of Islam: Religious Authority and Political Power in Saudi Arabia. Yale University Press. New Haven & London.
12. Al-Rasheed M. (ed.). 2018. Salman's Legacy: The Dilemmas of a New Era in Saudi Arabia. Oxford University Press, NY.
13. Косач Г.Г. Саудовская Аравия. Политические процессы в 1990-х-2000-х гг. Москва: Институт Ближнего Востока, 2013.
Kosach G.G. 2013. Saudi Arabia. Political processes in the 1990s-2000s. Moscow (In Russ.).
14. Riedel Bruce. 2019. Kings and Presidents. Saudi Arabia and the United States since FDR. The Brookings Institution. Washington, D.C.
15. Small Thomas and Hacher Jonatan. 2015. Path of Blood: The Story of al Qaeda's War on the House of Saud. New York: Overlook Press.
16. Cordesman A.H. and Obaid N. 2005. National Security in Saudi Arabia: Threats, Responses and Challenges. West Point, Conn.: Praeger Security International.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный президент Института Африки РАН; зав. кафедрой африканистики и арабистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Alexey M. Vasiliev, member, Russian Academy of Sciences (RAS), Dr.Sc. (History), Professor; Honorary President, Institute for African Studies, RAS; Chair, Department of African and Arab Studies, RUDN University; Editor-in-Chief, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.07.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 06.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.08.2022

Factors influencing the perception of corruption (a multilevel analysis in Africa)

© Sewordor Toklo^a, 2022

^aNational Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1914-2706; sewordortoklo1@gmail.com

Abstract. Many developing countries suffer high levels of corruption, which contributes to the divergence in economic development between more developed and developing countries. Corruption perceptions play a key role in forming a culture that is more or less tolerant of corruption, which contributes to its persistence. Individuals who have high perception of corruption believe that bribes must be paid. Customers will be more likely to accept a bribe if they believe many people pay bribes. The importance of this research is that it contributes to the micro-level research tradition by providing a deeper understanding of the factors that influence corruption perception.

What factors influence the perception of corruption? I conducted an empirical analysis using 2017 Afrobarometer survey data, focusing on 34 democratic African countries. The study finds that those who are relatively poor are more likely to have a high perception of corruption and develop an unfavorable view of corruption than those with high income. The study also provides the potential mechanisms involved in the perception of corruption, finding that individuals with high access to information through the media, and higher education have a higher perception of corruption.

Keywords: Africa, corruption, corruption perception, government, poverty, media

For citation: Toklo S. (Ghana). Factors influencing the perception of corruption (a multilevel analysis in Africa). *Asia and Africa today*. 2022. № 9. Pp. 70-76. DOI: 10.31857/S032150750021787-7

INTRODUCTION

Africa is one of the resource-rich continents in the world, however, it is the least developed. For decades, there has been a dispute about how to account for Sub-Saharan Africa's development issues. Scholars and other policymakers have all made significant contributions to determining the appropriate factors that best explain the condition. The impact of corruption on the well-being of the people of Sub-Saharan Africa is one of the main explanatory factors. With few exceptions, corruption has persistently affected the post-independence development of Sub-Saharan African countries [1]. Corruption also creates a less conducive environment for democracy, reduces moral values, and disregards the legitimacy of authorities and constitutional institutions [2]. It erodes trust in democratic institutions and may lead to their subversion [3]. Corruption hinders the economic development of countries [4]. It may further worsen foreign direct investment [5].

While many studies have investigated the correlates of corruption at the macro-level, scholars have paid less attention to the micro-level, especially in Africa. In this research, I investigate factors influencing individual perceptions of corruption and, therefore, it is a part of a micro-level research tradition. Based on the analysis, I offer possible implications for future researchers and policymakers.

Understanding these perceptions is important for several reasons. First, the perception of corruption does not always reflect reality in society. For example, officials tend to hide corrupt behaviors especially when people find it difficult to detect [6]. However, researchers have consistently used perception-based measures as proxies for measuring actual corruption. As a result, providing an understanding of why corruption perceptions differ is important in knowing the potential biases [7]. Secondly, perception is noted for motivating other behavior and thereby poses a problem for development. For instance, the perception of corruption creates mistrust in government and institutions and further affects people's willingness to participate in politics. Thirdly, the inability to deal with the perception of corruption may lead to even larger societal consequences and acceptance of rule-breaking [3]. Furthermore, the perception of corruption could be self-reinforcing such that whenever there is a higher level of the perception of corruption, it tends to make people engage in actual corrupt behaviors [8].

What explains the differences in the perceptions of corruption within the same societies? I conduct an empirical analysis, finding that poor citizens are more likely to form a higher perception of corruption towards the institutions of the state than high-income citizens. Secondly, those who have more access to the media, and those who are educated are likely to form a higher perception of corruption than those who do not have access.

CORRUPTION AND CONSEQUENCES

Corruption remains one of the dominant topics of public discussion in many countries. Nevertheless, what is often referred to as corruption remains debatable as there continues to be no universal definition of corruption. The differences of each definition vary across countries, or even within them; such that many behaviors perceived as corrupt in one country may not necessarily be perceived as corruption in others. As a result, academics and scholars seeking to come up with a more rigorous assessment of what corruption means are faced with the overarching problem of a clear terminology [9].

One of the most common definitions of corruption is that it is the misuse of public office for private gains [10]; a situation that allows a public officer to benefit privately by either allocating the gains to himself or to the group which he or she is a member [11] or by consciously taking advantage of his power to redirect the benefits to his relations such as families, social group or political party [12]. Corruption is not only about public officials - it can be among even individuals working for example in the private sector. When formal rules are violated for individual gain, whether the behavior is within a public, private, or even non-profit organization, such behavior constitutes corruption [13]. Corruption is a very negative social phenomenon that creates a less conducive environment for democracy, reduces moral values, and disregards the legitimacy of authorities and constitutional institutions [14].

Bribery and embezzlement are examples of corruption. Institutional failure has been blamed for Africa's low development [15], and that corruption stifles economic progress and development in Africa [14; 16; 17]. Corruption is proven to be widespread and considerable in all countries worldwide [18], yet there are considerable differences between them. The impact of corruption on governments and countries is a critical issue. For example, it makes it extremely difficult to change a corrupt government or judicial system [19]. Corruption also causes a loss of confidence between a government and its population, making anti-corruption initiatives practically impossible [20].

The economic literature discusses several elements that facilitate corruption. This includes a lack of proper legislation, weak law enforcement, cultural requirements, a lack of incentive for the government to fight corruption, low compensation for state employees, and other factors [21; 22]. Previous cross-country studies show that levels of economic development and cultural factors influence the level of corruption [23]. The availability of e-government [24], and the history of openness to trade also influence the level of corruption [10].

Since corruption is systemic and prevalent across many sectors [25], some researchers discuss the culture of corruption and the complexity of corruption in Africa [26]. Others believe that apart from corruption other unique socio-cultural traits in African countries, including ethnic differences [27], or ethnic violence [28], impede economic development.

Given the scant evidence of emerging literature on the topic has produced, the notion that there is a connection between corruption and attitudes about government is open to question. The impact of corruption on ordinary people's opinions toward political systems in their country has received little systematic consideration from researchers [29]. Previous literature in Africa for example lacks studies that examine the factors behind the perceptions of corruption, especially at the micro-level. As a result, I examine how corruption perceptions among African citizens are formed. This is important because, in several societies, policymakers have constantly relied on perception-based measures in designing their policy frameworks. This means that an inability to understand various factors influencing the perception of corruption will result in incorrect policy design and corruption is likely to rise. Although the perception of corruption does not always reflect reality, scholars on many occasions use perception-based measures as proxies for actual corruption.

As [30] noted, corruption could be self-reinforcing. Whenever there is a higher level of the perception of corruption, it tends to make people engage in actual corrupt behaviors [8]. When corruption is perceived as widespread, it creates a larger problem. This is because many officials see the practice of corruption as a normal thing, and they do not feel guilty about their actions. Similarly, most officials' fear of punishment begins to decline, and they may even stop caring about their reputations. Such behaviors begin to spread widely among other officials and workers in the long run and become acceptable behavior.

The way people perceive a behavior as corrupt varies from one person to another. Officials from the same organization may judge the existence of corrupt behavior in that same institution differently. Therefore, all these necessitate the need for an understanding of the perception of corruption. The next subsections discuss the hypotheses for the paper.

THEORETICAL REVIEW AND HYPOTHESES

The Poor

Corruption exacerbates inequities that are already present [12]. This is especially true when it comes to petty corruption. Grand corruption, on the other hand, may lead to the formation of ideas that the country's political sys-

tem is biased against the poor. The poor are more likely to suffer the repercussions of corruption. As a result, individuals develop a low level of trust in their political system and a negative attitude toward it [31]. Similarly, when asked to pay a bribe, socioeconomically disadvantaged persons have no way out. M.K. Justesen and C. Bjørnskov [32] argues that this system provides strong incentives for bureaucrats to target poor people and extort money from them.

Based on this, *hypothesis 1* can be formed: *H1: Those who are poor will have a higher perception of corruption than those who are rich.*

The media

The media helps people become more aware of crucial issues. The agenda-setting theory is, theoretically, one of the most important theories for explaining people's perceptions of issues. This theory explains how the news media might impact the public's perception of the importance of items on the agenda [33]. This demonstrates the media's importance in shaping public opinion and raising public awareness of important topics. This means that the media may play a role in shaping public perceptions of corruption.

Also, it was indicated [34] that the media is a crucial channel through which people create attitudes about their government. The public's attention is brought to the country's corruption concerns because stories of corruption are often repeated throughout a range of media platforms. People with increased access to radio or social media are more likely to hear or read about corruption in their country.

H2: Those who are exposed to the media will have a higher perception of corruption.

The size of the location of residents

The size of an individual's place of residence may have an impact on their perception of corruption. In smaller communities, individuals and public officials are more likely to interact personally, and favoritism is more likely. Those living in such areas have a high perception of corruption in such circumstances [29]. However, a larger town may be an environment where corruption is more prevalent. The bigger the town, the more exposed it is to a corrupt atmosphere [7]. Various reasons may explain the pervasive corruption in major cities, strengthening the views. For instance, in large cities, public services are offered, which include activities such as those of the police and other public officials. There is also more money allocated and decisions made in larger towns, numerous opportunities to spend, and political life is focused in large cities.

H3: Those who live in the urban areas will have a higher perception of corruption.

Education

Countries with more education have relatively less corruption, according to research focusing on corruption convictions [35]. The levels of corruption reduce as people's education levels improve. Also those with greater academic credentials have a lower perception of corruption [36]. Since it is generally difficult for the ignorant to detect corrupt activity, this study takes the position that authorities in many African countries who participate in corrupt behavior have a tendency and numerous strategies to cover their corruption activities. To put it another way, corrupt officers will not be able to hide their actions from an educated public and will be quickly detected. As a result, educated people are likely to have a higher perception of corruption than those who are less educated.

H4: Those with higher levels of education will have a higher perception of corruption.

DATA AND METHODOLOGY

Data for the study were collected by the Afrobarometer¹, a highly reputable research organization that collects scientific survey data on democratic African countries to ensure quality democracy and good governance. The hypotheses of this research were tested using round 7 of the Afrobarometer survey data collected in 2017 and 2018. This round was chosen because it contains the necessary questions that previous researchers have used to measure poverty.

These were self-reported data collected using a well-structured questionnaire with a stratified sampling technique to sample respondents in Africa. This micro-level data are nationally representative samples for 34 African countries². Participants of this survey were asked several questions about their experiences and opinions on the quality of governance, and of which some of these questions include topics on corruption and bribery.

Due to the clustered nature of the data, I employed a multi-level hierarchical model, and this was performed on the dependent variable. The multi-level hierarchical model is employed where the intercepts vary by country level. This method allowed me to account for the relationship between individual perceptions of corruption and country-

¹ A pan-African, independent, non-partisan research network.

² Benin, Botswana, Burkina Faso, Cabo Verde, Cameroon, Côte d'Ivoire, eSwatini, Gabon, Gambia, Ghana, Guinea, Kenya, Lesotho, Liberia, Madagascar, Malawi, Mali, Mauritius, Morocco, Mozambique, Namibia, Niger, Nigeria, São Tomé and Príncipe, Senegal, Sierra Leone, South Africa, Sudan, Tanzania, Togo, Tunisia, Uganda, Zambia, Zimbabwe.

level perceptions of corruption. The Model shows an intraclass correlation coefficient (ICC) of 0.13, indicating that 13% of the total variance of the variables in the study are predicted by the country-level predictors independently of the fixed effects. The data was analyzed using R, and the findings were presented in a *Table* form. To ensure that the models do not have highly correlated predictors, I checked for multicollinearity using tests x and y . The results indicate no problem with multicollinearity.

Measurement of dependent variable

The dependent variable is “*corruption perception*”. The Afrobarometer provided a specific question that informed what “corruption perception” is (that is, Q45). The question is “*In your opinion, over the past year, has the level of corruption in this country increased, decreased, or stayed the same?*” The responses were measured from a 5-point scale “decreased a lot, decreased somewhat, stayed the same, increased somewhat, and increased a lot”. I created an index for corruption perception; where (1=low corruption; 5= higher corruption).

Measurement of independent variables

Poverty

Estimating individual income from reliable source in Africa is challenging, making assessing poverty in Africa problematic. As a result, I developed a poverty index from the Afrobarometer data by using the standard Index of Lived Poverty used in previous studies such as [32].

Afrobarometer asked respondents, over the past years, how often, if ever, have you or anyone in your family: (A) Gone without enough food to eat? (B) Gone without enough clean water for home use? (C) Gone without medicines or medical treatment? (D) Gone without enough fuel to cook your food? (E) Gone without a cash income?

Responses were coded on a five-point scale ranging as ‘Never, Just once or twice, Several times, Many times, and Always’. Based on these five items from Afrobarometer data, I constructed an additive poverty index, where high values imply being poor and low value means being well-off, meaning such people can meet their basic needs.

News Access

To determine how residents had access to news, I used the Afrobarometer data (Q12), which questioned respondents about how often they obtain news from the following sources (A) Radio, (B) TV, (C) Newspapers, (D) The internet, (E) Facebook and Twitter as examples of social media. The responses were coded from “Everyday” to “Never” by Afrobarometer.

Ideally, an additive index is expected to be constructed in this kind of variables, like the one created for the poverty variable. However, the idea here is to contrast individuals who have access to news media with those who do not. Thus, how should those who have access to information through the news perceive corruption in comparison to those who do not? As a result, I created an index for media access and treated it as dummy variables where “No media access” is the reference. I separated traditional media from new media to facilitate analysis. Thus, traditional media consists of radio, television, and newspapers, whereas new media consists of the internet and social media (Facebook and Twitter). This category is required to compare persons who have access to traditional media and new media to people who do not have access to these news channels.

Educational level. This question was posed to know the educational level of the respondents who took part in the survey. In the Afrobarometer, these responses were coded in the data “no formal education” to “post-graduate schooling”. I grouped these responses as either being educated or having no education with not having formal education being the reference.

Urban. Individuals living in a specific area of society may perceive corruption differently based on wherever they live. This is a dichotomous variable where the respondents were asked if they come from rural or urban areas. Making the rural as the reference group the coding of the responses was coded as (0 = rural; 1 = urban).

Control Variable

To be able to account for differences between countries, I included country-level variables. Controls at the country level included democratic status and GDP per capita. There is a growing agreement among academics that shows an inverse relationship between democracy and corruption hence the need to control democracy. Freedom House is used to determine a country’s democratic status. After being equally weighted, the combination of the total score granted for political rights and the total rating assigned for civil freedoms decides whether a country is Free, Partly Free, or Not Free, according to Freedom House.

GDP per capita is also utilized as a country-level control variable in this study. This is significant since prior research has found a substantial link between corruption and economic success. The World Bank’s World Development Indicators provided the data for GDP per capita.

Gender

At the individual level, I introduce gender as a control variable. In the Afrobarometer data, question (Q101) asked the respondents to state their gender. The respondent’s gender is coded as dummy variables where the reference group was females. The responses were coded as (0 = male; 1 = female).

Table. Regression Analysis of Factors influencing corruption perception

Predictors	Model 1		Model 2	
	Estimates	CI	Estimates	CI
Intercept	1.40 ***	1.34 - 1.46	1.23 ***	0.90 - 1.55
Poor	0.01 ***	0.01 - 0.01	0.01 ***	0.01 - 0.01
Traditional Media Access	0.03 ***	0.01 - 0.04	0.02 ***	0.01 - 0.04
New Media Access	0.03 ***	0.02 - 0.05	0.03 ***	0.02 - 0.04
Urban	-0.00	-0.01 - 0.01	-0.00	-0.01 - 0.01
Primary Education	0.03 ***	0.02 - 0.05	0.03 ***	0.02 - 0.05
Secondary Education	0.07 ***	0.05 - 0.08	0.06 ***	0.05 - 0.07
Tertiary Education	0.08 ***	0.07 - 0.10	0.07 ***	0.06 - 0.09
Female	-0.00	-0.01 - 0.00	-0.00	-0.01 - 0.01
Country-level Poverty			0.57 *	0.11 - 1.03
Democratic Status			-0.11 *	-0.20 - -0.02
GDP per capita			-0.01	-0.02 - 0.01
Random Effects				
σ^2	0.22		0.22	
τ_{00}	0.02 COUNTRY		0.02 COUNTRY	
ICC	0.10		0.10	
N	34 COUNTRY		31 COUNTRY	
Observations	45823		42223	
Marginal R ² / Conditional R ²	0.009 / 0.111		0.036 / 0.131	
* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$				

Table presents the results of the multi-level hierarchical model developed to test the hypothesis. Model 1 displays the results for the predictors while Model 2 states the predictors and controls for the individual level variables; gender as well as country-level variables; GDP per capita, and democratic status.

There is evidence to support *H1* that there is a relationship between poverty and perceptions of corruption. Those who are considered poor frequently believe that corruption is rampant in the country. Model 1 shows that there is a significant positive relationship that exists between poverty and perception of corruption ($\beta = 0.01$, $p < 0.001$). 1% increase in poverty will lead to an increase in corruption perception by 1%. This means that when people become poorer, they begin to have high corruption perceptions. This is robust in Model 2 as well.

H2, about individuals with greater access to news, is also supported. The result in Model 1 revealed that there is a significant positive relationship between both traditional and new media access and corruption perception. For instance, in Model 1 the traditional media shows ($\beta = 0.03$, 95% CI = 0.01 - 0.04, $p < 0.001$). Thus, increasing access to traditional media by 1 unit will lead to an increase in the perception of corruption by 3%. The result is also significant for having access to new media when compared to people who do not have access. This means that those who have media access (regardless of the type of media) are likely to have a higher perception of corruption.

The results also provide evidence that supports *H4*, that educational level predicts individuals' perception of corruption. This means that compared with those who have no formal education, having obtained at least a primary level education will lead to a higher perception of corruption.

In line with *H1*, poverty is a predictor of corruption perception: poor people have higher corruption perceptions compared to rich people. This current study also supports the theoretical framework that those who suffer from the actions of bad governance are likely to have a negative view of the government [37].

Those who have more access to news (whether traditional or new media) will perceive corruption to be higher. Information obtained from the media influences people so that they are more likely to think that there is corruption. Most African countries, during revolutionary periods and military takeovers, have built a culture of silence where private media were restricted [38]. However, over the decades, the continent has seen an increase in the number of media outlets, especially private radio stations and televisions. This suggests that the more people have access to news media, the more information they have on issues including corruption. This can subsequently influence people to generally perceive that there is high corruption in the country. This argument is therefore in line with the agenda-setting theorists [33] that see the media as shaping public opinion.

Educated people may also perceive corruption to be high since they may figure out corrupt officials attempting to hide corrupt practices from them. This is contrary to those who suggest that having high academic qualifications means having a lower perception of corruption [39]. As a result, educated people are more likely than less-educated people to have a higher perception of corruption.

This article makes two main contributions to the micro-level level cross-country research paradigm in Africa. Using 34 African nations, I find that poor people may have a higher perception of corruption. This study contradicts the findings [40], which indicated that such intuition is true only in wealthy nations. As demonstrated throughout this paper people within the developing world who are poor are more likely to have a negative view of the country compared to the people who are well-off.

Secondly, people who obtain their news from the media are more likely to feel that there is high corruption. The media should be taken seriously as a source of corruption perceptions, and honest reporting should be practiced. This is important because the media may be a proponent of corruption in most African countries, where corruption scandals rarely result in court processes. Since media firms are frequently owned by politicians in most African countries, depending on who is in power, these outlets' reporting may lack neutrality. If the media portrays corruption in a more negative light than reality, it may lead individuals to feel that they must pay bribes.

The surveys are only done in countries that are at least nominally democratic and are not involved in violent conflicts. Due to this, the countries are not typical for the whole of Africa, and the findings cannot be applied entirely to the entire region.

CONCLUSION

Corruption perceptions can have a significant impact on the extent of corruption. Individuals with a high perception of corruption believe they must pay bribes. Customers are more confident that a bribe will be accepted if they believe many individuals pay bribes [8].

In this research, I analyze factors influencing citizen perception of corruption in Sub-Saharan Africa. I found out that the poor - the most marginalized in society - are more likely to form a higher perception of corruption than those who are richer. I also found out that those who have access to the media and have a high level of education are more likely to perceive that corruption is higher in their country.

This research suggests that in Sub-Saharan Africa, where poverty is a growing problem, it is expected that a large segment of the citizens will develop a negative attitude including having a corrupt perception of the state. This may create further problems such as mistrust of their institutions and in the long run, can affect development. Future research, especially in Africa, should investigate how corruption perceptions may influence citizens' tendency to engage in actions such as ballot stuffing, vote-buying, and violence which has been characterized in many African elections.

REFERENCES

1. Mlambo D.N., Mubecua M.A., Mpanza S.E., Mlambo V.H. 2019. Corruption and its implications for development and good governance: A perspective from post-colonial Africa. *Journal of Economics and Behavioral Studies*. Vol. 11, № 6, pp. 39-47.
2. Bratton M., Mattes R. and Gyimah-Boadi E. 2005. Public opinion, democracy, and market reform in Africa. Cambridge University Press.
3. Villoria M., Van Ryzin G.G., Lavena C.F. 2013. Social and political consequences of administrative corruption: A study of public perceptions in Spain. *Public Administration Review*. Vol. 73, № 1, pp. 85-94.
4. Mauro M.P. 1996. The Effects of Corruption on Growth, Investment, and Government Expenditure. *International Monetary Fund*.
5. Wei S.J., Shleifer A. 2000. Local corruption and global capital flows. *Brookings papers on economic activity*. Vol. 2000, № 12, pp. 303-354.
6. Olken B.A. 2009. Corruption perceptions vs. corruption reality. *Journal of Public economics*. Vol. 93, № 7-8, pp. 950-964.
7. de Lancer Julnes P., Villoria M. 2014. Understanding and addressing citizens' perceptions of corruption: The case of Spain. *International Review of Public Administration*. Vol. 19, № 1, pp. 23-43.
8. Cabelkova I. 2001. Perceptions of Corruption in Ukraine: Are they correct? *CERGE-EI working paper series*. № 176.
9. Johnston M. 1986. Right & wrong in American politics: *Popular conceptions of corruption*. *Polity*. Vol. 18, № 3, pp. 367-391.
10. Treisman D. 2000. The causes of corruption: a cross-national study. *Journal of public economics*. Vol. 76, № 3, pp. 399-457.
11. Bardhan P. 1997. Corruption and development: a review of issues. *Political Corruption*. Vol. 35, pp. 1320-1346.
12. Tanzi V., 1998. Corruption around the world: Causes, consequences, scope, and cures. *Staff papers*, Vol. 45, № 4, pp. 559-594.
13. Luo Y., 2005. An organizational perspective of corruption I. *Management and Organization Review*. Vol. 1, № 1, pp. 119-154.
14. Gyimah-Boadi E. 2002. Confronting corruption in Ghana and Africa. *Ghana Center for Democratic Development*. Vol. 4, № 2.
15. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. 2001. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *American economic review*, Vol. 91, № 5, pp. 1369-1401.
16. Dreher A., Herzfeld T. 2005. The economic costs of corruption: a survey and new evidence.
17. Mironov M. 2005. Bad corruption, good corruption and growth. University of Chicago. Mimeo.

18. Shleifer A., Vishny R.W. 1993. Corruption. *The quarterly journal of economics*. Vol. 108, № 3, pp. 599-617.
19. Rose-Ackerman S., Palifka B.J. 2016. Corruption and government: Causes, consequences, and reform. Cambridge university press.
20. Damania R., Fredriksson P.G., Mani M. 2004. The persistence of corruption and regulatory compliance failures: theory and evidence. *Public choice*. Vol. 121, № 3, pp. 363-390.
21. Tanzi V. 1998. Corruption around the world: Causes, consequences, scope, and cures. *Staff papers*. Vol. 45, № 4, pp. 559-594.
22. Rose-Ackerman S. 1997. The political economy of corruption. *Corruption and the global economy*. Vol. 31, № 60, p. 54.
23. Seleim A., Bontis N. 2009. The relationship between culture and corruption: A cross-national study. *Journal of Intellectual Capital*. Vol. 10, № 1, pp. 165-184.
24. Setyobudi C.R., Setyaningrum D. 2019. E-government and corruption perception index: a cross-country study. *Journal Akuntansi dan Auditing Indonesia*. Vol. 23, № 1, pp. 11-20.
25. Znoj H. 2017. Deep corruption in Indonesia: discourses, practices, histories. *Corruption and the Secret of Law*. Routledge. Pp. 53-74.
26. Blundo G., De Sardan JPO. 2001. Everyday Corruption in West Africa. *African Politics*. Vol. 3, pp. 8-37.
27. Easterly W., Levine R. 1997. Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions. *The quarterly journal of economics*. Vol. 112, № 4, pp. 1203-1250.
28. Collier P., Hoeffler A. 2002. On the incidence of civil war in Africa. *Journal of conflict resolution*. Vol. 46, № 1, pp. 13-28.
29. Anderson C.J., Tverdova Y.V. 2003. Corruption, political allegiances, and attitudes toward government in contemporary democracies. *American journal of political science*. Vol. 47, № 1, pp. 91-109.
30. Persson A., Rothstein B., Teorell J. 2013. Why anticorruption reforms fail - systemic corruption as a collective action problem. *Governance*. Vol. 26, № 3, pp. 449-471.
31. Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. 2002. Does corruption affect income inequality and poverty? *Economics of governance*. Vol. 3, № 1, pp. 23-45.
32. Justesen M.K., Bjørnskov C. 2014. Exploiting the poor: Bureaucratic corruption and poverty in Africa. *World Development*. Vol. 58, pp. 106-115.
33. McCombs M.E., Shaw D.L. 1993. The evolution of agenda-setting research: Twenty-five years in the marketplace of ideas. *Journal of communication*. Vol. 43, № 2, pp. 58-67.
34. Costas-Pérez E., Ollé A.S., Navarro P.S., 2011. Corruption scandals, press reporting, and accountability: Evidence from Spanish mayors. *Documents de treball IEB*. № 9, pp. 1.
35. Glaeser E.L., Gyourko J., Saks R. 2005. Why is Manhattan so expensive? Regulation and the rise in housing prices. *The Journal of Law and Economics*. Vol. 48, № 2, pp. 331-369.
36. Melgar N., Rossi M., Smith T.W. 2010. The perception of corruption in a cross-country perspective: Why are some individuals more perceptive than others? *Economia Aplicada*. Vol. 14, № 2, pp. 183-198.
37. Kim S. 2010. Public trust in government in Japan and South Korea: Does the rise of critical citizens matter? *Public Administration Review*. Vol. 70, № 5, pp. 801-810.
38. Gyimah-Boadi E. 1994. Ghana's uncertain political opening. *Journal of Democracy*. Vol. 5, № 2, pp. 75-86.
39. Glaeser E.L., Gyourko J., Saks R. 2005. Why is Manhattan so expensive? Regulation and the rise in housing prices. *The Journal of Law and Economics*. Vol. 48, № 2, pp. 331-369.
40. Maeda K., Ziegfeld A. 2015. Socioeconomic status and corruption perceptions around the world. *Research & Politics*. Vol. 2, № 2, Pp. 1-9.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Sewordor Toklo (Ghana), Post-graduate student, Doctoral
School of Political Science, HSE University, Moscow, Russia.

Севордор Токло (Гана), аспирант, Аспирантская школа
по политическим наукам, ВШЭ, Москва, Россия.

Поступила в редакцию
(Received) 18.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 26.07.2022

О танзанийской нации, её «отце» и «танзафилии»

© Гавристова Т.М.^a, 2022

^a Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, Ярославль, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3390-6960; tanja1994@mail.ru

Рецензия на книгу: **Каждый гражданин - неотъемлемая часть нации** (к 100-летию со дня рождения основоположника независимой Танзании Джулиуса Камбараре Ньерере). Сборник статей. М.: ИАФР РАН, 2022. 266 с. ISBN 978-591298-276-7

Ключевые слова: Танзания, Джулиус Камбараре Ньерере, нация, уджамаа, суахили, Мвалиму

Для цитирования: Гавристова Т.М. (Ярославль). О танзанийской нации, её «отце» и «танзафилии». *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 77-80. DOI: 10.31857/S032150750021788-8

Благодарность. Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

About the Tanzanian nation, its “Father” and “Tanzaphilia”

© Tatyana M. Gavristova^a, 2022

^a P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
ORCID ID: 0000-0003-3390-6960; tanja1994@mail.ru

Review of the book: **Every citizen is an integral part of the nation** (to the centenary of the birth of the founder of independent Tanzania, Julius Kambarage Nyerere). Digest of articles. Moscow, 2022. 266 p. (In Russ.). ISBN 978-591298-276-7

Keywords: Tanzania, Julius Kambarage Nyerere, nation, Ujamaa, Swahili, Mwalimu

For citation: Gavristova T.M. (Yaroslavl). About the Tanzanian Nation, its “Father” and “Tanzaphilia”. *Asia and Africa today*. 2022, № 9. Pp. 77-80 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021788-8

Актуализация персональной истории, ставшая очевидной в ходе последних десятилетий и связанная как с «очеловечиванием» и диверсификацией самого предмета истории, так и с возникновением в её границах вспомогательной дисциплины - «биографики», разрабатывающей теоретические, методологические, историографические, источниковедческие проблемы изучения жизни исторических, в том числе политических, деятелей, нашла отражение в появлении большого числа монографий, статей и специальных сборников разного уровня, в том числе юбилейных.

Книга **«Каждый гражданин - неотъемлемая часть нации»**, изданная к 100-летию со дня рождения создателя независимой Танзании Джулиуса Камбараре Ньерере (1922-1999), представляет собой незаурядное исследование, обозначенное как сборник статей, но на деле по стилю и жанру тяготеющее к формату коллективной монографии. В числе авторов - члены корреспонденты РАН, авторитетные и молодые исследователи, работающие в ключевых научных и учебных центрах африканистического профиля. Среди них - Институт Африки РАН, Институт всеобщей истории РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РГГУ, университет в Додоме (Танзания) и др.

Название сборнику дала цитата из провозглашенной Дж.Ньерере в 1967 г. Арушской декларации, основного программного документа Африканского национального союза Танганьики (ТАНУ) и его преемницы Чама Ча Малиндузи (ЧЧМ).

Личность Дж.Ньерере, первого президента объединенной Танзании (1964-1985 гг.), премьер-министра (1961-1962 гг.) и президента Танганьики (1963-1964 гг.), основателя и председателя ТАНУ и ЧЧМ, всегда находилась в центре внимания. Профессиональному анализу подвергались его политическая, общественная, интеллектуальная деятельность, его творческое наследие, идеи *уджамаа* (общинный социализм). Дж.Ньерере сравнивали с Кваме Нкрумой, Леопольдом Сенгором и другими «могильщиками колониализ-

ма». В России и за рубежом его биография изучалась преимущественно во взаимосвязи с освободительной борьбой и историей «африканского социализма».

В рамках рецензируемого издания впервые в отечественной африканистике главный акцент сделан на выдающуюся роль Дж.Ньерере как создателя танзанийской нации, сумевшего ценой невероятных усилий объединить в составе возглавляемого им государства представителей разных племен, этносов, конфессий и обеспечить жизнеспособность их сосуществования на перспективу.

В Предисловии к.и.н., зав. Центром изучения стран Тропической Африки ИАФР РАН **Т.С.Денисова** справедливо подчеркивает, что наибольшая заслуга Дж.Ньерере состоит в том, что в отличие от большинства стран Африки, «постколониальный период развития которых был отмечен многочисленными военными переворотами, гражданскими войнами и вооруженными конфликтами, Танзания в течение почти шести десятилетий сохраняла относительную политическую стабильность» (с. 6), а многие идеи, сформулированные «отцом нации», и культивирование им «особой танзанийской идентичности», превалирующей над этнической и религиозной, «оказали огромное влияние на процессы государственного строительства» (с. 6).

Освоение реального - исторического - хронотопа (пространства и времени) в книге связано преимущественно с ситуацией постколониальности, и подходы к реконструкции личности того, кто стал провозвестником свободы, «политическим святым», «королем-философом» (с. 6), Мвалиму (в переводе с языка суахили - «Учитель») в наибольшей мере отражают содержание эпохи деколонизации.

Особый интерес в данном контексте представляет статья д.и.н., чл.-корр. РАН, зам. директора ИАФР РАН, профессора **Д.М.Бондаренко** - «*Формирование нации в Танзании: своеобразие условий, особенности процесса и результат*» (с. 71-84). Он подчеркивает, что в большинстве стран афро-азиатского региона «наиважнейшей особенностью процесса образования наций <...> стала изначально ведущая роль не общества, а государства» (с. 73). Танзания, по его мнению, есть «редкий пример того, как связанное с историко-культурными факторами своеобразие условий строительства постколониальной нации, помноженное на особенности процесса нациестроительства, определенные сформированной на заре независимости Дж.К.Ньерере политикой государства в этой сфере, дало результат» (с. 74).

Значение субъективного фактора, идей и установок Дж.К.Ньерере нашло отражение в статьях: танзанийского ученого **А.Кавины**¹ - «*60 years after: an analysis of the neglected ideas of J. Nyerere in the aged of globalized Tanzania*» (с. 16-31), а также **Т.С.Денисовой** - «*Внутренняя политика Танзании в контексте наследия Дж. Ньерере*» (с. 85-106), ст.н.с. ИАФР РАН **С.М.Шлёнской** - «*Дж. Ньерере - теоретик и практик "африканского социализма"*» (с. 32-41) и других.

А.Кавина акцентировал внимание на позиции «отца нации» по отношению к развитию системы образования и расширению доступа к нему молодежи. В развитии образования Дж.Ньерере, первый танзаниец с высшим образованием, выпускник Эдинбургского университета, видел залог успеха Танзании и один из важнейших механизмов её интеграции в мировое сообщество в строительстве государственности. Он многократно подчеркивал, что для индивида - это «самая важная вещь, важнее, чем что-либо еще» (с. 18).

Свидетельством достижений в области развития образования стала успешная реализация программы «Образование для всех», запущенной в 70-х гг. XX в. Важнейшим её результатом стал едва ли не поголовный (90%) охват обучением детей, мальчиков и девочек, в городах и сельской местности (с. 18). В настоящее время «ни один танзанийский ребенок не может сказать "Я не ходил в школу, потому что мои родители бедны. Я бы хотел родиться в богатой семье"» (с. 25). **А.Кавина** отмечает, что уже к моменту добровольной отставки Дж.Ньерере (1985 г.) с поста президента уровень грамотности в стране - 85% - был одним из самых высоких в Африке, что обеспечило продвижение нации по пути деколонизации на основе принципов, заложенных Арушской декларацией и направленных на торжество таких идей, как свобода, равенство, всеобщее уважение (с. 24).

Статья **А.Кавины**, подобно «магическому кристаллу», высвечивает множество контекстов в изучении наследия Дж.Ньерере и истории Танзании - проблемы образования и совместного труда, единства и взаимопомощи, свободы и равенства, самореализации и политического лидерства, глобализации и уджамаа. Многие нашли отражение в сборнике.

В их числе - упомянутая выше статья **С.М.Шлёнской** (с. 32-42), статья танзанийца **Джейсона Нкьябонаки**² - «*The impact of Ujamaa ideology in post-Ujamaa rural Tanzania: the case of Kyamyorwa village in Muleba District, Kagera Region*» (с. 43-52); статьи к.и.н., ст.н.с. ИЭиА РАН и ИАФР РАН **Х.М.Турьинской** - «*Танзанийская модель национального строительства: наследие Ньерере*» (с. 115-128); к.и.н., зав. Центром истории и культурной антропологии ИАФР РАН **В.В.Грибановой** - «*Образование в Танзании: история и современность*» (с. 161-173).

В центре внимания исследователей оказалось и творческое наследие Мвалиму. Оно рассматривалось на разных уровнях и в разных измерениях, в контексте теорий panaфриканизма и афроцентризма в статье

¹ Alexander Kavina - PhD, Head, History Department, St. John's University of Tanzania, Dodoma, Tanzania.

² Jason Nkyabonaki - PhD, Senior Lecturer, Department of International Relations and Diplomacy, Centre for Foreign Relations, Dar es Salaam, Tanzania.

к.и.н., ст.н.с. ИАФР РАН **Н.Е.Хохольковой** - «Наследие Джулиуса Ньерере в контексте панафриканизма и афроцентризма» (с. 61-70); в рамках национального строительства - в упомянутых ранее статьях **Т.С.Денисовой**, **С.М.Шлёнской**, **Х.М.Турьинской**; сквозь призму отношений между исламом и христианством - в статье м.н.с. ИАФР РАН **В.Н.Брындиной** - «Наследие Дж.К.Ньерере через призму исламо-христианских отношений на Занзибаре» (с. 146-160).

В статье **С.М.Шлёнской** - «Джулиус Камбараге Ньерере. Биография» (с. 9-15) подчеркивается выдающаяся роль руководства страны в том, чтобы сделать язык суахили государственным языком Танзании (с. 11-12). Дж.Ньерере внес огромный вклад в развитие языковой политики и, как многократно отмечалось авторами, лично перевел часть Евангелия и пьесы В.Шекспира «Юлий Цезарь» (1963 г.) и «Венецианский купец» (1969 г.) с английского языка на суахили.

Дж.Ньерере считал суахили языком элегантным. Подтверждения его личной заинтересованности в изучении и распространении суахили можно найти в статьях д.ф.н., профессора, зав. Кафедрой африканистики ИСАА МГУ **Н.В.Громовой** - «Джулиус Камбараге Ньерере - "отец" нации и языковой политики Танзании» (с. 107-114) и **Н.Е.Хохольковой** (с. 67); в статье д.и.н., гл.н.с. Центра африканских исследований ИВИ РАН, профессора **А.С.Балезина** - «Советская читающая публика и Ньерере: первое знакомство (начало 1960-х годов)» (с. 218-228) и в его же эссе - «У нас с Ньерере одна святая любовь: язык суахили в моей жизни» (с. 257-263).

Представляется, что материалы сборника - вместе и в отдельности - по замыслу редакторов были призваны реализовать одну из важнейших задач издания, связанную с попыткой реконструировать не столько политико-экономический, сколько социально-культурный контекст переходной от колониализма к постколониализму эпохи, в течение которой, благодаря воздействию многих субъективных и объективных факторов, собственно и произошло рождение нации. Вписать в него особенности поведения и менталитета Дж.Ньерере удалось благодаря искусному вплетению в канву сборника воспоминаний. **Н.В.Громова** и к.и.н. **О.И.Тетерин** сумели донести до читателя образ реального человека: элегантного, «моложавого», «подвижного», умеющего «держат» аудиторию (с. 237), ироничного и обаятельного (с. 240), серьезного и внимательного, непосредственного и любознательного (с. 233), испытывающего «живой интерес к судьбе языка суахили за рубежом» (с. 234), способного нарушить президентский протокол.

В своих эссе **Н.В.Громова** - «Две встречи с первым президентом Танзании» (с. 229-235) и **О.И.Тетерин** - «Джулиус Ньерере, каким его помню...» (с. 236-256) всего несколькими штрихами нарисовали портрет не ментора, но Учителя (с большой буквы), готового не торопясь, простыми словами разъяснить то, что, по его мнению, вслед за ним должны понять, принять и усвоить миллионы его соотечественников.

Описание Мвалиму в статьях и эссе позволяет найти исходную точку его популярности - «момент судьбы», который, собственно, и определил для него самого и его народа течение жизни.

Т.С.Денисова в Предисловии отмечает, что «в нём любили и уважали человека - бескорыстного, открытого, преданного идеалам свободы и равенства, и политика, который, как любой другой, мог совершать ошибки» (с. 6). **Н.Е.Хохолькова** упоминает о том, как воспринимали Дж.Ньерере в зарубежной, в том числе африканской, историографии и печати. Его называли «дальновидным суперменом» с собственными убеждениями, интеллектуалом, «одаренным, наделенным воображением» человеком, «самым оригинальным мыслителем англофонной Африки», виновным в создании «танзафилии» - «романтического заклинания, которое Танзания накладывает на многих из тех, кто был с нею связан» (с. 63).

С.М.Шлёнская подчеркивает, что «главной наградой» для Дж.Ньерере было то, что для сограждан он был Мвалиму. Так его называли учащиеся в школах, где он преподавал, «товарищи по борьбе», «вся страна» (с. 14).

Сам Дж.Ньерере, католик по вероисповеданию, очень гордился своим «титолом» и любил повторять, что ему следовало бы быть проповедником в церкви, а не президентом республики (см.: Smith W.E. Nyerere of Tanzania. Harare: Zimbabwe Publishing House, 1981. P. 11).

В октябре 2009 г. на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН было объявлено «о награждении Дж.Ньерере (посмертно) званием "Мировой герой социальной справедливости"» (с. 14), а «в 2005 г. Священная конгрегация по делам святых в Ватикане присвоила Дж.Ньерере титул "Слуги Божьего", тем самым иницировав процесс его причисления к лику святых» (с. 15).

Масштаб личности Дж.Ньерере завораживает; и неудивительно, что в рамках сборника авторам удалось достичь равновесия в характеристиках уникальной человеческой судьбы и общественно-политических и экономических условий, в которых происходил процесс реализации его идей.

Отдельный блок составили материалы, в основу которых легли полевые исследования - статьи к.и.н., ст.н.с. ИАФР РАН **А.А.Банщиковой** «Наследие "отца нации": некоторые заметки об общественном сознании современных танзанийцев по материалам несвязного полевого исследования» (с. 53-60) и «Представления материковых танзанийцев, жителей Занзибара и урожденных занзибарцев о географии арабо-суахилийской торговли XIX в.» в соавторстве с **В.Н.Брындиной** и м.н.с. ИАФР РАН **О.В.Иванченко** (с. 129-145) - обе к теме мало относящиеся. Совместная статья, безусловно, актуальна в плане реализации гранта РФФИ «Культурная память об арабской торговле XIX века и ее влияние на межэтнические отно-

шения в современной Танзании», однако в ней нет ни одной ссылки на труды Дж.Ньерере; его имя не упоминается в библиографии.

Невозможно не подчеркнуть высокий профессионализм д.и.н., чл.-корр. РАН **М.Л.Бутовской**³ и д.биол.н., профессора **Р.О.Бутовского**⁴, чья совместная статья - «*Охраняемые природные территории Танзании и перспективы их развития*» (с. 174-199) представляет безусловную научную ценность в силу своей актуальности, т.к. «около 80% текущих природных катастроф в Танзании обусловлено изменением климата и что экономическое развитие находится под воздействием продолжительных засух, сильных дождей и наводнений, а также роста температур» (с. 175).

Однако тема статьи никоим образом не связана с общей исследовательской стратегией рецензируемого сборника и не содержит никаких ассоциаций с деятельностью Дж.Ньерере - кроме эпиграфа, представляющего собой выдержку из Арушской декларации: «Все природные ресурсы принадлежат всем гражданам и находятся в доверительном управлении для их потомков» (с. 174). Справедливость данного высказывания в отношении Танзании весьма условна; это, подводя итоги, отмечают сами авторы, подчеркивая - «международным сообществом признается, что большая часть охраняемых территорий была взята под охрану без соответствующего учета интересов проживающего там коренного населения» (с. 194).

Столь же сложно найти какие-либо связи с темой сборника и в статье **М.Л.Бутовской** - «*Дележ ограниченными ресурсами у детей и подростков в традиционных обществах Танзании: универсальные и культурно-специфические характеристики*» (с. 199-217) с эпиграфом «...все люди равны» и ссылкой на Арушскую декларацию (с. 199).

Между тем в совокупности представленные в сборнике материалы рисуют вполне объективную картину танзанийских реалий и заметным образом расширяют знания и представления о Танзании, танзанийской нации, идентичности и самом Дж.Ньерере, чье «интеллектуальное и морально-этическое наследие продолжает оказывать влияние на танзанийское общество и вызывает интерес далеко за пределами страны и континента» (с. 63). Из книги ясно, что выдающаяся личность, безусловно, обладает способностью менять ход истории.

Ясно и другое: Танзания - одна из немногих стран Африки, где каждый гражданин сознает себя частью нации. Доказательства тому можно найти на уровне герменевтики и в максимальном приближении к повседневному бытию, о чем свидетельствуют практически все включенные в издание публикации. Их авторы продолжают традиции, заложенные мэтрами советской и российской африканистики, что подтверждает генный субстрат исследований: тщательный подобраный, фундированный, разнообразный, благодаря чему в книге удалось создать живую картину танзанийской действительности.

Отдавая дань исследованиям предшественников и коллег, многие авторы включили в библиографические списки и свои исследования - вероятно, в качестве рекламы, оставив без внимания ряд весьма известных и актуальных трудов Дж.Ньерере, таких как «Свобода и единство» (1967 г.), «Свобода и социализм» (1968 г.), «Свобода и развитие» (1973 г.).

В книге встречаются повторы - их можно было бы убрать, тогда она полностью обрела бы формат монографического исследования; есть разночтения в написании отдельных часто употребляемых терминов, в числе которых «отец нации» и Мвалиму.

В целом же, сборник можно считать большим успехом авторского и редакторского коллектива. Книгу будут использовать историки и политологи, филологи и культурологи, африканисты и не только. Из неё будут извлекать информацию и на её основе формировать знания студенты, а, может быть, даже и школьники, и, наверно, кто-нибудь из них пополнит ряды очарованных «танзафилов», попадет под обаяние образов страны, личности и языка суахили.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гавристова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, исторический факультет, Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, Ярославль, Россия.

Tatyana M. Gavristova, Dr.Sc. (History), Professor, Department of general history, Historical Faculty, P.G.Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 22.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 27.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.08.2022

³ Профессор, зав. Центром кросс-культурной психологии и этологии человека, ИЭиА РАН; гл.н.с., Международный центр антропологии, НИУ ВШЭ; вед.н.с., Учебно-научный центр РГГУ.

⁴ Руководитель Центра инноваций «Экология» Минприроды России.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaun

instagram.com/gaun_/_

gaun.ru

E-mail: info@gaun.ru

vk.com/gaun

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).